

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2024

№ 2 (90)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки);
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2024

Astrakhan Tatishchev State University
2024

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2024
№ 2 (90)

Главный редактор

Л. Ю. Касьянова

доктор филологических наук, профессор
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editor-in-Chief

L. Yu. Kasyanova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Ответственный секретарь

Ю. А. Васильева

кандидат филологических наук, доцент
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Executive secretary

Yu. A. Vasileva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия

З. Р. Аглеева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Н. Ф. Алефиренко, д-р филол. наук, проф.
Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А. А. Боровская, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Галичкина, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
О. Г. Егорова, д-р филол. наук, проф.
Московского государственного лингвистического университета;
Е. Е. Завьялова, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Э. А. Китанина, д-р филол. наук, проф.
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

М. Л. Лаптева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
И. П. Лысакова, д-р филол. наук, проф.
Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
М. Г. Меркулова, д-р филол. наук, проф.
Московского педагогического государственного университета;
С. В. Ракитина, д-р филол. наук, проф.
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Г. В. Файзиева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева;
Е. Н. Шеховцева, д-р филол. наук, проф.
Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Editorial Board

Z. R. Agleeva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
N. F. Alefirenko, D. Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A. A. Borovskaya, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Galichkina, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
O. G. Egorova, D. Sc. (Philology), Professor, Moscow State Linguistic University;
E. E. Zavyalova, D. Sc. (Philology), Professor, Tatishchev Astrakhan State University;
S. A. Kibalnik, D. Sc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
E. A. Kitanina, D. Sc. (Philology), Professor,
Pushkin State Russian Language Institute;
M. L. Lapteva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
I. P. Lysakova, D. Sc. (Philology), Professor, Herzen University;
M. G. Merkulova, D. Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
S. V. Rakitina, D. Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Pedagogical University;
G. V. Fayzieva, D. Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
E. N. Shekhovceva, D. Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan Tatishchev State University

Журнал выходит 4 раза в год
The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2024
© Скоблев В. Д., оформление обложки, 2024
© Astrakhan Tatishchev State University, 2024
© Skoblev V. D., cover design, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О. В. Белопухова, С. А. Жезлова

Семантическая трансформация метафорических моделей
миграционного дискурса (на материале СМИ Германии,
Австрии и Швейцарии) 5

З. Моаззензаде, Х. Сиями Эйдлак

Характерная лексика русского языка в персидском языке 14

С. М. Дж. Язданмехр, А. К. Салими

Русский речевой этикет соболезнования, сочувствия и сопереживания
в зеркале персидского языка 22

Е. В. Лапочкина

Семантическая специализация синонимов
в латинской медицинской терминологии 28

М. Л. Лаптева

Репрезентация инокультурных концептов «агрессивными»
фразеологическими единицами русского языка 36

Л. Ю. Буянова, К. О. Махин

Лексико-семантический аспект выражения иронии
в политическом дискурсе (на материале текстов политиков России,
США и Великобритании) 43

Е. А. Миронова, М. И. Жулева

Особенности организации ономастического пространства Оренбурга
(на примере названий стоматологических учреждений) 49

Е. В. Петрушова

Языковые барьеры на пути эффективной
межкультурной коммуникации 55

Н. Ю. Фанян

Интегративное осмысление религиозного и научного дискурсов 64

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. А. Абызов, Т. Г. Барышева

Игровая поэтика в европейской литературе переходных эпох
(от готики до модерна) 71

А. А. Боровская, О. О. Ошмарина

Фольклорная основа художественной картины мира
в рассказе Ю. Мамлеева «Голубой» 80

А. Г. Мендагалиева

Своеобразие цветовой палитры хоррора
в прозе Александра Варго 91

Г. В. Токарев

Жанровая специфика книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» 96

Л. В. Слесивцева

Функции ремарки в пьесах А. Н. Островского 1850-х годов 102

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 111

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 114

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 5–13.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):5–13.

Научная статья
УДК 811.11, 811.133.1

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СМИ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ)**

Ольга Владимировна Белопухова^{1✉}, Светлана Александровна Жезлова²

^{1, 2}Костромской государственной университет, Кострома, Россия

¹klepa3367@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

²zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Аннотация. Репрезентации метафорических моделей сферы «мигрант» в современной науке изучены в недостаточной мере, что определяет актуальность лингвистического анализа текстов миграционного медиадискурса. Авторы предпринимая попытку выявить отношение немецкоязычного социума к мигрантам и миграционной политике ЕС через анализ речевых структур. Настоящая статья посвящена исследованию метафорических моделей в миграционном дискурсе ряда немецкоязычных стран и особенностей их трансформаций. Накопленный эмпирический материал позволил провести категоризацию соответствующих метафор, а также описать наиболее распространённые и выявить новые метафорические модели. Материалом исследования послужили оригинальные статьи из периодических онлайн-изданий Австрии, Германии, Швейцарии за 2023 год, содержащие метафорические номинации. Исследователи приходят к следующему выводу: современный медиадискурс Австрии, Германии, Швейцарии становится всё более экспрессивным, стремится к некой «карнавализации», репрезентуется в частотном употреблении метафор, что можно рассматривать как приём манипулирования сознанием читателя и формирования определённой политической картины мира. Метафоры модельного ряда «миграция» в связи с обострением миграционной ситуации претерпевают различные семантические трансформации: появляются новые модели, возникают новые образы, метафоры получают новое толкование или отдельные семантические признаки выходят на первый план.

Ключевые слова: немецкоязычный миграционный дискурс, метафорическая модель, миграция, семантическая трансформация, немецкий язык

Для цитирования: Белопухова О. В., Жезлова С. А. Семантическая трансформация моделей миграционного дискурса (на материале СМИ Германии, Австрии и Швейцарии) // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 5–13.

Original article

**SEMANTIC TRANSFORMATION OF METAPHORICAL MODELS OF MIGRATION DISCOURSE
(BASED ON THE MEDIA OF GERMANY, AUSTRIA AND SWITZERLAND)**

Olga V. Belopukhova^{1✉}, Svetlana A. Zhezlova²

^{1, 2}Kostroma State University, Kostroma, Russia

¹klepa3367@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

²zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Abstract. The article studies metaphorical models in the migration discourse of a number of German-speaking countries and the features of their transformations. The accumulated material made it possible to categorize the relevant metaphors, as well as describe the most common ones and identify new metaphorical models. Authentic articles

from online periodicals in Austria, Germany, and Switzerland published in 2023 and containing metaphorical nominations serve as the research material. The researchers come to the following conclusion: the modern media discourse of Austria, Germany, Switzerland is indeed becoming more expressive and is represented by the frequent use of metaphors, which can be considered a method of manipulating the reader's consciousness and forming a certain political worldview. The metaphors of the "migration" model undergo various semantic transformations related to the aggravation of the migration situation such as the emergence of new models and the change of their semantic interpretations.

Keywords: migration discourse, German, metaphorical models, semantic transformations

For citation: Belopukhova O. V., Zhezlova S. A. Semantic transformation of metaphorical models of migration discourse (based on the media of Germany, Austria and Switzerland). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):5–13.

Европейское сообщество столкнулось с небывалой интенсивностью миграционного движения, которое в последние годы не только не ослабевает, но даже усиливается. Причиной тому стали военные конфликты, экологические и гуманитарные катастрофы, экономический кризис на разных континентах. Официальные правительственные источники стремятся подавать информацию о беженцах и мигрантах в нейтральном или положительном ключе, а медиатексты независимой прессы, журналистов альтернативных изданий и комментарии читателей СМИ изобилуют негативными оценками, наблюдается большое количество новых метафор, новообразований, заимствований. Это определяет актуальность лингвистического анализа текстов миграционного медиадискурса и позволяет ответить на вопрос о репрезентации метафорических моделей сферы «мигрант» на материале немецкоязычных СМИ.

За последнее десятилетие в России появилось достаточное количество исследований, посвящённых проблемам миграционного дискурса: исследуются медиаобразы и концепты «мигрант», «эмигрант», «беженец», «другой», «чужой» (И. В. Архипова, М. И. Дойникова, О. А. Иванова, Г. П. Кофанова, Ю. А. Мальцева, Н. В. Христианова, С. В. Шустова). Чаще всего, как отмечают авторы, лексическая репрезентация концепта мигрант выражена лексемами с негативной коннотацией (Т. В. Овсиенко, Г. М. Чопсиева, Н. В. Христианова, С. В. Шустова) и лишь в редких случаях с положительной (М. И. Дойникова). Многие авторы выделяют и описывают отдельные группы метафорических моделей, представленные на интернет-сайтах немецкоязычных изданий, например, беженцы как катастрофа и ресурс (О. А. Иванова); мигранты как стихийное, неконтролируемое и массовое движение, угроза обществу (Я. А. Нестерова, Е. А. Бурова); миграция как стихия, болезнь или война (М. Ю. Свинкина, С. С. Сорока).

Базисную основу данного исследования составляют метафоры немецкоязычного медиадискурса. Цель работы: описание наиболее частотных из них и выявление закономерностей их трансформации. Авторы анализируют медиатексты немецкоязычного пространства, посвящённые миграционной тематике, и выявляют метафорические модели в актуальном аутентичном материале. Таким образом, через анализ речевых структур можно выявить отношение немецкоязычного социума к мигрантам и миграционной политике ЕС.

Материалом исследования являются статьи из периодических онлайн-изданий Австрии, Германии, Швейцарии за 2023 г.: «Kurier», «Puls24», «Infosperber», «Tagesanzeiger», «Focus», «Rheinpfalz», «Deutschlandfunk», «Spiegel», «Tageszeitung», «Zeit», «Katholisches Medienzentrum», «Neue Zürcher Zeitung» и др.

Теоретической основой исследования послужили труды Дж. Лакоффа, Э. В. Будаева, А. П. Чудинова. В классической монографии Дж. Лакоффа метафора рассматривается как основная когнитивная операция и способ познания мира [6, с. 244]. А. П. Чудинов определяет метафорическую модель

как существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами [13, с. 27]. Опираясь на концепцию А. П. Чудинова, мы выделили несколько частотных метафорических моделей миграционного дискурса в немецкоязычных СМИ.

Работа с эмпирическим материалом проходила в несколько этапов: анализ немецкоязычных электронных версий СМИ Германии, Австрии и Швейцарии, составление корпуса примеров концептуальной метафоры (метод сплошной выборки); распределение материала по семантическим группам; выделение моделей концептуальных метафор, характерных для указанного данного дискурса; анализ лингвистических способов актуализации. Всего авторами было проанализировано около 900 текстов, содержащих метафорические номинации. Корпус примеров для непосредственного анализа составил 117 фрагментов, было выделено 14 частотных метафорических моделей.

В немецкоязычном медиадискурсе наблюдаются универсальные метафорические модели. На данном этапе наиболее частотной из них с разветвлённой системой метафор является модель «миграция – это война». В военных метафорах присутствуют векторы опасности и тревожности, негативное отношение к мигрантам и желание защитить свою страну от беженцев. Так, например, премьер-министр Италии полагает, что миграция – это вызов обществу, «объявление войны»: «Das ist kein spontanes Phänomen, sondern eine Kriegserklärung» – и представляет жизнь в условиях массовой миграции как военные действия: «... Matteo Salvini betrachtet die Ankunft der Flüchtenden in Richtung Lampedusa als Kriegsakt gegen Italien».

Военная метафора реализуется по определённому сценарию с традиционными составляющими войны: открыт «фронт» (Front gegen Migranten), проходят «манёвры» (politisches Manöver), появляются «горячие точки» (Hotspot Lampedusas), перевалочные пункты (Umschlagplatz der illegalen Migration), идёт мобилизация, планируются наступления и отступления (Sie mobilisieren Abwehrkräfte, der Rückzug, der Vormarsch, die Kriegsführung), приток мигрантов может вызвать «социальный взрыв» (Asyl-Zuzug birgt «sozialen Sprengstoff»).

Объединённые сферой-источником «Война», метафоры данной модели представляют миграцию как угрозу для общества, а мигрант предстаёт в образе врага или вражеской армии (dieses Heer von Armen) и орды (eine «Horde» irregulärer Migranten). Мигранты представляются авторами публикаций – захватчиками, вторгающимися на территорию Европы (Eindringlinge, die illegal ins Land kommen). В политических «сражениях» мигрантов используют как оружие (Waffen); ведётся сражение с нерегулируемой миграцией (Bekämpfung der irregulären Migration); страны находятся в «осаде» (Ungarn im Belagerungszustand), Европа обороняется от мигрантов (Londons Flüchtlingsabwehr); Ватикан требует прекратить войну с мигрантами (Stoppt den Krieg gegen Flüchtlinge); на границе Финляндии и России идёт «велосипедная война» с мигрантами, которые хотят пересечь границу таким способом (Fahrradkrieg).

С милитарными метафорами сопряжены метафоры, представляющие борьбу с нежелательными мигрантами как охоту, например: «Jagd auf Schleuser – wirken Grenzkontrollen?» Ярко предстаёт образ нелегального мигранта как «лёгкой добычи» (leichte Beute) для всякого рода мошенников, которые желают нажиться на них.

Модель «миграция – это стихийное бедствие», представляющая мигранта как внешнюю угрозу для Германии, часто используется немецкими СМИ и обладает негативным прагматическим потенциалом. Популярный элемент этой модели – метафора волны, описывающая рост числа прибывших мигрантов, ассоциируется с неотвратимой опасностью. Так, министр иностранных дел Италии предупреждает о росте числа прибывающих мигрантов в его страну: «Wenn das Problem nicht an der Wurzel gelöst wird, werden die Wellen

von Migranten, die wir nicht aufnehmen können, zunehmen». Другие метафорические образы природных катаклизмов, таких как цунами (der Tsunami), наводнение (die Überschwemmung, die Flut), гроза (das Gewitter) с признаками катастрофа, крушение, гибель выходят в немецком медиадискурсе 2023 г. на первый план.

Метафорику воды дополняют образы сильного ветра. Немецкие журналы цитируют британских политиков, которые предупреждают об «урагане» (der Orkan) мигрантов и иллюстрируют увеличение их числа образами с нарастающей интенсивностью стихии: der Wind des Wandels (ветер перемен), die Böe (порыв ветра) и, наконец, der Hurrikan (ураган). В ходе анализа эмпирического материала был выявлен новый слот данной метафорической модели: массовая гибель мигрантов у острова Лампедуза вызвала ассоциацию с морем мёртвых «das Meer der Toten».

Метафоры в проанализированных фрагментах статей иллюстрируют противостояние человек – стихия, где миграция выступает мощной, разрушительной сверхсилой.

Модель «миграция – это дорога» представляет метафоры, источником которых является дорожная сфера, например: der Fahrplan (расписание), bremsen (тормозить), die Notbremse ziehen (нажать на тормоз), Gas geben (давать газу), der Migrantenstau (пробка из мигрантов), grünes Licht geben (давать зелёный свет), die Einbahnstraße (улица с односторонним движением), die Zweibahnstraße (улица с двусторонним движением), die Sackgasse (тупик), der schmale Pfad (узкая тропинка), der Spurwechsel (смена дорожной полосы).

Метафоры описывают миграцию как однонаправленный поступательный процесс, дорогу с поворотами, торможением на опасных участках, пробками, сменой дорожной полосы как смены курса и расписанием движения по этой дороге и тупиками, например: Migrantenstau in Italien sorgt für Ausschreitungen. EU-Kommission schlägt Fahrplan für eine zukunftssichere Migration vor.

Ярко и продуктивно образ миграции как регулируемого движения представлен в глагольных метафорах: Gas geben, steuern, stoppen, Notbremse ziehen, grünes Licht geben, например Testphase für März 2024: Bayern gibt bei Bezahlkarten für Asylbewerber Gas; Schweden zieht Notbremse – Migranten müssen raus. Метафору пути дополняет в этой группе образ узкой тропинки «der schmale Pfad», который описывает временный спад миграционного потока и в то же время подчёркивает опасность пути.

В совокупность образов, связанных с идеей пути, включается базисная метафора путешествия. В немецкой прессе подробно описываются новые миграционные маршруты. Приведём несколько примеров заголовков подобных статей: «Wieder mehr Flüchtlinge auf der Belarus-Route», «Italien: 13.700 Migranten kamen über Balkan-Route». Политик из Тюрингии сравнивает продвижение мигрантов по стране с сафари по земле обетованной, которое, однако, превращает немецкие города в свалку мусора: «Die Safari durchs Schlaraffenland muss aufhören».

Медиатексты о миграции включают и зоометафоры. В переносном значении они отражают разнообразные черты животных: их поведение, повадки, особые качества и т. п. В актуальной прессе эта группа представлена, например, низшими животными (насекомыми, паразитами) с отрицательной характеристикой «вредитель»: «Bei der unkontrollierten Einwanderung auch die Gefahr bestehe, dass „Ungeziefer“ ins Land komme». Швейцарский общественный деятель сравнивает свою страну с муравейником: «Herr Thurnherr, Sie haben die Schweiz einmal als Ameisenhaufen bezeichnet – über den sich das Ausland immer von neuem wundere, wenn es einmal hineinsticht».

Семантическое переосмысление композита основано на метафорическом использовании компонента «Ameisen», где актуализируется не дифференциальная сема «трудолюбие», как на первых этапах миграции, а сема «большое количество». Слово «муравейник» (Ameisenhaufen) отражает

негативные представления коренного населения о том, что мигрантов слишком много и они хаотично движутся, как муравьи в муравейнике. Метафорическая единица «in Scharen» («стаями») также актуализирует понятие «в большом количестве» прибывших в страну иммигрантов: «Ausgewanderte Ungarn ziehen in Scharen nach Hause».

В немецкоязычном медиадискурсе 2023 года отмечается небольшой процент «звериной» метафорики с негативными коннотациями: нелестные сравнения мигрантов противоречат политкорректности и вызывают возмущение в высших эшелонах власти. В недавно появившемся в Австрии стихотворении «Die Stadtratte (Nagetier mit Kanalisationshintergrund)» идёт однозначное сравнение мигрантов с крысами. Отрицательные метафорические ассоциации вызывают отвратительное поведение мигрантов в принимающей стране и нападения на местных жителей. Возмущённый представитель партии СПД называет таких преступников оскорбительным наименованием «обезьяны» (Affen), подчёркивая их разнузданное поведение.

В модели «миграция – это театр» миграционные процессы представляются как некое «театральное действо», которое было создано по определённому сценарию (Szenario). Журналисты оперируют такими метафорами, как «das Todes-Drama», «die Schiffstragödie», «die Szene», положение маленького острова Лампедуза описывается как драматическое (dramatisch), разыгрываются трагедии «„Tragödien spielen sich ab“: Todes-Drama: Schlepper stehen massiv unter Druck». Метафора «шоу» (die Show) получает своё развитие в комментариях к партийным дебатам, поводом для которых выступает кризис миграции: «Mehr Show als Debatte? Wie die Migrationskrise die Ampel herausfordert», а важные переговоры по решению проблем мигрантов проходят «за кулисами» (Hinter den Kulissen).

Метафоры сферы «театр» с элементом наигранности преимущественно негативны и вызывают отрицательные ассоциации в сознании немецкой общности. Известные характеристики театра (зрелищность, неискренность, масштабность) разыгрываются в миграционном дискурсе по-новому.

Единицы модели «миграция – это спорт» встречаются в контексте, который представляет положительное отношение населения к мигрантам. Метафоры «соревнование», «состязание» (der Wettbewerb, der Wettlauf) отражают борьбу за квалифицированную рабочую силу, богатых и талантливых иммигрантов, здесь миграция – необходимое и выгодное для страны и экономики явление, например «Wettbewerb um „Millionärs-Migranten“».

Огромный приток мигрантов в страны Евросоюза стал поводом для появления спортивных метафор: рекорды (die Rekorde), гонка (das Wettrennen), стартовый свисток (der Startschuss), в которых проявляется негативный оттенок и яркий образ масштабной иммиграции. Спортивное состязание, борьба (das Ringen) даёт метафорическое представление о кризисном конфликте, решение которого проходит в несколько раундов (die Runde). Спортивные метафоры реализуют в миграционном дискурсе значения соперничества, конкуренции и агрессии, имитируя жёсткое спортивное противостояние коренного населения и мигрантов.

Сочетаемость спортивной и игровой метафорики находит выражение в крайней степени отрицательной окраски в модели «миграция – это игра», где деятельность политиков рассматривается как политические игры, например «Lettland: Migranten als politischer Spielball». Политики преследуют свои цели, манипулируя ситуацией с массовой миграцией, идёт игра в «Кошки – мышки» (das Katz-und-Maus-Spiel), в которой нет победителей. Страны Евросоюза выступают ключевыми игроками, а мигранты представлены в этой игре «мячами для пинг-понга»: «Papst: Migranten nicht wie Ping-Pong-Bälle zurückschicken». Метафоры понятийной сферы «игра», толкуемые в первую очередь как манипуляция, реализуют негативный эмоциональный заряд.

В реализации модели «миграция» – это товарно-денежные отношения» образно используется лексика, обозначающая отношения по схеме «товар – деньги». В немецкой концептосфере мигрант может выступать «живым товаром», который покупают и продают, отправляют и доставляют. Многие экономические метафоры обладают, с одной стороны, вектором полезности и прибыльности для общества: «das Geschäft» (сделка), «der Profit» «der Gewinn» (прибыль), а с другой – в них отражается расчётливое отношение к мигрантам, которые приносят прибыль и рассматриваются как полезный ресурс (die Ressource) или «мотор» («der Entwicklungsmotor») для развития страны, например: «EU-Migrationskompromiss: ein Gewinn an europäischer Souveränität».

Не единично встречаются образные метафоры нелегальности. Мигранты – просто товар, который не имеет большой ценности, идёт торговля людьми (die Ware Mensch, der Menschenhandel), мигранты – рабы (Sklaven), товар, который, к сожалению, нельзя хранить (deponieren).

Модель «миграция – это живой организм, болезнь». С физиологической метафорой, с понятием «болезнь» (симптомы, диагноз, вирус, страдания, боль, страх и смерть) в осмысление иммиграции привносятся негативные смыслы. Так, Папа Римский в обращении к верующим призывает не считать мигрантов «вирусом или захватчиком»: «Niemand dürften Migranten oder Geflüchtete als Virus oder Eindringling gesehen werden». Он называет массовую гибель мигрантов у острова Лампедуза «открытой раной общества» (Offene Wunde). Журналисты приводят слова министра внешней политики Италии о том, что наплыв мигрантов стал мучением для Туниса и Италии: «... eine Plage für Tunesien und Italien gleichermaßen». К «живым» метафорам можно отнести образы «горячего сердца» (warmes Herz) как символа сострадания и «холодной головы» (kühler Kopf) в решении миграционных проблем.

Использование религиозной метафоры посредством отсылки к библейским сюжетам формирует у читателя готовое оценочное суждение, например: рай и ад (Himmel und Hölle), заключить сделку с дьяволом (ein Pakt mit dem Teufel), переселение народов (Völkerwanderung), грех (Sünde), камень преткновения (Stolperstein), рай на земле (Himmel auf Erden), крошки с Божьего стола (Krümel vom Tisch). Политики призывают не делать из мигрантов «козлов отпущения», не запугивать, а интегрировать в немецкое общество: «Willkommenskultur statt Repressionen: Flüchtlinge nicht zu Sündenböcken machen». Образ Германии как страны обетованной (das Schlaraffenland), символа спасения, освобождения и счастливой сытой жизни часто используется журналистами в статьях о мигрантах.

Серия новых метафор касается цвета (преимущественно «чёрный» и «белый»). Они формируют в массовом сознании представление о положении дел в современной Европе. В их основе лежит метафорический перенос значения цвета кожи людей негроидной и европейской расовых принадлежностей: «Das ist ein wirklich schwarzer Moment für die öffentliche Gesundheit. Was folgte, war eine „Jagd auf Schwarze“». Итальянский министр сельского хозяйства высказывает свои опасения по поводу того, что «белая раса» в связи с миграцией вытесняется «небелой»: «...die „weiße Rasse“ sei existenziell durch Einwanderung bedroht und werde schleichend durch Nichtweiße ersetzt».

Метафорические модели могут комбинироваться друг с другом, рождая новые, яркие образы. Например, метафора «im Kugelhagel» (под градом пуль) является результатом сопряжения военной и стихийной модели. Образ града вписывается в военную тематику, рисуя картину военного конфликта в Африке, где массово погибают беженцы.

Миграционный дискурс пополняется и новыми, уникальными метафорами, не входящими ни в один модельный ряд исследуемой группы. Впервые метафора «дочери католического рабочего из сельской местности» появилась в книге социолога Ральфа Дарендорфа «Демократия и общество в Германии» в 1965 году, в 1970-е годы это выражение стало формулой

недостаточного образования и низкого социального происхождения детей из рабочих семей, родившихся в католических семьях, которые сталкивались с определёнными ограничениями в получении образования. В настоящее время этот метафорический образ получил новое толкование, авторы статей подчёркивают низкий уровень образования и знания немецкого языка детей беженцев.

Еще одна метафора «Aschenputtel-Prinzip» получила в миграционном дискурсе своё вторичное значение. Принцип сортировки чечевицы из сказки про Золушку, по словам журналистов, применяют европейские политики по отношению к квалифицированным и неквалифицированным беженцам: «...eine Prüfung nach dem Aschenputtel-Prinzip: Die Guten, möglichst wenige, dürfen dann rein; die Schlechten, möglichst viele, sollen draußen bleiben». Германия заинтересована в том, чтобы образованные мигранты, оставались в стране, а беженцы, не имеющие профессии и не знающие немецкого языка, – за её пределами.

В ходе настоящего исследования рассмотрены особенности частотных метафорических моделей миграционного дискурса немецкоязычных СМИ за 2023 год и показаны языковые способы их актуализации. Авторы выделили 14 метафорических моделей: «война» (23 слота), «дорога» (17 слотов), «библейские образы» (11 слотов), «стихийное бедствие» (10 слотов), «театр» (9 слотов); «товарно-денежные отношения» (9 слотов), «спорт» (9 слотов), «живой организм, болезнь» (7 слотов), «животное, насекомое» (6 слотов), «свой – чужой» (4 слота), «дом, здание» (4 слота), «цвет» (4 слота) «игра» (3 слота), «мифологические образы» (2 слота) – и пять уникальных метафор. Метафоры модельного ряда «миграция» претерпевают в связи с обострением миграционной ситуации различные семантические трансформации. В миграционном дискурсе появляются новые модели, возникают новые образы, метафоры получают новое толкование, или отдельные семантические признаки выходят на первый план.

Проанализировав тексты ряда немецкоязычных СМИ, мы можем констатировать, что современный медиадискурс Австрии, Германии, Швейцарии становится всё более экспрессивным, стремится к некой «карнавализации», репрезентуется в частотном употреблении метафор, что можно рассматривать как приём манипулирования сознанием читателя и формирования определённой политической картины мира.

Список источников

1. Архипова И. В. Деривационные модели девербатов в миграционном дискурсе / И. В. Архипова // Миграционная лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 4–12.
2. Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
3. Дойникова М. И. Языковая реализация концепта Миграция // Migration в современном немецком языке / М. И. Дойникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 550–554.
4. Иванова О. А. «Чужие» в метафорических репрезентациях беженцев / О. А. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (70), ч. 1. – С. 103–106.
5. Кофанова Г. П. Анализ языкового выражения и динамики концепта «Эмигрант» в дискурсе СМИ Германии / Г. П. Кофанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3 (81), ч. 2. – С. 337–340.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Мальцева Ю. А. Концепт «Беженец» в немецких медиатекстах / Ю. А. Мальцева // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 5 (22). – С. 39–43.
8. Нестерова Я. А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки / Я. А. Нестерова, Е. А. Бурова // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 6. – С. 565–572.

9. Овсиенко Т. В. Образ мигранта и способы его формирования в немецком языке (на материале немецких онлайн-газет и журналов) / Т. В. Овсиенко, Г. М. Чопсиева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 57–62.
10. Свинкина М. Ю. Метафорические модели «чужого» в дискурсе о миграции (на примере русского и немецкого языков) / М. Ю. Свинкина // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – № 23. – С. 114–120.
11. Сорока С. С. «Стихийные» концептуальные метафоры в дискурсе о мигрантах в речи правых политиков (на примере выступлений Т. Окамуры и В. Жириновского) / С. С. Сорока // Российские исследования. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 78–87.
12. Христианова Н. В. Лексическая объективация концепта «Flüchtling» в германских печатных СМИ / Н. В. Христианова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–3 (78). – С. 189–192.
13. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.
14. Шустова С. В. Концептосфера миграции в немецком миграционном дискурсе: анализ корпусных данных / С. В. Шустова // Миграционная лингвистика. – 2022. – № 4. – С. 50–62.

References

1. Arkhipova I. V. Derivational models of deverbatives in migration discourse. *Migratsionnaya lingvistika = Migration linguistics*. 2020;2:4–12.
2. Budaev Ye. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii = Metaphor in political communication*. Moscow: Flinta Nauka Publ.; 2008:248 p.
3. Doynikova M. I. Linguistic implementation of the concept Migration // Migration in modern German. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2023;16(2):550–554.
4. Ivanova O. A. “Strangers” in Metaphorical Representations of Refugees. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017;4–70(1):103–106.
5. Kofanova G. P. Analysis of Linguistic Expression and Dynamics of the Concept “Emily Grant” in the Discourse of the German Media. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018;3(81):337–340.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS; 2004:256 p.
7. Maltseva Yu. A. The Concept of “Refugee” in German Media Texts. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field of Media Education*. 2016;5(22):39–43.
8. Nesterova Ya. A., Burova E. A. On the Issue of the Peculiarities of Using Metaphors in the Migration Discourse of Germany, Austria, England and America. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Russian Journal of the Humanities*. 2016;5(6):565–572.
9. Ovsienko T. V., Chopsieva G. M. The Image of a Migrant and Ways of Its Formation in the German Language (Based on German Online Newspapers and Magazines). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Journal of the Humanities*. 2018;7;3(24):57–62.
10. Svinkina M. Yu. Metaphorical models of “foreign” in the discourse on migration (based on the Russian and German languages). *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezultatov issledovaniy = A new word in science and practice: hypotheses and testing of research results*. 2016;23:114–120.
11. Soroka S. S. “Spontaneous” conceptual metaphors in the discourse on migrants in the speech of right-wing politicians (based on the speeches of T. Okamura and V. Zhirinovskiy). *Rossiyskie issledovaniya = Russian studies*. 2021;2(2):78–87.
12. Khristianova N. V. Lexical objectification of the concept “Flüchtling” in German print media. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017;12–3(78);189–192.
13. Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays on modern political metaphorology*. Yekaterinburg; Ural State Pedagogical University; 2013:176 p.
14. Shustova S. V. The conceptual sphere of migration in the German migration discourse: analysis of corpus data. *Migratsionnaya lingvistika = Migration linguistics*. 2022;4:50–62.

Информация об авторах

О. В. Белопухова – кандидат филологических наук, доцент;

С. А. Жезлова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Belopukhova – Candidate of Philology, Associate Professor;

S. A. Zhezlova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 04.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 14–21.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):14–21.

Научная статья
УДК 81'373.45

ХАРАКТЕРНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Зейнаб Моаззензаде^{1✉}, Халида Сиями Эйдлак²

¹Мешхедский университет имени Фирдоуси, Мешхед, Иран

²Боджнордский университет, Боджнорд, Иран

¹moazen@um.ac.ir✉, <https://orcid.org/0009-0000-0834-9520>

²kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

Аннотация. В данном исследовании авторами предпринята попытка систематизации заимствований персидского языка русского происхождения. Изучению русизмов в персидском языке уделялось изначально меньше интереса по сравнению с изучением иранизмов в русском языке. Слово, попадая в чужую для него среду, претерпевает всевозможные фонетические изменения, которые порождены расхождениями в фонетических структурах. Цель статьи – исследование персидских лексических единиц русского происхождения с точки зрения их фонетической адаптации. Авторами проведён краткий анализ фонетической адаптации русизмов в лексике персидского языка. В статье наглядно даны примеры общеупотребительных заимствований персидского языка, отобранные методом выборки из ведущего словаря персидского языка «Большой толковый словарь Сохан». В результате исследования были выявлены 78 общеупотребительных лексических единиц русской этимологии и 10 единиц сомнительной русской этимологии. Материалы статьи могут послужить фундаментом для дальнейших изысканий как русских, так и иранских исследователей лингвистов, специалистов области лексикологии.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Иран, персидский язык, заимствования, русизмы, фонетическое освоение

Для цитирования: Моаззензаде З., Сиями Эйдлак Х. Характерная лексика русского языка в персидском языке // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 14–21.

Original article

CHARACTERISTIC VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN PERSIAN

Zeinab Moazzenzade^{1✉}, Khalida Siyami Eidlak²

¹Ferdowsi University of Mashhad, Mashhad, Iran

²University of Bojnord, Bojnord, Iran

¹moazen@um.ac.ir✉, <https://orcid.org/0009-0000-0834-9520>

²kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

Abstract. In this study, the authors made an attempt to systematize borrowings of the Persian language of Russian origin. Initially, less interest was given to the study of Russisms in the Persian language, compared to the study of Iranisms in the Russian language. A word, entering an environment that is foreign to it, undergoes all sorts of phonetic changes, which are generated by discrepancies in phonetic structures. The objectives of this study include the study of Persian lexical units of Russian origin from the point of view of its phonetic adaptation. Thus, the purpose of this study is to identify the main ways of adapting the phonetic character of Russian borrowed vocabulary into the Persian language. The authors conducted a brief analysis of the phonetic adaptation of Russisms in the vocabulary of the Persian language. The article clearly shows examples of commonly used borrowings of the Persian language, selected by sampling from the leading dictionary of the Persian language “Big Explanatory Dictionary Sohan”. As a result of the study, 78 commonly used

lexical units of Russian etymology and 10 units of dubious Russian etymology were identified. This study can serve as a foundation for further research by both Russian and Iranian linguist researchers and specialists in the field of lexicology.

Keywords: Russian as a foreign language, Iran, Persian language, borrowings, Russianisms, phonetic development

For citation: Moazzenzade Z., Siyami Eidlak Kh. Characteristic vocabulary of the Russian language in Persian. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):14–21 (In Russ.).

Персидский язык входит в состав индоевропейской семьи языков и относится к юго-западной ветви иранских языков. Своё начало персидский язык берет примерно со II тысячелетия до новой эры и охватывает довольно длительный период развития. Древнеперсидская клинопись существовала ещё в VI–IV веках до новой эры, а с укреплением ислама на всей территории Ирана получают распространение арабский язык и арабская вязь. Несмотря на то, что арабский язык повсеместно проник на территорию Ирана, полностью вытеснить персидский язык ему не удалось. Персидский язык является истинным национальным достоянием Ирана. На этом языке творили писатели и мыслители Хаким Абулькасим Фирдоуси, Низами Ганджави, Саади, Хафиз Ширази, Джелаледдин Руми и другие классики, которые приобрели известность мирового масштаба. Несмотря на то, что современный персидский язык насыщен арабизмами, можно утверждать, что лексика персидского языка до 60 % представлена словами арабской этимологии, однако фундамент все-таки представлен классическим персидским языком.

Немаловажное место в составе современного персидского языка занимает общеупотребительная лексика русской этимологии, которая является объектом нашего исследования. Первые контакты иранского и славянского языков относятся к I тысячелетию до новой эры [7, с. 217].

Самые древние заимствования лексем из русского языка в персидский язык следует отнести к началу правления Каджаров в Иране. Основная масса данных слов проникает в результате налаживания и активизации связей дипломатического, торгового и культурного обмена благодаря дневникам, отчётам и запискам путешественников.

На данный момент вопросам персидских заимствований в русско-персидской лингвистике было посвящено достаточно большое количество исследовательских работ, однако вопросам и проблемам проникновения и ассимиляции лексических единиц русской этимологии, значению роли и месту их в структуре персидского языка до сих пор не было уделено должного внимания, чем и характеризуется актуальность данного исследования.

В ЛЭС заимствованием называется элемент чужого языка, который перенесён из одного языка в другой в результате языкового контакта [9, с. 153].

В персидской лингвистике заимствованием принято считать процесс внедрения лексических единиц одного языка или диалекта в другой, а сами единицы – лексическими заимствованиями [3, с. 60].

Э. Хауген выделял три типа иноязычных слов в зависимости от степени перенесения фонетической оболочки:

1) заимствованное слово (loanwords) – полное перенесение фонетической оболочки иностранного слова;

2) заимствованный сдвиг (loanshifts) – слова с полным перенесением морфологической оболочки иностранного слова;

3) собственно заимствованные слова (pure loanwords) и гибридные заимствования (loanblends) в зависимости от того, переносятся ли иностранные морфемы полностью или частично [6, с. 352–353].

Исходя из того, что «основным признаком заимствованных слов лингвисты считают не простое их проникновение в заимствующий язык, ... а закрепление в словарном фонде данного языка, их полное подчинение нормам данного языка» [2, с. 91], в качестве исследуемого материала послужил «Большой толковый словарь Сохан» автора Х. Анвари (далее – словарь «Сохан»).

Иран не имеет сухопутной границы с Россией, однако на протяжении веков две страны связывали торговые, политические и экономические отношения, и в Иране было сильно влияние русского языка.

Всего в персидском языке насчитывается сравнительно небольшое количество русизмов, в отличие от иранизмов в русском языке. Исследователи О. М. Ястребова, Е. П. Писчурникова и С. Е. Костиков выдвигают следующую точку зрения на данное явление: данное разногласие – результат искажённости и неполноты источников (толковых и этимологических словарей). В России изучение архивных документов и источников дипломатии началось достаточно давно, и потому в поле зрения составителей словарей попало больше слов. В Иране ситуация складывалась немного иначе, и так как документальных источников, актов и грамот практически не сохранились, то и количество заимствованной лексики, зафиксированной в словарях, намного меньше [8, с. 50].

Иранский исследователь персидского языка И. Башири, составляя рейтинг количества заимствованных слов в персидском языке, отметил, что самое большое количество из них приходится на арабский язык (примерно 12 тысяч слов из области богословия и религии), французский язык – до 3 тысяч слов, турецкий язык – до 1,6 тысяч слов. На русский язык, согласно его рейтингу, приходится менее ста слов [10, с. 123].

Процесс заимствования не является механическим перенесением иноязычной лексики из одного языка в другой. Она подлежит всевозможным изменениям, и одним из значимых параметров её освоенности является фонетическая ассимиляция в заимствующем языке [5, с. 79]. В задачи данного исследования входит исследование персидских лексических единиц русского происхождения с точки зрения её фонетической адаптации. Мы выявили основные способы адаптации фонетического характера русской заимствованной лексики в персидском языке.

Как правило, иноязычное слово, попадая в чужую для него среду, претерпевает всевозможные фонетические изменения, которые порождены расхождениями в фонетических структурах. Русская заимствованная лексика в персидском языке подверглась процессу иранификации, то есть фонетической адаптации. В данном исследовании под термином «русизм» будет пониматься лексическая единица, которая имеет изначальную русскую этимологию, функционирующую в персидском языке без привязки к какому-либо хронологическому аспекту, способу и характеру заимствования.

Далее представлен анализ способов фонетической адаптации на примерах общеупотребительной лексики русского происхождения в персидском языке.

Заимствованная лексика русской этимологии, которая не претерпела фонетического давления персидского языка. В лингвистике данное явление также принято называть «собственно заимствования». В чужой фонетической среде иноязычное слово не претерпевает каких-либо фонетических изменений и сохраняет своё изначальное фонетическое оформление. Данная группа слов представлена двумя подгруппами:

1) лексические единицы русской этимологии, произношение которых соответствует их графическому оформлению на русском языке. Данная подгруппа насчитывает до 14 слов, которые представлены в полном объёме далее: борщ – *برش* [borsh], бархан – *برخان* [barkhan], большевик – *بلشویک* [bolshevik], балалайка – *بالالایکا* [balalayka], аршин – *آرشین* [arshin], аппарат – *اپارات* [aparat], запас – *زایاس* [zapas], катюша – *کاتیوشا* [katyusha], тормоз – *ترمز* [tormoz], водка –

водка [vodka], мужик – موژیک [mužik], купе – کوپه [kupe], гармонь – گارمن [garmon], буксовать – بکسوات [boksovāt];

2) персидские заимствования русского происхождения, которые полностью совпадают с их фонетическим оформлением на русском языке. Данная подгруппа насчитывает 21 единицу. Например: пирожки – پیراشکی [pirashki], пуд – پوت [put], погон – پاگن [pagon], отряд – آتریاد [atriyad], автомат – افتامات [aftamat], мочалка – ماچالکا [machalka], хомут – خاموت [xamut], солдат – سالدات [saldat], совхоз – ساوخوز [savxuz], самовар – سماور [sä mavär], сухари – سوخاری [suxari], форсунка – فارسونکا [farsunka], кефаль – کفال [käfal], император – ایمپراتور [Imperätur], калашников – کلاشینکف [kelashinkof], чемадан – چمدان [chämedan], сарафан – سارافون [sarafon], семечко – سمیشکا [semishka], лодка – لتکا [lotka], рамка – رامگا [ramga], матушка – ماتیشکا [matishka].

Главная особенность данной группы персидских заимствований заключается в том, что слова, войдя в общеупотребительную лексику персидского языка, полностью сохранили свой фонетический облик. Помимо того, что они не подверглись при освоении никаким фонетическим процессам, они остались верны своей семантике как в русском, так и в персидском языках.

Заимствованная лексика русской этимологии, которая претерпела частичное фонетическое давление персидского языка. Вследствие того, что персидская и русская фонологическая и фонетическая системы различны, русские слова, попадая в персидский язык, приобретают иное звучание.

Как результат отсутствия в персидской фонологической системе звука [ц], у таких лексических единиц русской этимологии, как «царь» или «щипцы», происходит замена его на двухфокусные [ts] в начале слова или [ps] в середине слова: تزار [tezar] и شپسی [shipsi]. Персидскому языку свойственен процесс слогового сингармонизма. Русский исследователь персидского языка Ю. А. Рубинчик в «Грамматике современного персидского литературного языка» указывает на то, что в персидском языке невозможно стечение двух и более согласных в начале слога или слова [4, с. 36], в отличие от преобладающего консонантизма русского языка с его возможностью скопления согласных в одной морфеме или слоге. Данная фонетическая особенность персидского языка привела к фонетическим процессам вставки гласной между согласными. Наиболее распространённым является фонетический процесс протезы, вставка гласной / [e] и [o] в начале слова, перед несвойственным персидскому языку скоплением согласных: Русь – ارس [o-ros], шкаф – اشکاف [e-shkaf], шпон – شپون [e-shpon], скобка – اسکوبکا [e-skobka], стакан – استکان [e-stekan], степь – استپ [e-step']. Как видно из приведённых примеров, заимствования на [с] в персидском языке адаптируются при помощи вставки дополнительного начального гласного. В качестве протетического согласного в процессе адаптации русизмов в персидском языке зачастую выступает однофокусный [v], который придаёт звонкость в абсолютном начале слова, и увулярный [kh], который придаёт небольшую хриплость в абсолютном начале слова. Например, персидское заимствование خوتکا [xutka] от русского «утка» и واكسيلبند [vāksilband] от русского «каксельбант». Также частыми при фонетической адаптации путём вставки гласной между скоплением согласных являются эпентезы внутри слова: брезент – بززنت [berezent], квадрат – گودرات [govadrat], дрожки – درشکه [doroshke].

Немаловажное значение при освоении русизмов в персидском языке имеет такой фонетический процесс, как выпадение гласного в конце слова, или апокопа, например: лента – لنت [lent], монета – منات [manāt], вакцина – واکس [vaks], конфета – کانفت [kanfet], колбаса – کالباس [kalbas], ванна – وان [van].

Также наблюдается обратный фонетический процесс – замена русской гласной [а] на конечную неустойчивую гласную переднего ряда [e]. Приведём примеры данного явления, обнаруженные авторами в словаре «Сохан»: банка – بانکه [bank-e], бочка – بشکه [boshk-e], коляска – کالسکه [kalesk-e], замазка – زاماسکه [zamask-e], шашка – شوشکه [shushk-e]. Также была обнаружена

в словаре нетипичная для персидского языка замена конечной русской [a] на устойчивый гласный переднего ряда *ای* [i]: булка – *بولکی* [bolki] и копейка – *کاپکی* [kareki]. Вероятнее всего, изначально при проникновении их в персидский язык использовались формы русских существительных в форме множественного числа – «булки» и «копейки».

Согласно «Большому толковому словарю Сохан», в персидском языке насчитывается 26 русизмов, входящих в общеупотребительную лексику персидского языка.

Заемствованная лексика русской этимологии, которая претерпела фонетическое давление персидского языка. Среди персидских лексических единиц русской этимологии также имеются варианты, которые претерпели полное фонетическое изменение в результате отсеивания исконного фонетического фона под давлением персидского языка. К примеру, при фонетической адаптации русского слова «счёты» к нему был добавлен *ر* [r], и оно получило в персидском языке фонетическое оформление как *چرتکه* [chortke].

Русизмы при адаптации в персидском языке претерпевают процесс аффрикаты – опускания слога в начале слова. Сюда следует отнести персидское *مکاره* [makare], которое этимологически восходит к русскому слову «ярмарка».

Также при адаптации русизмов в персидском языке был использован приём «синкопа» – удаление слога в середине слова. К примеру, русское слово «ординарец» было заимствовано в персидский язык как *آردال* [ardāl], а персидское *اسکناس* [eskenas] получило своё звучание от русского «ассигнация».

Не менее интересны русизмы, адаптированные в персидском языке посредством утраты конечных звуков или слогов, то есть апокопы (персидское *ورس* [vers] от русского «верста» и персидское *چتور* [chatvar] от русского «четверть») и выпадения слога в середине слова, или элизии, к примеру, от русского «верстатка» персидское *ورساد* [versad] и персидское *مشتوک* [moshtuk] от «мундштук».

Интересными представляются русизмы, которые подверглись упрощению под давлением фонетической системы заимствующего языка. Русские слова «полоска» и «бостон» были заимствованы персидским языком как *فانسقه* [fanosqe] и *فاستونی* [fāstoni], где происходит замена шумных губно-губных *پ* [p] и *ب* [b] на шумные губно-зубные *ف* [f].

Русизм «чугун» также подвергся в персидском языке упрощению, а именно замене смычного заднеязычного [ɣ] на смычную переднеязычный *د* [d]: *چین* [chodan]. Упрощение также присутствует при адаптации русизмов на [л] путём замены на [r]: гильза – *گیرز* [girz], и обратная их замена, например буксир – *بکسل* [boksel].

В вышеприведённых примерах заимствованных лексических единиц наблюдается их полное соответствие друг другу в семантическом отношении. Однако при более внимательном исследовании в словарях были обнаружены слова, которые не совпадают по своему лексическому значению, в связи с чем можно поставить под вопрос исконную этимологию данной группы слов. Данная группа насчитывает сравнительно малое количество заимствований, однако вызывает большой интерес. Например, слово *ساسون* [sason] в словаре «Сохан» указано как русизм, а в статье значение слова описано как «элемент при пошиве, используемый для её ушивки». В русском языке оно имеет наименование «вытачка». Не менее интересен пример из словаря «Сохан», представленный как русизм *گروانکه* [gervanke], который также имеет сомнительное отношение к русскому языку. В словаре слово толкуется как «русская мера веса, равная 0,410 кг». Однако в русском языке ему соответствует слово «фунт» (409,5 г). Также можно привести такие примеры сомнительных русизмов в персидском языке, где сохранён фонетический окрас русского звукосочетания, однако полностью утеряна его исконная семантика, например:

شماتہ [shämmate] – заимствование от «шуметь» в значении «будильник», и ساسات [sasat] – заимствованного от русского «сосать» в значении 'клапан карбюратора'.

Немалый интерес вызывают 10 лексических единиц, которые, согласно «Большому толковому словарю Сохан», имеют русскую этимологию: آغوشقا [aqushqa] – приём захвата соперника в спортивной борьбе, پیت [pit] – жестяная или железная ёмкость в форме прямоугольного или цилиндрического куба, چلیک [chelik] – единица измерения жидкостей, آرشال [arshal] – вид воротника, سیسرو [siseru] – единица меры, سرف [serf] – класс сельских крестьян, которые при феодальном строе покупались и продавались вместе с землёй, دیرنا [däberna] – игра в лото, کړوک [koguk] – тип складывающейся крыши и двери автомобиля, گالینگور [galingor] – твёрдый переплёт и لوقانطه [loqante] – ресторан или гостиница. Однако в связи с отсутствием данных вариаций слов в русской лексике можно утверждать об их сомнительной русской этимологии.

Заключение. В данном исследовании авторами применяется термин «русизм» по отношению к лексическим единицам персидских заимствований, вошедших в обиходную речь иранцев как из собственно русского языка, так и при его посредстве из других языков. В качестве исследуемого материала были предложены 78 общеупотребительных лексических единиц русской этимологии и 10 единиц сомнительной русской этимологии, которые нашли отражение в «Большом толковом словаре Сохан» Х. Анвари.

Самой многочисленной (до 35 лексических единиц) является подгруппа русизмов, которые не претерпевают серьёзных изменений при фонетической адаптации в персидском языке. Такое сравнительно большое количество их характеризуется совпадением артикуляционных и акустических свойств русского и персидского языков. Лексические единицы русской этимологии, которые частично и полностью претерпели фонетическое давление персидского языка, в первую очередь связаны с нехарактерными для заимствующего языка закономерностями звуко сочетания и нормами артикуляции. Данная группа лексических единиц ориентирована на упрощение произношения русизмов в персидском языке и насчитывает 26 и 13 лексических единиц. Также в словаре «Сохан» зафиксированы две лексические единицы, утратившие фонетический облик и исконную семантику, и две лексические единицы, которые сохранили фонетическую составляющую слова, но приобрели иное значение. Также было обнаружено 10 лексических единиц, которые нашли отражение в «Большом толковом словаре Сохан» как лексемы русской этимологии, однако авторы сомневаются в достоверности данной информации.

Данное исследование может послужить фундаментом для дальнейших изысканий как русских, так и иранских исследователей-лингвистов, специалистов области лексикологии.

Список источников

1. Анвари Х. Большой толковый словарь Сохан : в 8 т. / Х. Анвари. – Тегеран : Сохан, 2002. – 8592 с.
2. Исмаилова Х. Э. Русскоязычные заимствования в таджикском языке / Х. Э. Исмаилова, И. А. Арсеньева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 1. – С. 91–96.
3. Мадараси Я. Введение в социологию языка / Я. Мадараси. – Тегеран : Институт культурных исследований, Накшджахан, 2007. – 378 с.
4. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик. – Москва : Восточная литература, 2001. – 600 с.
5. Сиями Эйдлак Х. Персидские заимствования в русском языке: фонетический аспект / Эйдлак Х. Сиями, М. Эстири // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. Вып. 10 (865). – С. 78–83. – doi: 10.52070/2542-2197_2022_10_865_78.

6. Хауген Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – 1972. – № 6. – С. 344–382.
7. Шустова С. В. Иранизмы и персизмы в лексической системе языка / С. В. Шустова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 215–219.
8. Ястребова О. М. Из истории русско-персидских языковых контактов эпохи сефевидов: русские заимствования в челобитных купчины Хваджи Рахмата / О. М. Ястребова, Е. П. Писчурникова, С. Е. Костиков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 4 (181). – С. 48–55.
9. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
10. Bashiri I. Russian Loanwords in Persian and Tajiki / I. Bashiri // *Persian Studies in America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri* / ed. M. Marashi. – Bethesda: Iranbooks, 1994. – P. 109–141.

References

1. Anvari Kh. *Bolshoy tolkovyy slovar Sokhan: v 8 tomakh = Large explanatory dictionary Sokhan: in 8 volumes*. Tehran: Sokhan; 2002:8592 p.
2. Ismailova Kh. E., Arseneva I. A. Russian-language borrowings in the Tajik language. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druždy narodov. Seriya "Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost"* = *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series "Issues of education: languages and specialization"*. 2013;1:91–96.
3. Madarasi Ya. *Vvedeniye v sotsiologiyu yazyka = Introduction to the sociology of language*. Tehran: Institute of Cultural Research, Naqshjahan; 2007:378 p.
4. Rubinchik Yu. A. *Grammatiki sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Persian literary language*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2001:600 p.
5. Siyami Eydlak Kh., Estiri M. Persian borrowings in Russian: phonetic aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;10(865):78–83. doi: 10.52070/2542-2197_2022_10_865_78.
6. Khaugen E. The process of borrowing. *Novoye v lingvistike. Yazykovyye kontakty = New in linguistics. Language contacts*. 1972;6:344–382.
7. Shustova S. V. Iranisms and Persianisms in the lexical system of language. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya "Gumanitarnyye nauki" = Modern science: current problems of theory and practice. Series "Humanities"*. 2018;1: 215–219.
8. Yastrebova O. M., Pischurnikova Ye. P., Kostikov S. Ye. From the history of Russian-Persian language contacts in the Safavid era: Russian borrowings in the petitions of the merchant Khwaja Rahmat. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Petrozavodsk state university*. 2019;4(181):48–55.
9. Yartseva V. N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar = Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya; 2002:709 p.
10. Bashiri I. Russian Loanwords in Persian and Tajiki. *Persian Studies in America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri*. Ed. By M. Marashi. Bethesda: Iranbooks; 1994:109–141.

Информация об авторах

- З. Моаззензаде** – кандидат филологических наук, ассистент профессора;
Х. Сиями Эйдлак – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

- Z. Moazzenzade** – Candidate of Philology, Assistant Professor;
Kh. Siyami Eidlak – Candidate of Philology, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.

The article was submitted 04.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 22–27.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):22–27.

Научная статья
УДК 81-25

**РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ, СОЧУВСТВИЯ И СОПЕРЕЖИВАНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА**

Сайед Мохаммад Джавад Язданмехр^{1✉}, Абдолмалеки Косар Салими²

¹Мешхедский университет имени Фирдоуси, Мешхед, Иран

²Боджнордский университет, Боджнорд, Иран

¹mjyazdanmehr@ferdowsi.um.ac.ir✉, <https://orcid.org/0000-0002-3129-4916>

²k.salimi@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-4446-0524>

Аннотация. Статья представляет собой обзорное исследование понятия речевого этикета как основного условия успешного коммуникативного акта. Приведён комплексный анализ речевых образцов этикетных выражений и универсалий утешения, соболезнования и сочувствия в русско-персидском сопоставительном аспекте. Данное исследование носит ознакомительный характер и может послужить фундаментом для дальнейших изысканий исследователей в области лингвокультуры в русско-персидском и персидско-русском сопоставительно-сравнительном аспекте. Предметом данного исследования является лингвокультура русского и персидского языков. Актуальность исследования определяется тем, что на данном этапе русско-персидской сопоставительной типологии речевым образцам этикета утешения, соболезнования и сочувствия не было уделено должного внимания, и они оставались в тени исследований в области приветствия, прощания, обращения, поздравления и т. д. Материалом исследования послужили общеупотребительные русские и персидские выражения речевого этикета соболезнования, отобранные авторами методом выборки из ведущих толковых словарей русского и персидского языков. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в ней впервые представлен лингвокультурный сопоставительный анализ речевых идиом сочувствия, соболезнования и утешения при помощи аналитико-тематического и сопоставительного подходов. Статья может привлечь внимание студентов-исследователей межкультурного общения, исследователей русской и персидской культур, студентов и преподавателей русского языка как иностранного в Иране, а также переводчиков. В результате исследования было выявлено, что речевой этикет соболезнования, сочувствия, сопереживания и утешения в русской и персидской лингвокультурах связаны культурными и социальными традициями. Результаты исследования могут найти отражение в дальнейших изысканиях русско-персидской сопоставительной типологии магистрантов и аспирантов.

Ключевые слова: речевой этикет, лингвокультурология, русский язык как иностранный, Иран, сопоставление

Для цитирования: Язданмехр С. М. Дж., Салими А. К. Русский речевой этикет соболезнования, сочувствия и сопереживания в зеркале персидского языка // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 22–27.

Original article

**RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE OF CONDOLENCES, SYMPATHY AND EMPATHY
IN THE MIRROR OF THE PERSIAN LANGUAGE**

Sayyed Mohammad Javad Yazdanmehr^{1✉}, Kosar Salimi Abdolmaleki²

¹Ferdowsi University of Mashhad, Mashhad, Iran

²University of Bojnord, Bojnord, Iran

¹mjyazdanmehr@ferdowsi.um.ac.ir✉, <https://orcid.org/0000-0002-3129-4916>

²k.salimi@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-4446-0524>

Abstract. The article is a review study of the concept of speech etiquette as the main condition for a successful communicative act. The article provides a comprehensive analysis of speech patterns of etiquette expressions and universals of consolation, condolences and

sympathy in the Russian-Persian comparative aspect. This study is for informational purposes only and does not pretend to be complete, and therefore can serve as a foundation for further research by researchers in the field of linguistic culture in the Russian-Persian comparative aspect. The subject of this study is the linguistic culture of the Russian and Persian languages, and the subject of the study is the universals and units of speech etiquette of consolation, sympathy and condolences in the Russian-Persian comparative aspect. The relevance of this study is determined by the fact that at this stage of the Russian-Persian comparative typology, speech patterns of the etiquette of consolation, condolences and sympathy were not given due attention, and they remained in the shadow of research in the field of greeting, farewell, address, congratulations, etc. The research material was typical commonly used Russian and Persian expressions of speech etiquette of condolences, selected by the authors using a sampling method from leading explanatory dictionaries of the Russian and Persian languages. The scientific novelty of this study lies in the fact that it is the first to present a linguocultural comparative analysis of speech idioms of sympathy, condolences and consolation using analytical-thematic and comparative approaches. The article may attract the attention of students researching interethnic communication. It will also be of interest to researchers of Russian or Persian culture, students and teachers of Russian foreign languages in Iran, as well as translators. As a result of the study, it was revealed that the speech etiquette of condolences, sympathy, empathy and consolation in the Russian and Persian linguistic cultures are connected by cultural and social traditions. The results of the study may be reflected in further research into the Russian-Persian comparative typology of undergraduates and graduate students.

Keywords: speech etiquette, linguistic culturology, Russian as a foreign language, Iran, comparison

For citation: Yazdanmehr S. M. J., Salimi A. K. Russian speech etiquette of condolences, sympathy and empathy in the mirror of the Persian language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):22–27 (In Russ.).

Стремительно развивающиеся взаимоотношения между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией, а также выгодное геополитическое положение стран на карте мира позитивно сказываются на популяризации русского языка среди студентов Ирана. В связи с этим в Иране каждый год открываются новые кафедры русского языка как иностранного (РКИ) на базе высших учебных заведений. Официальной статистики по поводу количества владеющих русским языком в Иране не имеется, но к преподаванию РКИ со стороны Министерства образования и исследований предъявлены требования качественного овладения русским языком в русле коммуникативного подхода.

Межкультурные отношения представляют собой процесс лингвокультурного взаимодействия между контактирующими народами. Понимание различия и сходства в области лингвокультурологии способствуют успешному международному общению [3, с. 51]. Русско-иранские общественные, политические и социально-экономические взаимоотношения в последнее десятилетие привели к существенным изменениям в сфере обучения РКИ в высших учебных заведениях Исламской Республики Иран [4, с. 173]. В связи с изменениями, происходящими как на социально-экономическом, так и военно-стратегических уровне, возникает необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов, владеющих русским языком, с целью осуществления успешного межгосударственного диалога. Основным двигателем межнационального контакта является этикет. Таким образом, обучение русскому языку в Иране не должно строиться только на успешном освоении грамматики. Важно приобретать знания и в области лингвокультуры. Объектом данного исследования является лингвокультура русского и персидского языков, а предметом – универсальные единицы речевого этикета утешения, сочувствия и соболезнования в русско-персидском сопоставительном аспекте. Актуальность данного исследования определяется тем, что на данном этапе русско-персидской сопоставительной типологии речевым образцам этикета утешения, соболезнования и сочувствия не было уделено должного внимания,

и они оставались в тени исследований в области приветствия, прощания, обращения, поздравления и т. д.

В ЛЭС под речевым этикетом подразумевается «система устойчивых правил общения», которые предписаны определённым обществом для поддержания определённой тональности [6, с. 413].

В узком смысле слова речевой этикет, согласно Н. И. Формановской, представляет собой «национально-специфические правила поведения для привлечения внимания, приветствия, знакомства, прощания, поздравления, благодарности, сочувствия, соболезнования, комплимента, одобрения и т. д.» [5, с. 147].

Как правило, этикет является той частью общения, которая присуща каждой народности и представляет собой определённый порядок и норму поведения, общения и форм обхождения. Однако каждый народ отличается специфическим своеобразием речевого этикета. Русский речевой этикет представляет собой многообразие форм общения, требующих их тщательно-го отбора в конкретных коммуникативных ситуациях.

Речевой этикет Исламской Республики Иран также своеобразен и богат. Таароф, или иранский речевой этикет, представляет собой речевые формулы или клише, которые являются общепринятыми в иранской лингвокультуре и закреплены нормами поведения и общения иранского народа. В сопоставляемых языках возникает необходимость более подробного его изучения с целью предупреждения коммуникативных барьеров между представителями русских и иранских этносов.

Как правило, общение начинается с церемонии приветствия, проявления уважения и достоинств коммуникантов. Однако этикет соболезнования, утешения и сочувствия также имеет немаловажное значение в культурах сопоставляемых языков.

В словаре А. Е. Евгеньевой указывается, что соболезнования представляют собой сочувствие горю, беде и страданиям кого-либо, а утешение – выражения, которые доставляют кому-либо успокоение, облегчение в горе и печали.

В персидском толковом словаре Деххода толкования слов *تسلیت* [таслият] – соболезнования и *همدردی* [хамдарди] – утешения или сочувствия сводятся к фразам, основной целью которых является доставить собеседнику спокойствие и умиротворение.

Считается, что слова утешения подразделяются на классы в зависимости от ситуации употребления. Ниже представлен анализ различных речевых образцов универсалий этикета сочувствия, утешения и соболезнования в русско-персидском сопоставительном аспекте, отобранные методом сплошной выборки из учебного пособия «Речевой этикет» А. А. Акишиной и Н. И. Формановской, а также из личной картотеки авторов, созданной в процессе наблюдения за речью носителей русского языка. Авторы статьи использовали сопоставительный метод и метод качественного анализа.

Наиболее употребительной формой речевого этикета утешения нейтрального характера является глагол в форме третьего лица единственного или множественного числа повелительного наклонения. Приведём примеры наиболее употребляемых форм и универсалий этикета утешения. В русском языке данная группа универсалий представлена такими образцами: «успокойтесь / успокойся», «не беспокойтесь / не беспокойся», «не переживайте / не переживай», «не горюйте / не горюй» и т. д. Особенность использования данных речевых образцов заключается в том, что они даются в форме посылки или совета. В персидской лингвокультуре данным выражениям соответствуют такие фразы: "آرام باش/آرام باشید" [арам башид] – дословно «будь спокоен / будьте спокойны»; "نگران نباشید/نگران نباش" [негаран набашид] – «не волнуйся / не волнуйтесь»; "غصه نخور/غصه نخورید" [госсе нахорид] – «не вкушайте печали» и т. д. Для выражения утешения в случае ситуации,

которая не выражает серьезности и легко разрешима в русской культуре, распространённым является использование обозначенных выше выражений в сочетании со словами, указывающими на ситуативную незначительность. К таким клише относятся: «не переживай, это всё пустяки», «какая ерунда, не горюй» или «это всё не серьёзно» и «здесь нет повода для того, чтобы огорчаться». Примечательным является то, что и в персидской лингвокультуре имеются соответствующие выражения: "غمسه نخور، دنیا بی وفاست" [госсе нахор, доня би вафаст] – «не вкушай печали – мир неверен»; "غم آخرت باشد" [гаме ахара-рат башад] – «пусть это будет Вашей последней печалью», "آرام باش، خودت را" [арам баш, ходат ра азият након] – «успокойся, не мучай себя»; "انیت نکن" [арам баш, ходат ра азият након] – «успокойся, не мучай себя»; "گریه نکن، بس است، اشک هایت را پاک کن" [герие након, бас аст, ашкхайат ра пак кон] – «не плачь, достаточно, вытри слёзы»; "برای آرامشتان دعا میکنیم" [барае арамешетан доа миконим] – «мы молимся за Ваше спокойствие».

Продолжая рассуждать на тему речевого этикета утешения, необходимо выделить в особую группу универсалии с оттенком заверения и одобрения. К таким в русском языке можно отнести фразы: «всё будет хорошо», «всё кончится хорошо», «всё пройдет», «всё наладится» или «всё обойдётся». В персидском речевом этикете можно выделить фразы одобрительного характера или характера заверения: "زمان همه چیز را درست میکند" [заман хаме чиз ра дорост миконад] – «время всё сделает правильно», своеобразная интерпретация русского «время всё лечит / всё исправит» или «время всё расставит по своим местам»; "این نیز بگذرد" [ин низ богзарад] – «и это тоже пройдет»; "قوی باش" [гави баш] – «будь сильным»; "هر اتفاقی دلیلی دارد" [хар этефаги далили дарад] – «всё происходящее имеет основания», близкое по своему значению русскому «что ни делается, всё к лучшему» и т. д. Нередко в случаях утешения и сопереживания в русском речевом этикете используются фразы, нацеленные на то, чтобы убедить собеседника в неизбежности сложившейся ситуации и отсутствии его вины. К таким универсалиям можно отнести образцы: «ничего не поделаешь», «всё бывает в жизни», «всякое бывает» и, соответственно, «это не Ваша / твоя вина», «Вы / ты тут ни при чём». В персидском речевом этикете им соответствуют фразы "حتی مرگ پایان زندگی نیست" [хата марг паяне зендеги нист] – «даже смерть не является концом жизни» – своеобразная интерпретация русского «жизнь на этом не заканчивается»; "تو تمام تلاشت رو کردی" [то тамаме талашат ра карди] – «ты сделал всё, что смог»; "خودت را سرزنش نکن" [ходат ра сарзанеш након] – «не ругай себя». В русском языке среди универсалий речевого этикета утешения также можно выделить универсалии и клише для выражения сострадания и сопереживания: «я Вам сочувствую», «я Вас понимаю». В иранской лингвокультуре их эквивалентами являются такие выражения: "لرکتان می کنم" [даркетан миконам] – «я Вам сочувствую»; "می دانم چه حالی دارید" [миданам че хали дарид] – «я понимаю Ваше состояние», а также "احساستان را درک میکنم" [эхсасатетан ра дарк миконам] – «я понимаю твоё чувство».

Основная функция универсалий и клише речевого этикета утешения как в русской, так и в персидской лингвокультуре заключается в том, чтобы заверить собеседника в благополучном исходе той или иной ситуации. Соболезнования, как правило, уместны только как сочувствие большому горю или несчастью. Они стилистически повышены, а также окрашены торжественностью и риторичностью [1, с. 128] и носят официальный характер: «я хотел бы выразить Вам свои соболезнования», «я разделяю Вашу печаль», «позвольте выразить Вам свои соболезнования» и всевозможные производные от них фразы. В персидской лингвокультуре в случае соболезнования используются фразы: "لر غمتان شریکم" [дар гаметан шарикам] – «я разделяю Вашу печаль»; "بابت این اتفاق خیلی ناراحت شدم" [бабате ин эттефаг хейли нарахат шодам] – «я очень расстроен из-за этого случая»; "خیلی غمگینم و واقعا نمیدونم چی باید بگم" [хейли гамгинам, ва вагаан немидунам чи баяад бегам] – «мне очень грустно,

и я действительно не знаю, что сказать»; "تسلیت میگم! بادشان گرامی!" [таслият мигам! Ядешан герами!] – «выражаю мои соболезнования! Память о них почтенна!»; "انشالله روحشان قرین رحمت باشد" [эншаалла рухешан шад башад] – «дай Бог, душа его в радости» – интерпретация русского выражения «душа покойного нашла успокоение»; "میدوارم روزهای سخت دیگر برایت تکرار نشود" [омидварам рузхае сахт дигар текрар нашавад] – «надеюсь, трудные дни для тебя больше не повторятся»; "خدا رحمتش کند" [хода рахматаш конад] – «да помилует его Бог» – своеобразная интерпретация русского соболезнования «Да примет Господь его душу»; "غم سنگینی است" [гаме сангини аст] – «тяжёлое горе»; "خبر درگذشت ... ما را بسیار اندوهگین کرد" [хабаре даргозаште .... ма ра бесяр андухгин кард] – «новость об уходе <...> нас очень опечалила».

К эмоционально-экспрессивным универсалиям речевого этикета соболезнования в русской лингвокультуре следует отнести такие выражения: «Вы понесли такую большую / невосполнимую потерю», «у Вас такое большое горе, Вы утратили близкого человека», «какая большая утрата Вас постигла». Особенностью данных выражений является констатация факта утери близкого или родного человека. В персидском языке таким выражениям соответствуют их эквиваленты: "میدانم هیچ چیزی نمی تواند غم از دست دادن پدر/مادر عزیز و مهربانت را جبران کند." [миданам хич чиз немитаванад гам аз даст дадан ..... азиз ва мехрабанат ра джобран конад] – «я знаю, что ничто не сможет возместить потерю твоих дорогих и добрых отца / матери»; "تسلیت واژه کوچکی است در برابر غم بزرگ شما. از خداوند صبر برای شما و خانواده محترم خواهانم." [таслият ваژه کوچکی аст дар برابر гам бзург шома. аз ходаван сабр барае шома ва ханеваде мохтарам хаханам] – «соболезнование – это всего лишь слово для выражения Вашей великой печали. Молю Бога терпения для Вас и Вашей уважаемой семьи»; "تسلیت قطره ایست در برابر غم دریا گونه‌ی شما" [таслият гатре аст дар барабар гам даря гуне шома] – «соболезнование – это всего лишь крупца по сравнению с Вашей печалью»; "او الان در جای بهتری است" [у алан джае бехтари аст] – «он сейчас в лучшем месте», что эквивалентно русскому соболезнованию «сейчас его душа пребывает на небесах», или "مرحوم نمی‌خواهد ناراحت باشی" [мархум немихахад нарахат баши] – «покойный не хотел бы, чтобы Вы грустили».

Основной целью авторов было провести обзорный анализ универсалий речевого этикета соболезнования и утешения, а соответственно, и сопереживания в русско-персидском сопоставительном аспекте в русле прагматического подхода. Было выявлено, что в русской и персидской лингвокультурах группа универсалий речевого этикета утешения преобладает в количественном отношении над универсалиями этикета соболезнования. Однако они обладают национально-культурной общностью выражения в русском и персидском языках.

Список источников

1. Акишина А. А. Русский речевой этикет / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 1978. – 183 с.
2. Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / А. П. Евгеньева ; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
3. Сиями Эйдлак Х. Обращения в русской и персидской лингвокультурах: сопоставительный аспект / Эйдлак Х. Сиями, М. Эстири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 2: Филология. – С. 50–60. – doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-2-50-60.
4. Сиями Эйдлак Х. Русский язык как иностранный в Иране в условиях пандемии: проблемы и преимущества / Эйдлак Х. Сиями, С. М. Дж. Язданмехр // Человек и образование. – 2022. – № 3 (72). – С. 172–178.
5. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – Москва, 1989. – 192 с.

6. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 698 с.
7. فرهنگ لغت متوسط دهخدا. موسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران. 1385. 1704 ص.
8. Dakhoda (1994). Farhangloghate motavasete Dakhoda. Moasesae entesharat va chap daneshgahe. Tehran, 1385.

References

1. Akishina A. A., Formanovskaya N. I. *Russkiy rechevoy etiket = Russian speech etiquette*. Moscow: Russkiy yazyk; 1978: 183 p.
2. Evgeneva A. P. Slovar russkogo yazyka: v 4 tomakh = Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy; 1999.
3. Siyami Eydlak Kh., Estiri M. Addresses in Russian and Persian linguistic cultures: a comparative aspect. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya, filologiya" = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series "History, philology"*. 2023;22(2):50–60. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-2-50-60.
4. Siyami Eydlak Kh., Yazdanmekhr S. M. J. Russian as a Foreign Language in Iran during the Pandemic: Problems and Advantages. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*. 2022;3(72):172–178.
5. Formanovskaya N. I. Rechevoy etiket i kultura oshcheniya = Speech etiquette and culture of communication. Moscow; 1989: 192 p.
6. Yartseva V. N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar = Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990: 698 p.
7. Intermediate dictionary of Dehkhoda. Tehran: University of Tehran Publishing and Printing Institute; 1385 (1994): 1704 p.
8. Dakhoda. Farhangloghate motavasete Dakhoda. Moasesae entesharat va chap daneshgahe. Tehran; 1385 (1994).

Информация об авторах:

С. М. Дж. Язданмехр – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель;

А. К. Салими – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель.

Information about authors:

S. M. J. Yazdanmehr – Candidate of Philology, Assistant Professor, Teacher;

A. K. Salimi – Candidate of Philology, Assistant Professor, Teacher.

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 08.05.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 08.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 28–35.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):28–35.

Научная статья
УДК 811.124.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СИНОНИМОВ
В ЛАТИНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Елена Владимировна Лапочкина

Ивановский государственный медицинский университет, Иваново, Россия,
el-lapo4kina@yandex.ru

Аннотация. Явление синонимии в терминологии как особой области языка является нетипичным и малоизученным. Отсутствие синонимов является одним из основных требований, предъявляемых к терминологии, поскольку за каждым термином должно быть закреплено точное и стабильное значение. Однако наличие в медицинской терминологии слов с идентичным или близким смысловым содержанием признаётся многими учёными. Лексическая вариативность, наличие дублетов, синонимов и близких по значению слов, их семантическая специализация в зависимости от обозначаемого анатомического объекта создают определённые сложности для студентов, начинающих изучение латинского языка и основ медицинской терминологии. Предметом исследования в данной работе являются семантические синонимы, обозначающие одинаковые по форме или структуре анатомические объекты, имеющие одинаковое смысловое наполнение, но отличающиеся оттенками значений, закреплённостью за определённым анатомическим образованием и частотой употребления в медицинской терминологии. В статье также рассматриваются единицы медицинской (анатомической) терминологии, не являющиеся абсолютными синонимами, то есть терминами, взаимозаменяемыми в различных контекстах и при сочетании с другими терминами, но объединёнными синонимическими отношениями. Приведены примеры синонимов, относящихся к разным анатомическим номенклатурам, а также пары греко-латинских дублетов. Проанализированы особенности использования синонимов, входящих в синонимический ряд и характеризующих понятие «отверстие» в анатомической терминологии. Статья представляет интерес для студентов медицинских вузов и колледжей, преподавателей латинского языка, а также специалистов в области терминоведения.

Ключевые слова: медицинская терминология, синонимия, абсолютные синонимы, дублеты, анатомическая номенклатура

Для цитирования: Лапочкина Е. В. Семантическая специализация синонимов в латинской медицинской терминологии // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 28–35.

Original article

SEMANTIC SPECIALIZATION OF SYNONYMS IN LATIN MEDICAL TERMINOLOGY

Elena V. Lapochkina

Ivanovo State Medical University, Ivanovo, Russia
el-lapo4kina@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of synonymy in terminology, as a special area of language, is atypical and poorly studied. The absence of synonyms is one of the basic requirements for terminology, as each term must have an exact and stable meaning. However, the presence of words with identical or similar semantic content in medical terminology is recognized by many scientists. Lexical variability, the presence of doublets, synonyms and words close in meaning, their semantic specialization depending on the designated anatomical object create certain difficulties for students who begin to study Latin

and the basics of medical terminology. The subject of research in this article is semantic synonyms, which denote anatomical objects of the same shape or structure, have the same semantic content, but differ in shades of meaning, attachment to a certain anatomical formation and frequency of use in medical terminology. The article also discusses units of medical (anatomical) terminology that are not absolute synonyms, that is, terms that are interchangeable in different contexts and when combined with other terms, but united by synonymous relations, examples of synonyms related to different anatomical nomenclatures, as well as pairs of Greek-Latin doublets. In addition, this paper analyzes in detail the features of the use of synonyms that are part of the synonymic series and characterize the concept of "hole" in anatomical terminology. The article may be useful and interesting for students of medical universities and colleges, teachers of Latin, as well as specialists in the field of terminology.

Keywords: medical terminology, synonymy, absolute synonyms, doublets, anatomical nomenclature

For citation: Lapochkina E. V. Semantic specialization of synonyms in latin medical terminology. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):28–35 (In Russ.).

Синонимы, слова с тождественным или близким значением, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся оттенками своего значения или стилистической окраской, присутствуют в любом языке. Если в литературном языке синонимы являются средством обогащения, делают повествование более экспрессивным и красочным, помогают избегать повторов слов и выражать мысль или описывать то или иное событие более точно, то в области терминологии, в которой чётко зафиксированы значения входящих в неё компонентов (терминов) и отражены отношения между называемыми этими терминами понятиями, отсутствие синонимов является одним из важнейших требований. Терминология предполагает точные определения, которые позволяют идентифицировать соответствующее понятие в рамках концептуальной системы, к которой оно принадлежит.

Проведённый анализ специальной литературы свидетельствует о наличии в медицинской терминологии синонимов, что подтверждается многими учёными, такими как Е. Н. Таранова, Ж. А. Бубырева, О. А. Таранов, М. Г. Волкова, С. Л. Васильева, Т. А. Шлейдовец, В. К. Колобаев, А. Х. Всеволодова и др., но вопрос их семантической дифференциации разработан в незначительной степени и заслуживает особого внимания. На меньшую степень изученности и упорядоченности медицинской терминологии по сравнению с другими указывают и другие исследователи [5, с. 89], а также отмечается дискуссионный характер вопроса о терминологической синонимии [9, с. 55].

В анатомической терминологии встречаются слова, принадлежащие, как правило, к одной и той же части речи, обладающие одинаковым или похожим лексическим значением, но различные по звучанию и написанию, имеющие определённые этимологические, функциональные особенности и разный смысловой объём. Это обусловлено тем, что в организме человека присутствует масса объектов, сходных по своему строению или выполняемой функции и их разграничение может осуществляться по признаку местоположения, принадлежности к определённому органу или части тела или по морфологическим характеристикам. Многие из подобных слов относятся к квазисинонимам, то есть они являются словами, близкими по значению, но не взаимозаменяемыми во всех возможных сочетаниях с другими словами (*возвышение, выступ, бугор; канал, проток, проход; углубление, выемка, вырезка* и др.).

Поскольку латинский язык относится к группе мёртвых языков, а предметом рассмотрения является терминология, говорить о стилистической специализации синонимов, их принадлежности к различным стилям речи и сферам употребления, о степени новизны того или иного слова, входящего в определённый синонимический ряд, не представляется возможным. Терминологическая

синонимия отличается от общеязыковой тем, что не выполняет стилистических функций. При семантическом подходе сопоставляют смысловой объём анализируемых слов, находят общие элементы в структуре лексического значения. В данной работе нас интересуют семантические синонимы, которые, указывая на одно и то же понятие и имея одинаковое смысловое наполнение, отличаются оттенками значений, закреплённостью за определённым анатомическим образованием и частотой употребления в медицинской терминологии.

Наличие в медицинской терминологии, в частности анатомической, определённого количества синонимов объясняется тем, что словари в качестве источника используют не одну, а сразу несколько анатомических номенклатур: Парижскую (1955 г.), Базельскую (1895 г.) и Йенскую (1935 г.). Указания на ту или иную номенклатуру содержатся (PNA, BNA, JNA) в серьёзных академических изданиях, и специалисты в области терминоведения знают, что две последние практически вытеснены Парижской номенклатурой, которой отдаётся предпочтение, но студенты первого курса, начинающие изучать латинский язык и основы терминологии, редко на это обращают внимание, пользуясь словарями и справочниками. Лексическая вариативность создаёт определённые трудности студентам, усваивающим огромное количество медицинских терминов. Кроме того, термины Базельской и Йенской номенклатур ещё достаточно часто встречаются в научной и учебной литературе. Так, например: 'сустав' – *articulatio* (BNA, PNA) / *articulus* (JNA); 'малое крыло' – *ala parva* (BNA и JNA) / *ala minor* (PNA); 'верхняя губа' – *labium superius* (BNA, PNA) / *labium maxillare* (JNA); 'нижняя губа' – *labium inferius* (BNA, PNA) / *labium mandibulare* (JNA); 'лимфатический узел' – *nodus lymphaticus* (PNA) / *lymphoglandula* (BNA) / *lymphonodus* (JNA) и др. Данные термины являются абсолютными синонимами, имеют одинаковое смысловое наполнение и появились в результате пересмотра анатомических номенклатур. Среди основных причин, которыми были обусловлены замены анатомических терминов синонимами в указанных выше номенклатурах, следует назвать уточнение местоположения, функции, формы или строения анатомических образований, расширение принципа противопоставления терминов по значению, закрепление за определёнными словами более узкого значения, постепенное вытеснение греческих слов латинскими.

Стремление систематизировать и упорядочить анатомическую терминологию имеет место в Международной анатомической номенклатуре под редакцией С. С. Михайлова (1980 г.), в Международной анатомической терминологии под редакцией Л. Л. Колесникова (2003 г.) и в Международной анатомической терминологии с грамматикой латинских терминов под редакцией Г. В. Петровой (2019 г.). Попытка разграничить близкие по значению слова, объяснить особенности их употребления и сочетания с различными терминами была также предпринята нами при составлении учебного пособия по латинскому языку [10]. Приведём некоторые примеры синонимов, проанализированных нами в указанном выше пособии.

Extremitas (конец, конечность) – конец длинных органов, например кости или яичника, в то время как *membrum* (конечность) – конечность тела (верхняя, нижняя).

Valvae как общеупотребительный термин в латинском языке – 'створы, створчатые двери' [7, с. 678], а в анатомической терминологии *valva* – 'клапан' в целом, но так как *cuspis* в анатомической терминологии имеет подобное значение и переводится как 'створка', то, чтобы избежать повторения, *valva* переводят как 'клапан' (*valva aortae* – клапан аорты, *valva trunci pulmonalis* – клапан лёгочного ствола; *valva lymphatica* – лимфатический клапан и др.) [4, с. 178], а в уменьшительном значении (*valvula*) – 'заслонка' или 'створка' (клапана) (*valvula pylorica* – привратниковая заслонка; *valvula venae cavae inferioris* – заслонка нижней полой вены и др.).

Femur, ðris n – ‘бедро, бедренная кость’, но также используется в названиях мышц, которые прикреплены к бедренной кости: *caput femoris* – головка бедра; *musculus rectus femoris* – прямая мышца бедра; *musculus quadriceps femoris* – четырёхглавая мышца бедра и др. *Coxa, ae f* – ‘бедро, таз, верхняя часть бедра’: *articulatio coxae* – тазобедренный сустав; *os coxae* – тазовая кость. В значении ‘таз’ данное слово употребляется в одном термине, относящемся к системе скелета (*os coxae* – тазовая кость), и в одном термине, относящемся к системе соединений (*articulatio coxae* – тазобедренный сустав). В остальных случаях в данном значении используется *pelvis*: *pelvis major (minor)* – большой (малый) таз; *diaphragma pelvis* – диафрагма таза; *fundus pelvis* – тазовое дно; *apertura pelvis superior* – верхняя апертура таза и др.

В словарях анатомических терминов можно встретить названия одних и тех же органов на латинском и греческом языках. Включение греческих слов наравне с латинскими обосновывается тем, что они являются основой для построения многих клинических терминов. Известно, что анатомическая терминология содержит названия органов и частей тела здорового человека и создана на латинском языке, в то время как клиническая терминология, включающая названия заболеваний, патологических процессов и способов воздействия на них, построена на греческом языке. По нашему мнению, термины, обозначающие названия одних и тех же анатомических образований на латинском и греческом языках, следует называть дублетами, считать их синонимами нецелесообразно, так как они, во-первых, относятся к разным языкам, а следовательно, являются переводом, а во-вторых, могут иметь разную грамматическую структуру (существительное / словосочетание, существительное с согласованным / существительное с несогласованным определением) и различные области применения: *columna vertebralis (лат.) / rhachis (греч.)* – позвоночный столб; *tuba uterina (лат.) / salpinx (греч.)* – маточная труба; *medulla ossium (лат.) / myelos (греч.)* – костный мозг; *vesica fellea (biliaris) (лат.) / cholecystis (греч.)* – желчный пузырь; *vesica urinaria (лат.) / cystis (греч.)* – мочевого пузырь; *labium fissum (leporinum) (лат.) / cheiloschisis* – «заячья губа», расщелина верхней губы и др.

Абсолютные синонимы встречаются в медицинской терминологии редко. Их особенностью является то, что любой из терминов, входящих в синонимическую пару, можно употреблять без потери нюансов значения, они должны быть взаимозаменяемы в любом словосочетании, все они включены в словари анатомических терминов и в номенклатуры. В анатомической терминологии абсолютными синонимами являются: *cavum = cavitas* (полость); *peroneus = fibularis* (малоберцовый); *nutricius = nutriens* (в значении «питающий»); *vesica fellea = vesica biliaris* (желчный пузырь); *ductus choledochus = ductus biliaris* (желчный проток); *palatum molle* (мягкое нёбо) = *velum palatinum* (нёбная занавеска) и др. В клинической терминологии абсолютными синонимами принято считать греческие слова *metra* и *hystera* (матка), однако проведённый нами анализ сложных терминов, образованных сочетанием данных слов с другими терминологическими элементами, показал, что они взаимозаменяемы не во всех случаях: *hystero-graphia = metro-graphia* (контрастное рентгенологическое исследование полости матки); *hystero-ptosis = metro-ptosis* (опущение, выпадение матки); *hystero-scopia = metro-scopia* (метод малоинвазивного обследования полости матки); но в терминах *endometrium, perimetrium, myometrium* замена корневого компонента невозможна, а в терминах *hysterec-tomia, hysteroresectoscopia* предпочтительно употреблять *hystera*, а не *metra*. Некоторые греко-латинские дублеты, которые употребляются в разных разделах медицины, формируют абсолютно синонимичные термины лишь в сочетании с определёнными терминологическими элементами, например: *nephro-graphia = renographia* (метод контрастирования почечной паренхимы и получения её изображения на рентгенограмме); *phlebo-graphia = venographia* (рентгенологический метод исследования венозной сети); *procto-scopia = rectoscopia*

(инструментальный осмотр просвета прямой кишки); *lithiasis = calculosis* (образование камней в каком-либо органе) и др.

Попытки провести семантическую специализацию синонимов в рядах слов, которые требуют глубокого и последовательного анализа их лексического значения, индивидуального наполнения и употребления, нередко приводят к тому, что слово получает некое дополнительное значение, при помощи которого сама дифференциация и происходит. Но, получая дополнительное, уточнённое значение с целью избежать путаницы, неточного толкования, термины тем самым увеличивают количество синонимов в медицинской терминологии. Например, названия *phalanx prima (secunda, tertia)* – ‘первая фаланга (вторая, третья)’ не совсем точно характеризуют своё местоположение, так как одна и та же фаланга может быть первой, если считать от кончиков пальцев, и третьей, если считать от пястных костей, поэтому данные термины были заменены на *phalanx proximalis* ‘проксимальная фаланга, ближайшая к пястной кости’, *phalanx media* ‘средняя фаланга’ и *phalanx distalis* ‘дистальная фаланга, кость на кончиках пальцев рук и ног’. Подобная ситуация наблюдается и с названиями пальцев руки: *digitus quintus* (‘пятый палец’) получил более точное синонимичное название *digitus minimus* (‘наименьший палец, мизинец’), не вызывающее сомнения в том, о каком из пальцев идёт речь; *digitus quartus* (‘четвёртый палец’) – *digitus anularis* (‘палец, тот, на котором носят кольцо; безымянный палец’), хотя данное название также не в полной мере отражает смысловое наполнение термина, так как кольцо в настоящее время можно носить на любом из пальцев руки, в то время как в античности (именно поэтому палец и получил своё название) кольцо с печатью врачи носили на безымянном пальце.

Нередко причиной замены слов синонимами и мотивационной причиной к выбору того или иного слова в паре синонимов является сложность их произношения на русском языке: вместо *ramus anastomoticus* (‘анастомотическая ветвь’) появился термин *ramus communicans* (‘соединительная ветвь’), но чаще причиной предпочтительного употребления является отсутствие чёткой ассоциативной характеристики у одного из них: *systema nervorum sympathicum = systema nervosum autonomicum* ‘симпатическая / автономная нервная система’; *mamma = glandula mammaria* ‘молочная железа’; *partes masculinae externae* ‘наружные мужские части’ = *genitalia masculina externa* ‘наружные мужские половые органы’ и др. Также причиной появления синонимов и необходимости их семантической дифференциации являются трудности с подбором точного русского эквивалента: *papillae circumvallatae* (‘сосочки, окружённые валом’) были переведены как ‘желобовидные сосочки’, так как точный перевод является описательным и неудобен в употреблении. По этой же причине *pars infundibularis* (‘часть, располагающаяся у воронки’) заменена на *pars tuberalis* ‘бугорная часть’, так как второй вариант является более точным; перевод термина *tibiofibularis* ‘большеберцово-малоберцовый’ заменён на ‘межберцовый’.

При рассмотрении синонимов в медицинской терминологии нами были обнаружены случаи так называемой «межъязыковой асимметрии» [2, с. 186–189], при которой в латинском языке существуют два или три слова (словосочетания) с одинаковым значением, а в русском языке им соответствует одно слово (словосочетание): *musculus peroneus / musculus fibularis* – малоберцовая мышца; *dentes decidui / dentes temporanei / dentes lactei* – молочные зубы; *dentes serotini / dentes sapientiae* – зубы мудрости; или наоборот: *systema nervosum autonomicum* – симпатическая / автономная / вегетативная нервная система; *ventralis* – вентральный / брюшной / передний; *dorsalis* – дорсальный / тыльный / задний и др. В последних двух примерах синонимы выполняют одну из своих важнейших функций – объясняют значение незнакомых слов.

Рассмотрим вопрос о семантической специализации синонимов более подробно на примере терминов, имеющих в русской анатомической терминологии значение ‘отверстие’. Отверстие, согласно словарю С. И. Ожегова, –

это «дыра, скважина, проход куда-либо» [6, с. 376]. В качестве синонима слова «отверстие» предложены только разговорные варианты *дыра* и *дырка* [8, с. 83], которые употребляются преимущественно в обиходно-бытовой речи. Это объясняет тот факт, что анатомических терминов, которые на русский язык переводятся как 'дыра', не было обнаружено. Все термины, обозначающие сквозное полое пространство, образовавшееся в результате нарушения цельности чего-либо или естественно существующее в чём-либо, носят название «отверстие».

Этимологический анализ латинских слов, входящих в синонимический ряд анатомических терминов с данным значением, расположенных по степени частотности (*foramen, ostium, apertura, hiatus, porus*), позволяет говорить о том, что они различаются степенью выраженности основополагающего признака, то есть открытости. Так, самый популярный термин с данным значением '*foramen*' (*отверстие*), образованный от глагола *forāre* ('буравить, просверливать, продырявливать') [3, с. 334], является доминантным в данном синонимическом ряду и употребляется практически во всех системах и анатомических образованиях тела человека: *foramen magnum* – большое затылочное отверстие; *foramen apicis dentis* – отверстие верхушки зуба; *foramen caecum linguae* – слепое отверстие языка; *foramen infraorbitale* – подглазничное отверстие; *foramen mentale* – подбородочное отверстие; *foramen intervertebrale* – межпозвоночное отверстие; *foramen venae cavae inferioris* – отверстие нижней полой вены; *foramina sacralia dorsalia* – спинные крестцовые отверстия и т. д. Другие термины с данным значением называют такие же анатомические образования, но с акцентом на характерные структурные особенности, функциональные характеристики, детализацию и область употребления. Так, термин '*ostium*' ('вход, устье, дверь, ворота') обозначает отверстие, открывающееся в полый орган или канал, является производным от *os* ('рот, уста; пасть; отверстие') [3, с. 544]. Как и рассмотренный выше термин, '*ostium*' употребляется практически во всех системах и анатомических структурах тела человека: *ostium vaginae* – отверстие влагалища; *ostium uteri* – отверстие матки; *ostium urethrae externum (internum)* – наружное (внутреннее) отверстие мочеиспускательного канала; *ostium atrioventriculare dextrum (sinistrum)* – правое (левое) предсердно-желудочковое отверстие; *ostium pyloricum* – отверстие привратника; *ostium aortae* – отверстие аорты и т. д. Термином '*apertūra*' (вскрытие, отверстие, проём, брешь), образованным от латинского глагола *aperīre* (открывать, отворять, распаивать настежь) [3, с. 65], в анатомии обозначают полости (грудной клетки, таза, околоносовых пазух, водопровода преддверия), отверстия, соединяющие два каких-либо анатомических образования. Чтобы избежать искажения смысла, вместо русских слов 'отверстие' и 'устье' в анатомической терминологии на русском языке используют транскрибированное слово 'апертура': *apertura externa (interna) aqueductus vestibuli* – наружная (внутренняя) апертура водопровода преддверия; *apertura sinus frontalis* – апертура лобной пазухи; *apertura pelvis superior (inferior)* – верхняя (нижняя) апертура таза; *apertura sinus sphenoidalis* – апертура клиновидной пазухи; *apertura superior (inferior) cavi axillaris* – верхняя (нижняя) апертура подмышечной впадины; *apertura thoracis superior (inferior)* – верхняя (нижняя) апертура грудной клетки и др. '*Porus*' (проход, канал) – слово греческого происхождения, употребляется в значении 'отверстие' исключительно в анатомических терминах, относящихся к системе скелета и к органам чувств: *porus acusticus externus (internus)* – наружное (внутреннее) слуховое отверстие; *porus gustatorius* – вкусовое отверстие (пора), а также *porus sudoriferus* – потовое отверстие (пора). Термин '*hiātus*' ('глубокое (зияющее) отверстие, щель, расщелина, ущелье, пропась') образован от латинского глагола *hiāre* ('быть раскрытым, разверзаться, зиять') [3, с. 362–363]. В значении 'отверстие' он употребляется только в следующих терминах: *hiatus oesophageus* – пищеводное отверстие; *hiatus aorticus* – аортальное отверстие; *hiatus saphenus* – отверстие скрытой вены.

Как видно из приведённых примеров, степень выраженности признака не влияет на частотность употребления терминов-синонимов в анатомической терминологии. Исходя из анализа дополнительных, переносных значений этих терминов в русском языке, по мере уменьшения размера обозначаемого отверстия, термины следует расположить в следующей последовательности: *hiatus*, *porus*, *ostium*, *apertura*, *foramen*, то есть в порядке, почти противоположном частоте их употребления, которая зафиксирована в словаре Л. А. Бахрушиной: *foramen* (58 терминов), *ostium* (36), *apertura* (22), *hiatus* (11), *porus* (5) [1, с. 230–231]. Некоторые термины, обозначаемые словами из данного синонимического ряда, после пересмотра в различных терминологиях были заменены, например *foramen opticum*, который выглядит как короткий костный канал, а не отверстие, был заменён на *canalis opticus*. В особых случаях термин *foramen* выступает как синоним к *incisura* ('вырезка'): *foramen sive incisura supraorbitalis* – надглазничное отверстие или вырезка.

В заключении отметим, что проблема синонимии терминов, то есть использования нескольких лексических единиц для номинации одного и того же понятия, и выработка принципов дифференциации и упорядочения синонимов остаются одними из важнейших проблем современного языкознания. При составлении словарей медицинских терминов следует проводить тщательный отбор слов, избавляться от терминов-синонимов, относящихся к разным временным периодам формирования терминологии, так как ссылки на ту или иную номенклатуру понятны только специалистам в области терминоведения и терминологии. В большей степени это касается учебных словарей, используемых в образовательном процессе медицинских вузов, колледжей и училищ, поскольку лексическая вариативность, наличие синонимов и отсутствие мотивированного объяснения особенностей их употребления приводят к серьёзным ошибкам студентов в ходе изучения латинского языка и основ медицинской терминологии. Формирование анатомической терминологии фактически завершено к настоящему времени, все анатомические образования, в том числе мельчайшие, имеют свои наименования, количество этих терминов ограничено строением тела человека, они должны быть лишены синонимов и чётко зафиксированы за одним конкретным анатомическим объектом. В противном случае каждый синоним требует семантического анализа, объяснения и сравнительной характеристики с другими, ему подобными. Синонимами в медицинской терминологии в полной мере можно считать лишь те слова, которые являются одной частью речи, имеют одинаковую грамматическую структуру и практически одинаковое смысловое наполнение, допускающее лишь незначительные отклонения в сторону сужения или расширения, и определяющее, в свою очередь, сочетаемость слова с другими терминами, и, что немаловажно, принадлежащие одному языку (латинскому или греческому). Абсолютные синонимы, тождественные по значению и взаимозаменяемые во всех сочетаниях, как показало наше исследование, в медицинской терминологии – явление редкое. Греко-латинские обозначения одних и тех же анатомических образований, по нашему мнению, следует считать дублетами, или переводными эквивалентами, а не синонимами.

Список источников

1. Бахрушина Л. А. Латинско-русский и русско-латинский словарь наиболее употребительных анатомических терминов / Л. А. Бахрушина ; под ред. В. Ф. Новодрановой. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 288 с.
2. Волкова М. Г. Синонимические отношения в анатомической терминологии латинского языка / М. Г. Волкова, С. Л. Васильева, Т. А. Шлейдовец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – С. 186–189.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1986. – 840 с.
4. Казачёнок Т. Г. Анатомический словарь. Латинско-русский. Русско-латинский / Т. Г. Казачёнок ; под ред. П. И. Лобко. – Минск : Вышэйша школа, 1976. – 400 с.

5. Колобаев В. К. Синонимия в медицинской терминологии: pro & contra / В. К. Колобаев, А. Х. Всеволодова // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 5. – С. 89–92.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 750 с.
7. Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт IX-го издания 1914 г. / О. Петрученко. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.
8. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. – Ленинград: Наука, 1970. – Т. 2. – 856 с.
9. Таранова Е. Н. Проблема синонимии в специальной терминологии / Е. Н. Таранова, Ж. А. Бубырева, О. А. Таранов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – Вып. 2 (167). – С. 55–59.
10. Употребление синонимов и близких по значению слов в медицинской терминологии / сост. Е. В. Лапочкина. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 86 с.

References

1. Bakhrushina L. A. *Latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar naibolee upotrebitelnykh anatomicheskikh terminov = Latin-Russian and Russian-Latin dictionary of the most commonly used anatomical terms*. Ed. by V. F. Novo-dranova. Moscow: GEOTAR-Media; 2007: 288 p.
2. Volkova M. G., Vasileva S. L., Shleydovets T. A. Synonymous relations in the anatomical terminology of the Latin language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019;12:186–189
3. Dvoretzkiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar: okolo 50 000 slov = Latin-Russian dictionary: about 50,000 words*. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1986: 840 p.
4. Kazachenok T. G. *Anatomicheskii slovar. Latinsko-russkiy. Russko-latinskiy = Anatomical dictionary. Latin-Russian. Russian-Latin*. Ed. by P. I. Lobko. Minsk: Vysheysha shkola; 1976: 400 p.
5. Kolobaev V. K., Vsevolodova A. Kh. Synonymy in medical terminology: pro & contra. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*. 2017;5:89–92.
6. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka: okolo 57 000 slov = Dictionary of the Russian language: about 57,000 words*. Ed. by N. Yu. Shvedova. 19th ed. Moscow: Russkiy yazyk; 1987: 750 p.
7. Petruchenko O. *Latinsko-russkiy slovar = Latin-Russian dictionary*. Reprint of the 9th ed. of 1914. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina; 1994: 810 p.
8. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2 tomakh = Dictionary of synonyms of the Russian language: in 2 volumes*. Leningrad: Nauka; 1970;2: 856 p.
9. Taranova E. N., Bubyreva Zh. A., Taranov O. A. The problem of synonymy in special terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*. 2016;2(167):55–59.
10. *Upotreblenie sinonimov i blizkikh po znacheniyu slov v meditsinskoy terminologii = Use of synonyms and words with similar meanings in medical terminology*. Comp. by E. V. Lapotchkina. Moscow: RUSAINS; 2023: 86 p.

Информация об авторе

Е. В. Лапочкина – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Lapochkina – Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 03.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 36–42.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):36–42.

Научная статья
УДК 81'37

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ «АГРЕССИВНЫМИ»
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Мария Леонидовна Лаптева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru

Аннотация. Статья выполнена в русле когнитивно-прагматического подхода к анализу единиц фразеологической системы, играющих особую роль в объективации культурно-значимых смыслов. Цель статьи – выявить прагматический потенциал фразеологических репрезентантов инокультурных концептов в реализации «агрессивной» семантики. В статье определяется содержание термина «инокультурный концепт» и показывается роль «агрессивных» фразеологических единиц в репрезентации гетеростереотипов, оценочных образов «чужих» народов. «Агрессивные» фразеологические единицы являются негативными вербальными реакциями носителя языка на инокультурное, чужеродное или имеют в когнитивной базе формирования отрицательной фразеологической семантики источник, связанный с «чужим» инокультурным пространством. Среди подобных косвенно-производных знаков выделяются и паремии, и фразеологические сочетания, и устойчивые сравнения. Наибольшим «агрессивным» потенциалом обладают фразеологические сочетания с этнонимическими компонентами: «негр» (*работать как негр*), «еврей» (*жадный как еврей*), «цыган» (*чёрный как цыган* и др.) и, вопреки сложившимся современным русско-китайским дружественным взаимоотношениям, с компонентом «китайский» (*китайская грамота, китайский ширпотреб, китайские церемонии, как китайский болванчик*). Выбирая в качестве объекта сравнения представителя «чужой» культуры, говорящий зачастую подчёркивает образ жизни, поведенческие особенности, черты характера или свойства внешности, вызывающие антипатию, пренебрежение, то есть демонстрирует вербальную агрессию к объекту номинации через «инокультурный код». Для выявления отрицательной коннотации инокультурного элемента в значении единиц косвенно-производной номинации необходимо не только осмысление того, как происходит процесс непрямого отображения действительности, опосредованный преемственностью отдельных компонентов, но и дискурсивное осмысление всего выражения с агрессивной семантикой.

Ключевые слова: инокультурный концепт, репрезентация, «агрессивная» фразеологическая единица, фразеологическая семантика

Для цитирования: Лаптева М. Л. Репрезентация инокультурных концептов «агрессивными» фразеологическими единицами русского языка // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 36–42.

Original article

**REPRESENTATION OF FOREIGN CULTURAL CONCEPTS
BY “AGGRESSIVE” PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Mariya L. Lapteva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru

Abstract. The article is carried out in line with the cognitive-pragmatic approach to the analysis of units of the phraseological system that play a special role in the objectification of culturally significant meanings. The purpose of the article is to identify the pragmatic potential of phraseological representatives of foreign cultural concepts in the implementation

of “aggressive” semantics. The article defines the content of the term “foreign cultural concept” and shows the role of “aggressive” phraseological units in the representation of heterostereotypes, evaluative images of “foreign” peoples. “Aggressive” phraseological units are negative verbal reactions of a native speaker to a foreign cultural, alien, or have a source associated with an “alien” foreign cultural space in the cognitive base of the formation of negative phraseological semantics. Among such indirectly derived signs, paroemias, phraseological combinations, and stable comparisons stand out. Phraseological combinations with ethnonymic components have the greatest “aggressive” potential: “Negro” (to work like a Negro), “Jew” (greedy like a Jew), “gypsy” (black like a Gypsy, etc.) and, contrary to the established modern Russian-Chinese friendly relations, with the component “Chinese” (Chinese literacy, Chinese consumer goods, Chinese ceremonies, like a Chinese dummy). Choosing a representative of an “alien” culture as an object of comparison, the speaker often emphasizes lifestyle, behavioral characteristics, character traits or appearance properties that cause antipathy, neglect, i. e. demonstrates verbal aggression towards the object of nomination through a “foreign cultural code”. To identify the negative connotation of a foreign cultural element in the meaning of units of an indirectly derived nomination, it is necessary not only to understand how the process of indirect representation of reality occurs, mediated by the continuity of individual components, but also a discursive understanding of the entire expression with aggressive semantics.

Keywords: foreign cultural concept, representation, “aggressive” phraseological unit, phraseological semantics

For citation: Lapteva M. L. Representation of foreign cultural concepts by “aggressive” phraseological units of the Russian Language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):36–42 (In Russ.).

В современных научных исследованиях по-прежнему поднимаются вопросы репрезентации этноспецифических концептов, выражающих особенности русской национальной картины мира, а также выявления роли фразеологической номинации в объективации связи предметов и явлений окружающей действительности. Однако не менее важным представляется выяснить, какова познавательная ценность знаков косвенно-производной номинации, вербализующих инокультурные концепты.

Обращаясь к проблеме способов и средств передачи концептуального содержания представлений о «чужом» культурном пространстве, остановимся прежде всего на определении понятия «инокультурный концепт», отметив множественность интерпретаций данного термина, который может использоваться как обозначение речемыслительных категорий разного порядка.

С. Г. Растатуева, например, определяет инокультурный (в терминологии учёного – импортный) концепт в виде ментальной категории, составляющей «чужой» культуры. Имя такого концепта является номинацией новых для национальной культуры реалий и связано с абсолютно новым для принимающей культуры знанием (*толерантный, пиар, драйв* и др.), следовательно, не имеет синонимов. Синтагматическая и парадигматическая значимости свидетельствуют о том, насколько данный концепт ассимилировался в русском языке [6, с. 357]. Открытым в этом случае остаётся вопрос об отражении новых, не закреплённых ранее в семантической системе языка сторон объективной действительности.

В другом значении инокультурный концепт выступает как актуальный в большей степени для «чужой», чем для «своей» культуры, «квант знания», репрезентирующийся в принимающей лингвокультуре единицами, передающими концептуальное содержание частично или вообще не имеющими эквивалентов. Действительно, некоторые социокультурные черты, характерные для определённого этноса, могут не иметь никакого значения для другого народа и, соответственно, не находят выражения в другом языке [6, с. 27]. В качестве примера можно привести концепт «Иероглиф», лишь частично соотносимый с концептом «Слово», или религиозный концепт «Пророк», нехарактерный для русской христианской картины мира.

Именем инокультурного концепта, в нашем понимании, является макротопоним, семантика которого связывается со всем объёмом знаний, эмоционально-оценочных переживаний и стереотипных представлений об определённой стране, её геополитике, населяющем её народе и его культуре. Такой национально-географический концепт, как взгляд, направленный изнутри на осмысление и интерпретацию инокультурной действительности, реализуется в обыденном, общественном и научном языковом сознании специфическими лексическими и фразеологическими средствами. Подобное представление об инокультурном концепте находим, в частности, в работах О. А. Гришиной и Ши Ся [1; 7].

Цель настоящей статьи – выявить прагматический потенциал фразеологических репрезентантов инокультурных концептов в реализации «агрессивной» семантики.

По нашим данным, в русском языке в разной степени вербализуется более 20 инокультурных концептов: «Китай», «Америка», «Италия», «Германия», «Англия», «Польша», «Греция» и др. К группе инокультурных нами относится и концепт «Иностранец» [2]. Многие репрезентанты названных концептов являются не чем иным, как отражением сложившихся гетеростереотипов, то есть оценочных образов «чужих» народов, мыслящихся враждебными и опасными, что восходит к архаичным верованиям, связывающим инородцев с представителями «иног» мира. Действительно, восприятие «чужого» нередко вызывает негативные эмоционально-оценочные реакции и сопровождается проявлением агрессии (= неприязни, враждебности, злобы, ненависти) по отношению к тому, кто (что) не соответствует нормам и культурным установкам «своего» народа. Так, со времен татаро-монгольского нашествия в паремиологическом фонде русского языка закрепился целый ряд выражений, «демонизирующих» татар: *Рыжего зырянина создал бог, рыжего татарина – чёрт; Бей сполох – татарин идёт; Злее зла татарская честь; Ешь медведь татарина – оба ненадобны; Неволей только татары берут* и др.

Среди фразеологических репрезентантов инокультурных концептов, следовательно, можно отметить условно называемые нами «агрессивные» фразеологические единицы, которые: 1) являются негативными вербальными реакциями носителя языка на инокультурное, чужеродное или 2) имеют в когнитивной базе формирования отрицательной фразеологической семантики источник, связанный с «чужим» инокультурным пространством. Сравним: устойчивое сочетание *китайский ширпотреб*, с помощью которого даётся характеристика низкокачественным товарам массового производства из Китая, и фразеологические единицы *китайская грамота* – 'о чём-то недоступном пониманию, совершенно непонятном, незнакомом' и *китайские церемонии* – 'утомительные и ненужные условности; излишние проявления вежливости; бессмысленный этикет'. Первое выражение (*китайский ширпотреб*) содержит негативную оценку в денотативно-сигнификативном блоке значения, то есть является «агрессивно заряженной», другие выражения (*китайская грамота* и *китайские церемонии*) можно признавать / не признавать агрессивными исходя из коммуникативно-прагматической ситуации, ареала функционирования.

Отрицательные коннотации обнаруживаются у рассматриваемого устойчивого сочетания *китайский ширпотреб* во всех найденных нами контекстах массмедийного дискурса. Так, в одном из выпусков «Московского комсомольца» (18.11.2022) находим статью с заголовком «*Китайский ширпотреб погубит отечественное импортозамещение*». В электронных изданиях встречаем: «*Китайский ширпотреб за бешеные бабки – новая реальность или мир уже сошёл с ума?*»¹; «*Мы и раньше ругали китайский ширпотреб. Дешевые кофточки, которые быстро растягивались и выцветали.*

¹ URL: <https://www.drive2.ru/b/619176230360454651/>.

Китайская бытовая техника, которая быстро выходила из строя. Но события последних дней показывают, что китайские вещи не только плохи по качеству, но прямо-таки опасны»¹ и др.

Когнитивной базой фразеологического значения единиц *китайская грамота* и *китайские церемонии* также являются гетеростереотипы: представление русских о трудности китайского языка и непонятности иероглифического письма, с одной стороны, и восприятие культурных традиций двора китайских императоров, множества правил этикета как не соответствующих правилам установления контакта и проявлениям вежливости у русских. Смысл русской поговорки «*Я тебе челом, а уж ты знаешь о чём*» противоположен смыслу, которые несут в себе ритуалы в Китае.

Обратим внимание, как поведение, образно номинируемое *китайскими церемониями*, становится источником раздражения, переходящим в словесное выражение агрессии: «*Лёвка продолжал в раздражённом тоне разглагольствовать о том, что ничего нет ужасного в том, чтобы выйти и сказать два слова с трибуны, если это нужно. Он сам будет выступать, хотя ему тоже неловко, ведь он знает Ганчука с детства... <...> Но если нужно выступить, значит, нужно, старик-то маразмирует, время его давно ушло, а он не чует, хорохорится вместо того, чтобы уступить место, и не хрена тут разводиться **китайские церемонии**, а то хороши: и на елку сесть и задницу не поцарапать...*» (Ю. Трифонов. Дом на набережной) [3]. Из контекста становится понятно, что Лёвка отрицательно оценивает («в раздражённом тоне») выбранную форму общения с Ганчуком, готов на решительные действия («выступить»), а непосредственное употребление фразеологической единицы сопровождается инвективными лексическими распространителями, придающими высказыванию категоричность («не хрена разводиться»), и грубо-просторечной паремией «и на елку сесть и задницу не поцарапать», которая выступает контекстуальным синонимом исходной единицы *китайские церемонии*. В целом реализуется речевой акт словесных нападок.

Негативно может номинироваться лицо с помощью фразеологизма **<как> китайский болванчик** – ‘о человеке, кивающем в знак согласия, бездумно со всем соглашающемся’. Например: «– *Но, как твои товарищи, мы хотим, чтобы ты смотрел на эту ситуацию адекватно. Ты меня понимаешь? – Митя кивнул. – Ты не кивай, как китайский болванчик, а ты скажи, что ты думаешь по этому поводу. Говори с нами*» (В. А. Ярмолинец. Подрезка) [3]. В основе фразеологического значения – образ качающейся фарфоровой фигурки, уродливой китайской статуэтки. В то же время лексема *болванчик*, производная от *болван*, употребляется в русской лингвокультуре и в значении ‘дурак’, содержащем устойчивую отрицательную оценку лица. Приходим к выводу, что употребление данного устойчивого сравнения может сопровождаться выражением вербальной агрессии по отношению к адресату речи, что и наблюдается в представленном выше контексте. Говорящий не считает кивок приемлемой формой обратной связи, такой жест вызывает у него ассоциацию с бессловесной фигуркой – элементом «чужой» культуры, поэтому он призывает коммуникативного партнера к «оязыковлению» своего мнения («скажи», «говори с нами»).

Сравним: «*Пантов наполнил стаканы, поднял свой, приглашая то же самое сделать Бобана. Парень лениво протянул руку за выпивкой. – Ну что ты, как не родной! Только головой киваешь, как китайский болванчик! – злясь на немногословность Бобана, вздохнул Пантов*» (С. Романов. Парламент) [3]. Заметим: общительность считается одной из черт русского коммуникативного поведения, поэтому немногословность, как и молчание, вызывает в данной речевой ситуации раздражение, злость и, как следствие,

¹ URL: <https://www.pravda.ru/society/272544-china/>.

стимулирует проявление агрессии, эксплицирующейся посредством обидного сравнения собеседника с китайским болванчиком.

К репрезентантам агрессии, вербализующим инокультурные концепты, на наш взгляд, относятся и фразеологические сочетания с этнонимическим компонентом. Выбирая в качестве объекта сравнения представителя «чужой» культуры, говорящий зачастую подчёркивает образ жизни, поведенческие особенности, черты характера или свойства внешности, вызывающие антипатию, пренебрежение, то есть демонстрирует вербальную агрессию к объекту номинации через «инокультурный код». В качестве примера можно привести устойчивое сравнение **жадный как еврей**. Во-первых, отрицательную коннотацию содержит основание сравнения – жадность, традиционно порицаемая в русской культуре, где в процессе воспитания ребёнка стараются пресекать формирование у него данного качества (*Не жадничай! Жадничать нехорошо! Нужно делиться!*), где оно подвергается осуждению (*Жадина-говядина – солёный огурец (турецкий барабан, злая шоколадина)* и т. п.). Негативный смысл усиливается выбором в качестве объекта сравнения этнонима *еврей*, функционирующего в русском лингвокультурном пространстве в большинстве случаев в уничижительно-пренебрежительных высказываниях.

Отрицательные смыслы актуализируются в процессе употребления устойчивых сравнений с компонентами «цыган» или «негр». Вспомним, как враждебно воспринимает отец Натальи из романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» выбор дочерью Григория в качестве жениха: «– *Нашла жениха, дурёха, – урезонивал отец, – только и доброго, что чёрный, как цыган. Да рази я тебе, моя ягодка, такого женишка сыщу?»* Высказывание рассматривается нами как ироничное, поскольку сравнение с цыганом чаще содержит отрицательную оценку внешности.

Обратим внимание на то, как негативно относится к городской жизни героиня повести М. Палей «Евгеша и Аннушка»: «*Она только изредка вставляет реплики вроде: “Не ндравится мне эта городская жисть: **ходишь, как цыган с торбешкой**. В деревне всё, бывало, своё...”*» При указании на то, что человек не имеет постоянного пристанища, сравнение с цыганом в большинстве случаев актуализирует прагматический компонент «неодобрение» [4, с. 745].

Сравним: «*Тут и напарник мой, Игорёк Херсонский, весьма кстати появился. Спасибо, что вообще пришёл. Хотя не совсем понятно зачем. Заглянул в палату на минуту, убедился – ни от кого деньгами не пахнет, и пошёл по корпусу, **как цыган по ярмарке**, авось что уреёт»* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова) [3]. В представленном контексте также даётся отрицательная характеристика действиям лица с использованием трансформированной устойчивой единицы *как цыган (по ярмарке)*. Агрессивная оценка, данная говорящим, подчёркивается употреблением других выражений, принижающих личность Херсонского: просторечного глагола с оттенком неодобрения *урвать* – ‘добыть некоторое количество чего-либо для себя’ [5, с. 837] – и имплицитного указания на его социально неодобряемое действие – «убедился – ни от кого деньгами не пахнет».

Языковым маркером реализации коммуникативной тактики угрозы, в условиях которой наблюдается агрессивное коммуникативное поведение говорящего, является устойчивое сравнение с инокультурным компонентом в следующей речевой ситуации: «*Ты, Витька, не думай, что чик-чик – и готово. Ты у меня сейчас **работать будешь как негр!** И Служкин действительно **работал как негр**»* (А. Иванов. Георгий глобус пропил) [3].

Как средство передачи агрессии выступают и императивные фразеологические единицы. К ним относится выражение «*Да я семь шкур с него спущу и голым в Африку пущу*», объективирующее угрозу расправы. Генетический дискурс названного ироничного выражения – басня С. В. Михалкова «Заяц во хмелю», где данную угрозу пьяный Заяц высказывает в адрес Льва.

Однако в речепотреблении устойчивая фраза далеко не всегда является просто комментарием к чьему-либо задиристому или хвастливому поведению, как это представлено в художественном тексте первоисточника. Сравним: «*И вот теперь эта наглая сволочь, ставшая причиной моей прибавки в весе в размере семи килограммов, заявляет, что мы должны разделить мой дом! Фиг ему, а не дом! Ещё судом вздумал меня пугать... Пусть попробует со мной судиться! Голым в Африку пойдёт!.. Причём именно пойдёт, а не поедет!*» (Т. Сахарова. *Добрая фея с острыми зубками*) [3]. Представленная в усечённом и трансформированном виде единица передаёт намерение говорящего нанести вред адресату, то есть может быть квалифицирована как агрессивная, функционирующая в одном ряду с другой формой выражения угрозы – синтаксической идиомой «*Пусть попробует со мной судиться!*» Негативные смыслы усиливаются употреблением оскорбительного выражения *наглая сволочь*.

Таким образом, в «агрессивных» фразеологических единицах – репрезентантах инокультурных концептов – кодируется культурно-исторический опыт носителей русского языка по освоению «чужой» действительности. Для выявления отрицательной коннотации инокультурного элемента в значении единиц косвенно-производной номинации необходимо не только осмысление того, как происходит процесс непрямого отображения действительности, опосредованный преемственностью отдельных компонентов, но и дискурсивное осмысление всего выражения с агрессивной семантикой. Наибольшим «агрессивным» потенциалом обладают фразеологические единицы с компонентами «жид», «еврей», «негр», «цыган» и, вопреки сложившимся современным русско-китайским дружественным взаимоотношениям, с компонентом «китайский».

Список источников

1. Гришина О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке: на материале публицистических текстов / О. А. Гришина. – Кемерово, 2004. – 23 с.
2. Маруневич О. В. Концепт «Иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты / О. В. Маруневич. – Пятигорск, 2010. – 28 с.
3. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – Москва : Русские словари, Астрель, АСТ, 2001. – 800 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Растатуева С. Г. Импортные концепты: к постановке вопроса // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) / С. Г. Растатуева. – Москва : Элпис, 2006. – С. 355–358.
7. Ши Ся. Концепт КИТАЙ в русском обыденном языковом сознании / Ши Ся. – Москва, 2008. – 24 с.
8. Tatilon C. Traduire. Pour une pédagogie de la traduction / C. Tatilon. – Toronto : Toronto éd. du GREF, 1986. – 177 p.

References

1. Grishina O. A. *Aktualizatsiya kontsepta AMERIKA v sovremennom russkom yazyke: na materiale publicisticheskikh tekstov = Actualization of the concept of AMERICA in modern Russian: based on the material of journalistic texts*. Kemerovo; 2004: 23 p.
2. Marunevich O. V. *Kontsept "Inostranets": lingvokognitivnyy i aksiologicheskiy aspekty = The concept of "Foreigner": linguocognitive and axiological aspects*. Pyatigorsk; 2010: 28 p.
3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka = The National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 15.04.2024).
4. Ogoltsev V. M. *Slovar ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskii) = Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic)*. Moscow: Russkie slovari, Astrel, AST; 2001: 800 p.

5. Ozhegov S. I., Shvedova, N. Yu. Tolkovy slovar russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik; 1999: 944 p.

6. Rastatueva S. G. *Imported concepts: towards the formulation of the question. Problemy semantiki yazykovykh yedinit v kontekste kultury (lingvisticheskiy i lingvometodicheskiy aspekty) = Problems of semantics of linguistic units in the context of culture (linguistic and linguomethodological aspects)*. Moscow: E`lpis ed., 2006: 355–358.

7. Shi Sya. Kontsept KITAY v russkom obydennom yazykovom soznanii = The concept of CHINA in the Russian everyday language consciousness. Moscow; 2008: 24 p.

8. Tatilon C. Traduire. Pour une pédagogie de la traduction. Toronto: Toronto éd. Du GREF; 1986: 177 p.

Информация об авторе

М. Л. Лаптева – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой.

Information about the author

M. L. Lapteva – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 43–48.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):43–48.

Научная статья
УДК 81

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИКОВ РОССИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

Людмила Юрьевна Буянова¹, Кирилл Олегович Махин²

^{1, 2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

²makhin-ko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексико-семантический аспект репрезентации иронии в политическом дискурсе, где ирония представлена сложным явлением с точки зрения языка и контекста её употребления. Представлена типология средств выражения иронии в четырёх основных ярусах языковой системы (фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом), среди которых лексический ярус выделяется как наиболее репрезентативный. Манипулятивная функция выделяется как одна из главных в политическом дискурсе, и ирония является одним из основных средств реализации данной функции. Примеры иронии анализируются в речи Сергея Лаврова, Марии Захаровой, Дональда Трампа и Бориса Джонсона, где подчёркивается её комплексный характер и выражение сочетанием таких средств языка, как гипербола, эпитет, метафора и сравнение, которые выделяются как доминантные. Иронический эффект достигается не только лексическими, но и синтаксическими средствами: несобственно-прямая речь, оксюморон, лексические повторы, риторические вопросы и обращения. Однако данные способы выражения иронии представлены не настолько широко, как лексические. Подчёркивается важность контекста как необходимой составляющей для правильного понимания и интерпретации ироничных высказываний. В заключение отмечаются особенности употребления средств выражения иронии каждым из политиков: риторика некоторых из них достаточно сдержанна, в то время как речи других представителей политического дискурса более экспрессивны, состоят из сравнений, направлены на контраст и преувеличения. Делаются выводы о том, что лексико-семантические средства выражения иронии являются репрезентативными и эффективными для реализации манипулятивных стратегий в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, ирония, средства выражения иронии, сарказм, ярусы языковой системы, лексика, гипербола, контекст

Для цитирования: Буянова Л. Ю., Махин К. О. Лексико-семантический аспект выражения иронии в политическом дискурсе (на материале текстов политиков России, США и Великобритании) // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). 43–48.

Original article

**THE LEXICAL AND SEMANTIC ASPECT OF THE EXPRESSION OF IRONY
IN POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE TEXTS OF POLITICIANS FROM RUSSIA, THE USA AND THE UK)**

Lyudmila Yu. Buyanova¹, Kirill O. Makhin²

^{1, 2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

²makhin-ko@yandex.ru

Abstract. The article examines the lexical and semantic aspect of the representation of irony in political discourse, where irony is represented as a complex phenomenon in terms of language and the context of its use. The typology of the means of expressing irony is presented in four main levels of the language system (phonemic, morphemic, lexical, syntactic), among which the lexical level stands out as the most representative. The

manipulative function is represented as one of the main ones in political discourse, and irony is one of the main means of implementing this function. Examples of irony are analyzed in the speeches of Sergey Lavrov, Maria Zakharova, Donald Trump and Boris Johnson, where its complex nature and expression are emphasized by a combination of such means of language as hyperbole, epithet, metaphor and comparison, which are distinguished as dominant. The ironic effect is achieved not only by lexical, but also by syntactic means, such as indirect reported speech, oxymoron, lexical repetitions, as well as rhetorical questions and appeals. However, these ways of expressing irony are not as widely represented as lexical ones. The importance of context is emphasized as the most necessary component for the correct understanding and interpretation of ironic statements. In conclusion, the peculiarities of the use of means of expressing irony by each of the politicians are noted: the rhetoric of some of them is quite restrained, while the speeches of other representatives of political discourse are more expressive, consist of comparisons, are aimed at contrast and exaggeration. It is concluded that lexical and semantic means of expressing irony are representative and effective for the implementation of manipulative strategies in political discourse.

Keywords: political discourse, irony, means of expressing irony, sarcasm, levels of the language system, vocabulary, hyperbole, context

For citation: Byuanova L. Yu., Makhin K. O. The lexical and semantic aspect of the expression of irony in political discourse (based on the texts of politicians from Russia, the USA and the UK). *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2024;2(90):43–48 (In Russ.).

Ирония представляет собой комплексное явление, выразить которое не всегда возможно каким-либо единым способом или средством. Структура английского и русского языков является главным фактором, обуславливающим специфику репрезентации иронии различными лексико-семантическими средствами. В лингвистике выделяются четыре языковых уровня: фонемный, морфемный, лексический, синтаксический. Средства выражения иронии присутствуют в каждом из них и подробно описаны в исследовании С. И. Походни [11], а Т. И. Каличкина предлагает их типологию по языковым ярусам [8]. Ниже представлены основные средства реализации иронии, распределённые по принадлежности к языковому ярусу:

1. Фонемный ярус: интонирование, энантиосемия, просодика, аллитерация, звукопись.

2. Морфемный ярус: морфемы, позволяющие образовать императив, множественное число, инфинитив, деепричастия.

3. Лексический ярус: антитеза, гипербола, литота, метафора, олицетворение, деперсонализация, иронический эвфемизм, сравнение, эпитеты, лексический повтор, синоним, антоним, омоним, полисемант, жаргонизмы, арго, архаизмы, историзмы, фразеологические единицы, диалектизмы.

4. Синтаксический ярус: вводные слова, инверсия, парцелляция, оксюморон, цитаты и ссылки, несобственно-прямая речь, клише. В сочетании с фонемным, морфемным и лексическим уровнями данные средства могут выражать имплицитные иронические смыслы.

В политическом дискурсе ирония является одним из основных средств, формирующих определённую реальность и реализующих манипулятивную функцию данного дискурса. Главной целью статьи является показ репрезентативности использования и частотности лексических единиц в речи ведущих политиков российской и англоязычной дипломатии.

По нашим наблюдениям, Сергей Лавров как опытный дипломат использует в своей речи такие элементы языка политического дискурса, как тонкий интеллектуальный юмор и эпитеты, что помогает выразить критику и сарказм в скрытой форме, но без привнесения в семантику этих средств конфликтных смыслов. Например, в интервью С. Лаврова «Радио России»: «Сейчас, когда говорят о возвращении периода холодной войны и в этом контексте упоминают железный занавес, то, наверное, это продиктовано *громогласными* заявлениями, которые по-прежнему нет-нет, да и звучат о том,

что надо Россию изолировать. Ну, где изоляция, там, значит, и какой-то занавес железный» [10]. **Эпитетом** «громогласный» Лавров, вероятно, подчёркивает и даже **гиперболизирует** масштаб происходящей геополитической эскалации, по-своему иронизируя: «Но сейчас такая ситуация в мире, в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, что если будут опускать железный занавес, то *ненароком могут себе чего-нибудь прищемить*» [10]. Данный фрагмент содержит **градацию иронической репрезентации**, передающую мысль о том, что можно «обжечься» собственными действиями. Этим создаётся комический эффект, который далее усиливается **выражением фразеологического типа**, передающим саркастичный смысл: «На примере санкций, на примере наших ответных мер это очень хорошо видно, – *“Назло маме отморожу уши”*» [10].

В политическом дискурсе выступления Марии Захаровой образуют такие речевые фрагменты, в которых наблюдаются нюансы языковой репрезентации дипломатичности и в то же время прямолинейности. Например, М. Захарова так иронически обыгрывает запрет Болгарии на нахождение её на борту самолёта в воздушном пространстве страны: «...впервые в нашей истории официальные власти запретили находиться в небе не самолёту, а человеку в самолёте – так было написано в официальной ноте болгарского МИД: *самолёту пролететь над Болгарией можно, а Марии Захаровой в самолёте лететь нельзя*. Про то, могу ли я *пролететь* над Болгарией *без самолёта* или можно ли *воспользоваться* для этого *космическим пространством*, ничего сказано не было» [6]. Как мы видим, главный иронический эффект достигается с помощью лексических и синтаксических средств. Например, с помощью **оксюморона** («пролететь без самолёта») и **гипотетического предположения** («могу ли я пролететь над Болгарией без самолёта или можно ли воспользоваться...»), что демонстрирует взаимосвязь равноуровневых средств выражения иронии. **Несобственно-прямая речь** («так было написано в официальной ноте болгарского МИД: *самолёту пролететь над Болгарией можно, а Марии Захаровой в самолёте лететь нельзя*») и **гипербола** («воспользоваться космическим пространством») вместе создают впечатление явного преувеличения.

В комментарии М. Захаровой на слова американского госсекретаря Энтони Блинкена о том, что Германия – лучший друг США, представлены также оригинальные комбинации средств выражения иронии: «Что же тогда США *лучшему другу* мешают участвовать в выгодном для него проекте “Северный поток — 2”? <...> *так с лучшими друзьями не поступают*» [7]. Здесь наблюдаются следующие средства выражения иронии: **перифраз** (Германия как «лучший друг») **риторический вопрос**, а также **лексический повтор** («друг», «друзьями»), акцентирующий внимание на вышеупомянутом перифразе. В совокупности с данными средствами дипломату удаётся выразить **логическое несоответствие**, насмешку над неискренними отношениями между странами.

Борис Джонсон использует иронию, основываясь на знаниях традиций британской парламентской риторики, и формулирует фразы таким образом, чтобы они звучали одновременно учтивыми и едко-насмешливыми. Основу его иронии чаще всего составляют **сравнения** и **эпитеты**, подобные тем, которыми он описывал характеристики личности Хиллари Клинтон: “She’s got *dyed blonde hair and pouty lips, and a steely blue stare, like a sadistic nurse in a mental hospital*” [15]. Фразы “*dyed blonde hair*” («крашеная блондинка»), “*pouty lips*” («пухлые губки») являются популярными английскими клише для описания внешности, и Б. Джонсон высмеивает Х. Клинтон, пользуясь гендерными стереотипами и пытаясь создать образ глупой, некомпетентной в политике женщины, при этом достаточно жестокой (*sadistic nurse*). В этом ему помогают **эпитеты** “*dyed blonde*” и особенно “*pouty*”, наиболее часто сочетающийся в английском с существительным “lips” («губы») [18]. Метафора “*steely blue*

stare» («стальной взгляд голубых глаз») используется для того, чтобы передать характер Х. Клинтон. Далее Б. Джонсон сравнивает своего политического оппонента с «медсестрой-садисткой в психиатрической больнице» (*“like a sadistic nurse in a mental hospital”*). Похожие **сравнения** Джонсон применяет в отношении Владимира Путина: “Exactly how can you negotiate with a *crocodile* when it has your leg in its jaws” («Как можно договариваться с *крокодилом* [Путиным], когда у него в челюстях твоя нога?») [17]. Мусульманские женщины в бурках и никабах в риторике Б. Джонсона подобны «почтовым ящикам» (*“like letter boxes”*) или «грабителям банка» (*“like a bank robber”*) [18]. Подобные сравнения свойственны британской парламентской культуре и широко распространены, являясь простым в применении и понятным в интерпретации средством выражения иронии.

Экс-президент США Дональд Трамп использует **гиперболу**. Она является одним из ключевых лексико-семантических способов достижения иронического эффекта. Например: “I’m running against *the single worst candidate in the history* of presidential politics and <...> that puts more pressure on me. Can you imagine if you lose to a guy like this, *it’s unbelievable*” («Мне выпала честь конкурировать на выборах с *наихудшим* кандидатом из всех в *истории политики* и <...> это оказывает на меня ещё большее давление. Представьте себе, что я проиграю такому человеку. *В это невозможно поверить*» (перевод наш. – К. М.)) [14]. **Гипербола** “*the single worst candidate in the history*” подчёркивает абсурдность выбора кандидатуры Джо Байдена. Слово *single* (пер. с англ. «единственный»; прямой перевод был заменён префиксом «наи-», чтобы обозначить высшую степень проявления признака) используется для усиления эффекта, а преувеличение “*it’s unbelievable*” лишь дополняет характеристику Д. Байдена как некомпетентного кандидата в президенты. Фраза “*can you imagine*” является риторическим обращением Д. Трампа к своей аудитории. Так он пытается сблизиться с ней.

Таким образом, в политическом дискурсе наблюдается многообразие способов выражения иронии, относящихся к определённой ярусу языковой системы. Однако лексический ярус представлен шире остальных.

Было установлено, что политики наиболее часто применяют гиперболу, сравнения и эпитеты, вероятно, ввиду их функциональности и относительной простоты в использовании. Риторика Б. Джонсона демонстрирует, что вместе со сложными словесными конструкциями можно создать тонкую и доступную широкой аудитории иронию. С. Лавров, наоборот, предпочитает более сдержанный подход. Однако его мастерство состоит в применении фразеологии, стилистических контрастов, чем он часто подчёркивает нестыковки, непоследовательность мысли оппонентов или же противоречия в глобальной геополитике. М. Захарова использует формальный стилистический регистр наравне с неожиданными колкими замечаниями для создания иронического эффекта, прибегая к лексическим и синтаксическим средствам. Это позволяет ей не только расколоть серьёзный фасад официальной речи, но также указать на абсурдность заявлений со стороны противников. Д. Трамп высмеивает своих оппонентов чаще всего с помощью гиперболы. Таким образом, лексико-семантический аспект иронии представляется как репрезентативный. Он является эффективным для реализации в политическом дискурсе манипулятивных стратегий.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта, 2002. – 304 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 388 с.
3. Веселова Н. В. Ирония в политическом дискурсе / Н. В. Веселова. – Нижний Новгород, 2003. – 18 с.

4. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А. А. Горностаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 64–74.
5. Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – Калуга : Калужский пед. ун-т, 2005. – 202 с.
6. Захарова назвала незаконным запрет Болгарии на пролет самолета. – URL: <https://ria.ru/20231130/zapret-1912788393.html> (дата обращения: 17.01.2024).
7. Захарова прокомментировала слова Блинкена о том, что ФРГ – лучший друг США. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/877176-zaharova-ssha-germaniya> (дата обращения: 17.01.2024).
8. Каличкина Т. И. Языковые средства выражения иронии в современном российском политическом дискурсе / Т. И. Каличкина // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 9. – С. 137–141.
9. Клименко Т. Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий) / Т. Н. Клименко. – Санкт-Петербург, 2007. – 236 с.
10. Лавров: Запад, опуская железный занавес перед РФ, может себе что-нибудь позволить. – URL: <https://tass.ru/politika/2452639> (дата обращения: 17.01.2024).
11. Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX–XX веков) / С. И. Походня. – Киев, 1984. – 218 с.
12. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 с.
13. Biden Pitches to Older Americans, and Trump Attacks His Fitness. – URL: <https://www.nytimes.com/live/2020/10/13/us/trump-vs-biden> (дата обращения: 17.01.2024).
14. Boris Johnson makes up with Hillary Clinton after 'sadistic nurse' comment. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/feb/11/boris-johnson-sings-hillary-clinton-praises> (дата обращения: 17.01.2024).
15. Boris Johnson said colonialism in Africa should never have ended and dismissed Britain's role in slavery. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-colonialism-africa-british-empire-slavery-a9564541.html> (дата обращения: 17.01.2024).
16. "Crocodile Has Your Leg In Its Jaws": Boris Johnson On Talks With Putin. – URL: <https://www.theworldtimes.com/crocodile-has-your-leg-in-its-jaws-boris-johnson-on-talks-with-putin/> (дата обращения: 17.01.2024).
17. Ferguson K. Boris Johnson sparks fury by saying the burqa makes women look like 'bank robbers' and 'letter boxes'. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6030927/Boris-Johnson-says-burka-makes-women-look-like-bank-robbers-letter-boxes.html> (дата обращения: 20.01.2024).
18. POUTY | English meaning – Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pouty> (дата обращения: 22.02.2024).

References

1. Arnold I. V. *Stilistika angliyskogo yazyka = Stylistics of the English language*. Moscow: Flinta; 2002: 304 p.
2. Arutyunova, N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt = Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact*. Moscow: Nauka; 1988: 388 p.
3. Veselova N. V. *Ironiya v politicheskom diskurse = irony in political discourse*. Nizhny Novgorod; 2003: 18 p.
4. Gornostaeva A. A. Irony in political discourse: aggression or entertainment? *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Lingvistika" = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Linguistics"*. 2014;3:64–74.
5. Ermakova O. P. *Ironiya i ee rol v zhizni yazyka = Irony and its role in the life of language*. Kaluga: Kaluga Pedagogical University; 2005: 202 p.
6. *Zakharova nazvala nezakonnym zapret Bolgarii na prolet samoleta = Zakharova called Bulgaria's ban on the plane's overflight illegal*. Available at: <https://ria.ru/20231130/zapret-1912788393.html> (accessed: 17.01.2024).
7. *Zakharova prokomentirovala slova Blinkena o tom, chto FRG – luchshiy drug SShA = Zakharova commented on Blinken's words that Germany is the best friend of the United States*. Available at: <https://russian.rt.com/world/news/877176-zaharova-ssha-germaniya> (accessed: 17.01.2024).
8. Kalichkina T. I. Linguistic means of expressing irony in modern Russian political discourse. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2021;9:137–141.

9. Klimenko T. N. *Tipy i tekstoobrazuyushhie funktsii ironicheskikh kontekstov (na materiale romanov-antiutopiy) = Types and text-forming functions of ironic contexts (based on dystopian novels)*. St. Petersburg; 2007: 236 p.
10. Lavrov: Zapad, opuskaya zheleznyy zanaves pered RF, mozhnet sebe chto-nibud prishchemit = Lavrov: The West, lowering the iron curtain in front of the Russian Federation, may pinch something for itself. Available at: <https://tass.ru/politika/2452639> (accessed: 17.01.2024).
11. Pokhodnya S. I. *Yazykovye sredstva vyrazheniya ironii v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze (na materiale angliyskoy i amerikanskoy khudozhestvennoy literatury kontsa XIX–XX vekov) = Linguistic means of expressing irony in English-language fiction (based on English and American fiction of the late 19th–20th centuries)*. Kiev; 1984: 218 p.
12. Shilikhina K. M. *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyy, semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty = Discursive practice of irony: cognitive, semantic, and pragmatic aspects*. Voronezh; 2014: 399 p.
13. *Biden Pitches to Older Americans, and Trump Attacks His Fitness*. Available at: <https://www.nytimes.com/live/2020/10/13/us/trump-vs-biden> (accessed: 17.01.2024).
14. *Boris Johnson makes up with Hillary Clinton after 'sadistic nurse' comment*. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2015/feb/11/boris-johnson-sings-hillary-clinton-praises> (accessed: 17.01.2024).
15. *Boris Johnson said colonialism in Africa should never have ended and dismissed Britain's role in slavery*. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-colonialism-africa-british-empire-slavery-a9564541.html> (accessed: 17.01.2024).
16. *"Crocodile Has Your Leg In Its Jaws": Boris Johnson On Talks With Putin*. Available at: <https://www.theworldstimes.com/crocodile-has-your-leg-in-its-jaws-boris-johnson-on-talks-with-putin/> (accessed: 17.01.2024).
17. *Ferguson K. Boris Johnson sparks fury by saying the burqa makes women look like 'bank robbers' and 'letter boxes'*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6030927/Boris-Johnson-says-burka-makes-women-look-like-bank-robbers-letter-boxes.html> (accessed: 20.01.2024).
18. *POUTY | English meaning – Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pouty> (accessed: 22.02.2024).

Информация об авторах

Л. Ю. Буянова – доктор филологических наук, профессор;
К. О. Махин – аспирант.

Information about the authors

L. Yu. Buyanova – Doctor of Philology, Professor;
K. O. Makhin – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 25.05.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 25.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 49–54.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):49–54.

Научная статья
УДК 81`373.2.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОРЕНБУРГА
(НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ)**

Екатерина Александровна Миронова^{1✉}, Мария Игоревна Жулева²

^{1, 2}Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

¹mironova_k.a@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2539-9188>

²zhuleva.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2203-2559>

Аннотация. В целях выявления характерных особенностей эргонимического пространства авторами проведён анализ названий медицинских организаций, предоставляющих стоматологические услуги в г. Оренбурге. В статье предпринимается попытка описать ономастическое пространство Оренбурга на материале наименований стоматологических клиник, определить основные тенденции в нейминге стоматологий (латинизация, вторичная номинация и др.). Приводится условная классификация названий по структуре и содержанию лексических компонентов эргонима. В качестве материала для исследования выступили наименования стоматологических клиник г. Оренбурга, выявленные методом сплошной выборки. Отмечены названия, в которых наблюдается использование приёмов языковой игры для привлечения потенциальных потребителей («Стоматология доктора Натальи Зубакиной», «Medici»). На основе проведённого анализа авторами сформулированы выводы о специфике и основных тенденциях нейминга стоматологических учреждений города Оренбурга. В результате исследовательского поиска установлены наиболее частотные лексические компоненты в составе названий стоматологических клиник (дент, dent, стом, мастер и др.), приводится мотивированность использования распространённых компонентов. Авторы приходят к выводу, что в названии организаций используются приёмы языковой игры, создающие цепочку ассоциаций в сознании потенциального потребителя. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в нейминге учитываются психологические особенности восприятия. В состав названий стоматологических организаций намеренно вводятся компоненты, за счёт которых подчёркивается высокий уровень качества медицинских услуг, клиентоориентированность учреждения, гуманный подход в процессе лечения. Выявленные тенденции образования наименований организаций, предоставляющих стоматологические услуги, гармонично сосуществуют в эргонимическом пространстве г. Оренбурга, подчёркивая его уникальность и своеобразие.

Ключевые слова: ономастическое пространство, нейминг, эргонимы, медицинские организации, медицина, языковая игра

Для цитирования: Миронова Е. А., Жулева М. И. Особенности организации ономастического пространства Оренбурга (на примере названий стоматологических учреждений) // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 49–54.

Original article

**FEATURES OF THE ORGANIZATION OF ONOMASTIC SPACE IN ORENBURG
(USING THE EXAMPLE OF THE NAMES OF DENTAL INSTITUTIONS)**

Ekaterina A. Mironova^{1✉}, Maria I. Zhuleva²

^{1, 2}Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹mironova_k.a@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2539-9188>

²zhuleva.mariya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2203-2559>

Abstract. In order to identify the characteristic features of the ergonomic space, the authors analyzed the names of medical organizations providing dental services in the city of Orenburg. The article attempts to describe the onomastic space of Orenburg based on the

names of dental clinics, determine the main trends in the naming of dentistry (Romanization, secondary nomination, etc.), and provides a conditional classification of names according to the structure and content of the lexical components of the ergonym. The material for the study was the names of dental clinics in the city of Orenburg, identified by a continuous sampling method. The names in which the use of language game techniques to attract potential consumers are noted ("Dentistry by Dr. Natalia Zubakina", «Medici»). Based on the analysis, the authors formulated conclusions about the specifics and main trends in the naming of dental institutions in the city of Orenburg. As a result of the research search, the most frequent lexical components in the names of dental clinics (dent, dent, stoma, master, etc.) were established, and the motivation for using common components was given. The authors come to the conclusion that the names of organizations use language game techniques that create a chain of associations in the minds of a potential consumer. The results obtained indicate that naming takes into account the psychological characteristics of perception. Components are deliberately introduced into the names of dental organizations to emphasize the high level of quality of medical services, the institution's customer focus, and a humane approach to the treatment process. The identified trends in the formation of names of organizations providing dental services coexist harmoniously in the ergonymic space of the city of Orenburg, emphasizing its uniqueness and originality.

Keywords: onomastic space, naming, ergonyms, medical organizations, medicine, language game

For citation: Mironova E. A., Zhuleva M. I. Features of the organization of onomastic space in Orenburg (using the example of the names of dental institutions). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):49–54 (In Russ.).

В условиях рыночной экономики между организациями, предоставляющими спектр одних и тех же услуг, наблюдается экономическая конкуренция, ведётся борьба за потенциального потребителя. Одним из способов привлечения его внимания является оригинальное название. Возможность самостоятельного выбора наименования, предоставленная коммерческим организациям, обусловила формирование уникального ономастического пространства на определённой территории, неотъемлемой частью которого являются эргонимы.

В языкознании под эргонимом принято понимать имя собственное, которое используется для обозначения делового объединения людей [5, с. 151]. Стоит отметить, что эргонимы следует рассматривать как полифункциональные единицы. Основными функциями таких единиц выступают номинативная (назывная, выделяющая организацию среди множества) и прагматическая (привлечение потенциальных потребителей услуг) [2, с. 169].

С целью выявления особенностей эргонимического пространства нами проведён анализ наименований организаций, оказывающих стоматологические услуги. На территории Оренбурга представлено множество частных компаний, которые специализируются на оказании такой помощи населению. Для выявления основных тенденций нейминга стоматологических учреждений г. Оренбурга методом сплошной выборки было отобрано 97 эргонимов.

Рассматривая номинативные единицы с точки зрения структуры, отметим следующие особенности эргонимов. В ходе исследования нами выявлено 63 однокомпонентных наименования, что составляет 64,9 % («Жемчужина», «Улыбка», «Кристалл», «Medici» и др.). Необходимо остановиться на такой характерной черте эргонимов, когда наименование воспринимается как единое целое и представляет собой слияние двух слов, которое достигается двумя способами. Во-первых, путём слитного написания двух слов («АвиценнаДент», «ArtEstetic»), которое прослеживается в 24 названиях (24,7 %). Во-вторых, посредством дефисного написания: 11 эргонимов («Максимед-Гранд», «Мила-дента», «Neo-dent»), что составило 11,3 %.

Также распространены двухкомпонентные эргонимы: в процессе исследования была выявлена 21 единица, что составило 21,6 % от общего количества наименований. Например, «Эскулап плюс», «Зубная фея», «Моя стоматология». Немногочисленной является третья группа, в которую были отнесены 12 сложных названий (12,4 %), состоящих из трёх и более лексических

компонентов («Один к одному», «Стоматология Надежды Чувашкиной», «Оренбургская областная клиническая стоматологическая поликлиника»). Как отмечает Е. В. Веденева, яркой особенностью наименований государственных медицинских учреждений является их простота, стремление наиболее полно и точно отразить специфику деятельности организации [1, с. 170]. Отказ от длинных названий в пользу одно- или двухкомпонентных связан с возможностью их лёгкого запоминания потенциальными пациентами. Этой особенностью человеческого восприятия, как показывают наши наблюдения, учитывает руководство частных организаций, делая выбор в пользу одно- или двухкомпонентных названий.

Если рассматривать тенденцию к латинизации эргонимов в целом, её влияние следует признать заметным. Так, графическое оформление 84 названий, что составляет 86,6 % от общего количества, представлено исключительно на кириллице («Елена», «Веду»). Полностью на латинице зафиксировано 12 эргонимов (12,4 %), например «Avantis», и лишь один (1 %) иллюстрирует графическую эклектику: «ЛунаDent». В то же время подчеркнём, что непривычными на первый взгляд воспринимаются названия с транслитерацией: «Квин-дент» (англ. queen – королева), «Дент Арт» (англ. art – искусство), «Кисс» (англ. kiss – поцелуй). В определённой степени значительное количество иноязычных наименований в современном ономастическом пространстве города может противоречить принципам лингвоэкологии и защиты национального языка.

Обратим внимание на трансформацию эргонима «Medici». Он обладает, на наш взгляд, двуплановостью передаваемого содержания, посредством которой реализуется явление языковой игры. С одной стороны, «Medici» может рассматриваться в качестве усечённой формы от «medicine» (медицина) и выступать показателем принадлежности организации к медицинской сфере, характере оказываемых услуг. В другой стороны, название «Medici» обладает культурологическим содержанием, вызывающим ассоциации с зажиточным семейством Медичи, представители которого являлись правителями Флоренции. В этом отношении допустимо говорить об одной из тенденций, присущих неймингу в целом, – попытке компании создать ощущение исключительности, превосходства, престижности клиентов, которые пользуются её услугами [1, с. 172].

Анализ лексических компонентов эргонимов позволил выделить наиболее частотные единицы, которые включаются в состав наименований: 26 названий (26,8 %) включают компонент «дент» кириллицей («Смайл Дент», «ТехноДент»), а также 8 номинативных единиц (8,2 %) с компонентом “dent” латиницей («ЛунаDent», “VIP Dent”). Это позволяет считать латинский идентификатор “dent” характерной особенностью наименований стоматологических учреждений, частотное использование которой отмечалось в исследованиях эргонимического пространства других городов, например, Екатеринбурга [4, с. 896]. В качестве употребительного также необходимо выделить самостоятельный компонент «стом», который отражен в пяти названиях: «ОренСтом», «Новостом», «Мастерстом» и др. Стремление подчеркнуть профессионализм, мастерство путём включения в состав компонента мастер («Мастерская улыбки», «Мастерстом», «Мастер-дент») зафиксировано в трёх эргонимах.

Немногочисленны эргонимы, в написании которых используются цифры, – всего три наименования, что составляет 3,1 %. «Стоматология 56» указывает на региональную принадлежность медицинской организации к Оренбургской области, «Стоматология 32» – адресует к 32 зубам, вызывает ассоциации благополучия и здоровой улыбки. «Дантист-2002» – включает временной компонент, вероятно, года получения стоматологом права на врачебную практику, окончания профессионального учреждения. Примечательным можно назвать эргоним «Один к одному», не содержащий цифр,

но указывающий на количественные показатели. В данном случае наблюдается обращение к приёмам языковой игры: устойчивое выражение «Один к одному» вызывает ассоциации нечто выверенного, упорядоченного и может рассматриваться как многообещающий результат оказания медицинской услуги – ровная улыбка, исправление неправильного прикуса. Тем же фактором мотивированы названия «Улыбка», «Мастерская улыбки», «Смайл Дент».

На рынке стоматологических услуг представлено 17 эргонимов (17,5 %) с антропонимическим компонентом: «СофиДент», «Елена» и другие. Подобные названия можно разделить на несколько групп: эргонимы, содержащие указание на руководителей организации («Стоматология доктора Натальи Зубакиной», «Стоматология доктора Костенко»). Включение антропонима, отсылающего к какому-либо лицу, может быть обосновано его известностью, общепризнанными заслугами в той сфере, к которой относится организация. В то же время необходимо отметить языковую игру слова «зуб» и антропонима «Зубакина» в составе названия организации, занимающейся лечением зубов. Во вторую группу нами определены эргонимы, включающие антропонимы общепризнанных мастеров врачебного дела («АвиценнаДент», «Эскулап плюс», «Клиника Парацельс»), использование которых заключается в стремлении подчеркнуть высокое качество оказания услуг, профессионализм сотрудников организации. Третья группа представлена женскими личными именами, не вызывающими определённых ассоциаций у потребителей («Елена», «Мила-дента», «Лица Плюс», «Тамара», «Валерия»). В четвёртую группу могут быть отнесены наименования с антропонимами вымышленных лиц («Доктор Зубов», «Зубная фея»).

Следует отметить, что медицинские учреждения активно используют названия букв греческого алфавита («Омега», «АльфаДент», «Дельтастом»), в одном эргониме можем наблюдать название славянской буквы – *веди*.

Эргонимы вызывают ассоциации с изысканностью, необычностью, аккуратностью работы, сравнением зуба с драгоценным камнем, требующим трепетного отношения («Жемчужина», «Сапфир», «Кристалл»), устойчивостью, прочностью зубов («Кварцит»), которую получит пациент. Следует отметить наименования, создающие некую пафосность, превосходство, стремление сделать акцент на престижности учреждения и его клиентов: «Евромедцентр», «VIP Dent». В качестве особенности эргонимов необходимо выделить использование компонентов со значением новизны, обновления, которое создаётся в названиях: «Новостом», «Neo-dent».

Исследовательский интерес представляют лексические компоненты эргонима, показывающие то, каким образом позиционирует себя медицинское учреждение. Эргоним «Мастерская улыбки» вызывает положительные ассоциации, а лексический компонент «мастерская» выражает концепцию работы учреждения, где процесс лечения – искусство, проявление эстетики и творчества. В составе эргонима «Евромедцентр» компонентом, выражающим позиционирование организации, будет *центр*, с помощью которого подчёркивается полифункциональность, возможность получения широкого спектра услуг, оказываемых медицинским учреждением [6, с. 42]. Использование компонента «стоматология» в составе названия («Стоматология 56», «Моя стоматология») не может рассматриваться в качестве проявления оригинальности, креативности, однако обладает преимуществом – указывает на узкую, но в то же время углублённую специализацию учреждения, тем самым ориентирует потенциального клиента. Также разновидность оказываемых организацией стоматологических услуг – проведение имплантации – отражена в эргонимах «Имплант дент», «Ортодонт-эстетик».

Вызывает интерес эргоним «Добрый стоматолог», принадлежащий учреждению, работающему под слогом «Лечение без страха и без боли». В данном случае наблюдается психологический приём, направленный на создание у потребителя ассоциаций с детством, в то время, когда процесс

лечения был болезненным и тяжёлым [6, с. 41]. Компонент «*добрый*» свидетельствует о стремлении организации подчеркнуть клиентоориентированность, учитывать пожелания потребителя, обеспечить комфортные условия в процессе лечения. Создать психологический эффект, вызвать чувство сопричастности призвано использование местоимения *мой* в составе эргонима: «*Моя стоматология*», «*Мой дантист*».

Направленность на обслуживание определённой группы населения в некоторых случаях может быть представлена в названиях. В ходе исследования удалось выяснить, что организации «*Kinder stom*», «*Бэбибум*» (семейная стоматология) специализируются на оказании медицинских услуг детям, о чем и попытались сообщить выбранным названием.

В некоторых эргонимах прослеживается указание на местонахождение организации – на область, город (*Оренбургская областная клиническая стоматологическая поликлиника*, «*ОренСтом*», «*Стоматология 56*», *Городская стоматология*) – или более конкретное – на улицу, где располагается учреждение («*Стоматология на Центральной*»). Необходимо признать, что в целом со стороны организаций не прослеживается потребность во включении в наименование лексического компонента с местонахождением. Содержат такой компонент всего пять эргонимов (5,2 %), причём их особенностью является абстрактный характер, не позволяющий установить точный адрес расположения организации, опираясь исключительно на название.

Подводя итог, отметим, что названия стоматологических учреждений Оренбурга образуют своеобразное ономастическое пространство. В нём наблюдается проявление как общих тенденций нейминга (латинизация, использование определённых латинских идентификаторов), так и уникальных особенностей, создающих неповторимую игру слов и цепочку ассоциаций («*Стоматология доктора Натальи Зубакиной*», «*Medici*»). В то же время возможности для проявления креативности в названии ограничены и связаны с психологическим фактором – серьёзным отношением человека к вопросам здоровья и жизненного благополучия [3, с. 79]. Однако если говорить в целом, стоматологические учреждения стремятся учитывать особенности человеческого восприятия, подбирая такие названия, в которых подчёркивается высокое качество обслуживания и отражаются специфика, концепция, положенная в основу работы организации.

Список источников

1. Веденева Е. В. Медицинские эргонимы Саратова и Саратовской области: особенности словообразования / Е. В. Веденева // Ономастика Поволжья. – Рязань, 2023. – С. 170–173.
2. Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения / И. Т. Вепрева // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 168–179.
3. Иссерс О. С. Нейминг в медиапространстве сибирского региона / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 77–91.
4. Каюмова М. У. Структурно-семантические характеристики названий стоматологических клиник / М. У. Каюмова, И. С. Архипова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. – Екатеринбург, 2020. – Т. 3. – С. 893–898.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва, 1988. – 187 с.
6. Романенко В. Д. Особенности нейминга стоматологических клиник России / В. Д. Романенко, Ю. В. Плоцкая // Язык науки и техники в современном мире. – Омск, 2023. – С. 40–42.

References

1. Vedeneeva E. V. Medical ergonyms of Saratov and the Saratov region: features of word formation. *Onomastika Povolzhya = Onomastics of the Volga region*. Ryazan; 2023:170–173.
2. Vepreva I. T. Modern ergonymicon: in search of new forms of expression. *Voprosy onomastiki = Questions of onomastics*. 2019;16(4):168–179.
3. Issers O. S. Naming in the media space of the Siberian region. *Kommunikativnyye issledovaniya = Communicative research*. 2016;4(10):77–91.
4. Kayumova M. U., Arkhipova I. S. Structural and semantic characteristics of the names of dental clinics. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy meditsinskoj nauki i zdravookhraneniya = Current issues of modern medical science and healthcare*. Yekaterinburg; 2020;3:893–898.
5. Podolskaya N. V. *Slovar russkoj onomasticheskoj terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow. 1988:187.
6. Romanenko V. D., Plotskaya Yu. V. Features of naming dental clinics in Russia. *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire = The language of science and technology in the modern world*. Omsk. 2023:40–42.

Информация об авторах

Е. А. Миронова – старший преподаватель;
М. И. Жулева – ассистент.

Information about the authors

E. A. Mironova – Senior Lecturer;
M. I. Zhuleva – Assistant.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author contributions: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 55–63.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):55–63.

Научная статья
УДК 81.316.776.3

**ЯЗЫКОВЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ЭФФЕКТИВНОЙ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Елена Вадимовна Петрушова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
Petrushova_el87@mail.ru, <http://orchid.org/0000-0003-0028-6056>

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации особенно важным становится изучение средств достижения эффективности коммуникации в различных сферах жизнедеятельности человека. Эффективность коммуникации – это сложное и многоплановое понятие, охватывающее множество явлений и аспектов. Однако коммуникация не всегда бывает успешной, так как на её пути встают барьеры, мешающие коммуникантам понимать друг друга. Данное исследование ставит целью изучение факторов, вызывающих языковые барьеры, их типы и влияние на эффективную межкультурную коммуникацию в условиях глобализации. Методология данного исследования является междисциплинарной, предполагающей интегративное использование лингвистического, функционально-прагматического и лингвокультурологического подходов. Основным методом исследования является описательный, в состав которого входит наблюдение, обобщение и классификация анализируемых данных. Материалом для анализа послужили аутентичные статьи, опубликованные на сайтах англоязычной прессы, а также лексикографические источники. Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды в области теории коммуникации. Комплексный подход к анализу материала позволил выделить основные типы языковых барьеров – лингвистические (фонетические, грамматические, орфографические, лексические, стилистические), лингвокультурологические и прагмалингвистические. Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что именно некорректный выбор языковых средств выступает решающим фактором создания коммуникативных барьеров на пути эффективной межкультурной коммуникации. Предлагаются возможные способы преодоления коммуникативных неудач. Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты можно применять в процессе обучения иностранному языку с целью формирования у обучаемых коммуникативной и межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, эффективность, языковые барьеры, тональность, прагматика, коммуникативные постулаты

Для цитирования: Петрушова Е. В. Языковые барьеры на пути эффективной коммуникации в условиях глобализации // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 55–63.

Original article

LANGUAGE BARRIERS TO EFFECTIVE CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Elena V. Petrushova

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Petrushova_el87@mail.ru,
<http://orchid.org/0000-0003-0028-6056>

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that in the era of globalization it becomes especially important to study the means of achieving communication effectiveness in various spheres of human life. Communication effectiveness is a complex and multidimensional concept that covers many phenomena and aspects. However, communication is not always successful, as there are barriers that prevent communicants

from understanding each other. Therefore, this study aims to explore the factors that cause language barriers, their types and their impact on effective intercultural communication in the context of globalization. The methodology of this study is interdisciplinary, involving the integrative use of linguistic, functional-pragmatic and linguocultural approaches. The main research method is descriptive, which includes observation, generalization and classification of the analyzed data. The material for analysis was authentic articles published on the websites of the English-language press, as well as lexicographic sources. Theoretical basis of the study was provided by the fundamental works in the field of communication theory. The integrated approach to the analysis of the material allowed us to identify the main types of language barriers – linguistic (phonetic, grammatical, orthographic, lexical, stylistic), linguocultural and pragmalinguistic. The revealed regularities indicate that it is the incorrect choice of language means that acts as a decisive factor in creating communicative barriers to effective cross-cultural communication. Possible ways of overcoming communicative failures are suggested. The practical significance of this study is that its results can be applied in the process of teaching a foreign language in order to form communicative and intercultural competence in students.

Keywords: cross-cultural communication, efficiency, language barriers, tonality, pragmatics, communicative postulates

For citation: Petrushova E. V. Language barriers to effective cross-cultural cross-cultural communication in the context of globalization. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):55–63 (In Russ.).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в эпоху глобализации особенно важным становится изучение средств достижения эффективности коммуникации в различных сферах жизнедеятельности человека, на различных уровнях социальной организации общества. Сегодня невозможно найти человека, никогда не испытывавшего коммуникативных трудностей и не ставившего перед собой цели их преодолеть. Коммуникативные барьеры могут вызвать недоразумения, которые приводят к конфликтам, разочарованию, обидам, задетым чувствам и пустой трате времени, усилий и денег. Эффективная коммуникация представляет собой общую проблему для отдельных лиц, групп, международных компаний, правительств, наций и всего мира. Поэтому изучение коммуникативных барьеров на пути эффективной межкультурной коммуникации и способов их преодоления представляется нам перспективным и актуальным.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- систематизировать имеющийся в различных источниках разрозненный материал;
- выделить и описать основные типы языковых барьеров – лингвистические, лингвокультурологические и прагмалингвистические;
- выявить степень влияния различных языковых барьеров на осуществление успешной коммуникации;
- дать рекомендации по преодолению или устранению выявленных языковых барьеров.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Методология данного исследования является междисциплинарной. Она предполагает интегративное использование лингвистического, функционально-прагматического и лингвокультурологического подходов и основывается на комплексном представлении результатов, полученных в результате отбора, классификации и лингвистического анализа материала.

Материалом для анализа послужили аутентичные статьи, опубликованные на сайтах англоязычной прессы: “The Economist”¹, “The Guardian”², “The Sun”³, а также лексикографические источники: А. В. Кунин (1984);

---

¹ URL: <https://www.economist.com/>.

² URL: <https://www.theguardian.com/international>.

³ URL: <https://www.thesun.co.uk/>.

Т. Г. Соломоник (2003); Г. Д. Томахин (2000); C. Pass, B. Lowes, A. Pendleton (1995); M. McCarthy, F. O'Dell (2002).

Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды в области теории коммуникации. Из большого числа моделей, теорий и концепций назовём наиболее важные: информационно-кодовая модель коммуникации и её интерпретации (Хартли, 1959; Якобсон, 1985; Enquist, 1986; Hymes, 1974; Shannon et al., 1949); бихевиористская модель (Блумфилд, 2002); теория оперантного условного подкрепления (Skinner, 1957); диспозиционный подход (Morris, 1946); структуралистская концепция речевого общения (Хомский, 1972); теория речевых актов (Серль, 1986; Austin, 1962); концепция коммуникативной ситуации (Wunderlich, 1974); инференционная модель коммуникации (Grice, 1975); теория речевой деятельности (Сорокин и др., 2009); интеракционная модель коммуникации (Гольдин, 1997; Дементьев, 2001; Сухих, 1998).

Исследованиям в области деловой и межкультурной коммуникации посвящено огромное количество работ (Гончарова, 2022; Гурьева, 2003; Панасюк, 1990; Почепцов, 2001; Рыжова, 1988; Садохин, 2005; Снелл, 1990; Тер-Минасова, 2000). Так, например, А. Г. Тюриков приводит статистику положительной динамики прироста отечественных и англоязычных научных публикаций по проблематике межкультурной коммуникации [12, с. 37]. Это обусловлено тем, что в эпоху глобализации будущее отдельных людей, групп, обществ и наций зависит главным образом от их способности эффективно общаться с другими людьми: «И всякая попытка осмыслить коммуникацию, понять, что ей мешает и что способствует, важна и оправдана, так как общение – это столп, стержень, основа существования человека» [10, с. 9].

Эффективность коммуникации – это сложное и многоплановое понятие, охватывающее множество явлений и аспектов. Именно этим обусловлено большое количество его определений. В теории коммуникации общепризнано, что эффективная коммуникация – это отправка правильного сообщения нужному получателю в нужное время по правильному каналу, чтобы изменить знания, отношение и поведение получателя. Понимание – ключевое понятие коммуникации, поскольку в общении между людьми – не всегда, но чаще всего – собеседники стремятся к взаимопониманию. О. И. Иссерс пишет, что «речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов» [7, с. 10].

Однако коммуникация не всегда бывает успешной, так как на её пути встают помехи или барьеры, то, что мешает коммуникантам понимать друг друга. В результате возможно «полное или частичное непонимание высказывания партнёром коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего ... и возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [6, с.149].

Коммуникативные барьеры, как правило, разделяют на технические, психологические, психофизиологические, социально-культурные и языковые (Басевич, 2004; Городецкий и др., 1985; Кисилева, 2012; Мустайоки, 2011; Саблина, 2004; Формановская, 2002; Falkner, 1997; Linell, 1995; Бубенчикова, 2021; Гончарук, 2014; Давыденко, 2007; Ещеркина и др., 2018; Теплякова, 1998; Lunenburg, 2010). Последние являются самым большим препятствием для построения отношений между деловыми партнёрами, поскольку «язык, будучи единством звуковой материи и мысли, участвует в коммуникации не как некоторое средство в ряду технических видов связи, а совершенно особо, соответственно присущим ему качествам» [8, с. 78]. Несмотря на огромное количество исследований в области коммуникативных технологий, остаётся много нерешённых вопросов, связанных с поисками путей достижения эффективной коммуникации. Поэтому наша работа ставит целью изучить факторы, вызывающие языковые барьеры, их типы и влияние

на эффективную коммуникацию. Вот наиболее распространённые языковые барьеры, которые вызывают недоразумения и неверное истолкование сообщения.

1. Лингвистические

1.1. Фонетические

1.1.1. Акцент, ударение, интонация. Неправильно поставленное ударение и неверная интонация могут в корне изменить сущность и смысл произнесённого предложения. Речь лиц, проживающих в различных регионах, может характеризоваться различным акцентом и, соответственно, интерпретацией значений, что может привести к недопониманию [3]. Например, экипаж “Boeing 737” польской компании “Lot Polish Airline” пытался связаться с британской диспетчерской вышкой на английском языке с сильным польским акцентом, но контрольно-диспетчерский пункт не понял их сообщения, что привело к трагическим результатам [13].

1.1.2. Отсутствие чёткой речи. Людей, которые говорят невнятно или тихим голосом, невозможно понять. Отправитель может что-то говорить, в то время как получатель может что-то не понять. Очень часто данная проблема возникает во время телефонных переговоров. Технические (акустические) помехи при передаче такого языкового сообщения усугубляют ситуацию и приводят к сбоям в общении. Приведём в качестве примера разговор по телефону деловых партнёров:

T. Parker: 703129. Parker speaking.

R. Benson: Is that you, Tom? It's Ron. Listen, you wanted Maria Edwardes' address, didn't you?

T. Parker: Yes, have you got it?

R. Benson: Mm, here it is. Miss Maria Edwardes – Edwardes spelt E-D-W-A-R-D-E-S, 18 Dones Street, Cavite City, Manila.

T. Parker: May I just repeat it? Maria Edwardes, Edwardes with E at the end. 80 Dones Street, Cavite...

R. Benson: No, it's 18, not 80...

T. Parker: OK, 18 Dones Street, Cavite City, Manila. [16, p. 90]

Как видим, в случае возникновения трудностей с пониманием смысла сообщения появляется необходимость обратной связи, то есть постоянного подтверждения услышанной информации путём переспроса, повторения отдельных фраз, цифр, произнесения слов по буквам и т. д.

1.2. Грамматические и орфографические ошибки также препятствуют успешной коммуникации. Известно, что резюме для устройства на работу в иностранную фирму, написанное с орфографическими ошибками, как правило, даже не рассматривается работодателем. Иногда при наборе слов допускаются орфографические ошибки, например *buy* (купить) вместо *bye* (пока). Такие слова понятны по их контексту или произношению, но могут изменить весь смысл предложения при чтении. И даже компьютерная проверка орфографии и грамматики не является помощником в данной ситуации, поскольку оба слова являются правильными словами.

1.3. Лексические

1.3.1. Использование сложных профессиональных терминов.

Сложные термины (профессионализмы) чрезвычайно трудны для понимания в процессе общения без соответствующей специальной подготовки или квалификации коммуникантов. Например, в повседневной речи словосочетание “*long tap*” означает буквально «длинный кран», а финансовый термин “*long tap*” означает «государственные ценные бумаги, которые продаются правительством постепенно, когда рыночная цена достигает определённого уровня, а не все сразу». С целью преодолеть данный языковой барьер создаются специальные справочники и толковые словари, представляющие собой комбинацию профессионального жаргона (терминологии) и простого английского [18].

1.3.2. Использование сленга, неформальной лексики и диалектизмов. Неформальные слова и фразы, используемые в общении, часто сложны для понимания вследствие их метафорического / метонимического употребления. Так, например, в английском насчитывается более 100 слов со значением «деньги»: *bread* (хлеб), *dough* (тесто), *cake* (торт), *grease* (жир), *cabbage* (капуста), вызывающих трудности для понимания.

Препятствия в общении могут создавать диалектные различия, независимо от того, что люди говорят на одном языке.

1.3.3. Использование фразеологии и идиом. Употребление в речи фразеологических словосочетаний нередко приводит к различного рода недоразумениям и недопониманию в общении. Так, метафора “*salami slicing*” буквально означает «нарезку салями». Например: “*Salami slicing is an ongoing phenomenon in the South China Sea. It has led to reclaimed reefs, airstrips on such reefs, positioning military equipment and creating logistics infrastructure*” («Нарезка салями – это постоянное явление в Южно-Китайском море. Это привело к рекультивации рифов, созданию взлётно-посадочных полос на таких рифах, размещению военной техники и созданию логистической инфраструктуры») [12, с. 21–29]. Однако без знания значения метафоры “*salami slicing*” как понятия порочной практики мелких действий для получения большого результата, нередко связанного с политикой «разделяй и властвуй», её трудно понять представителю иной культуры.

1.3.4. Употребление многозначных слов. Неправильное толкование значения слова может привести к неясному или искажённому сообщению и создать плохое впечатление. Например, !Большой англо-русский экономический словарь! даёт 13 значений слова “rate”: 1) размер, норма; 2) ставка; 3) курс, цена, оценка; 4) скорость; 5) пропорция, процент; 6) коэффициент, показатель, скорость; 7) налог; 8) интенсивность, мощность; 9) разряд, сорт, класс; 10) паёк, порция; 11) тариф; 12) плата за перевозку; 13) величина, уровень [2, с. 442]. Если же отправитель и получатель выбирают разные значения для одного и того же слова, это создаёт семантический барьер. Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда один и тот же графический комплекс (фонетическая форма) функционируют в различных высказываниях как различные части речи, обладающие собственными структурными особенностями и имеющие свою лексическую и синтаксическую сочетаемость. Например, лексическая единица “like” может быть: 1) прилагательным; 2) наречием; 3) союзом; 4) глаголом.

К числу сложных для понимания коммуникантов также можно отнести и многозначные аббревиатуры. Так, например, аббревиатура AAA расшифровывается как: 1) Американская автомобильная ассоциация; 2) Американская арбитражная ассоциация; 3) Американская ассоциация адвокатов; 4) Американская антропологическая ассоциация; 5) Ассоциация автономных астронавтов; 6) Азиатская легкоатлетическая ассоциация. Трудности такого рода устраняются только знанием контекста их употребления.

Следует также упомянуть большую группу лексических единиц, известных в лингвистике как «ложные друзья переводчика», вызывающих неправильные ассоциации с родным языком. Например: *accurate* – *точный*, а не аккуратный; *actual* – *действительный*, а не актуальный.

2. Лингвокультурологические

2.1. Использование оскорбительных и запретных слов. В каждой культуре есть запретные темы или табу для обсуждения. Это, как правило, политика, расизм, секс и т. д. Во многих культурах не принято задавать вопросы о семье, возрасте, доходах собеседника. Использование грубых слов или выражений также вызывает негативные эмоции и задевает чувства получателя, что приводит к нежеланию продолжать общение. Вот, например, отрывок из письма американца Ч. Морриса, который показался бы неприемлемым с точки зрения представителей другой культуры: “*George, I am glad I'd*

much rather have tucked an order in this envelope ... but dern it all, be prepared for a complaint. It isn't world-shaking, but when you and I work out a satisfactory solution for our customer, we'll still keep a friend, I know.» («Джордж, я был бы рад вложить заказ в этот конверт, но *чёрт подери*, готовься к жалобе. Это не смертельно, и я знаю, когда мы найдём оптимальное решение для нашего клиента, мы всё равно станемся друзьями») [5, с. 81].

Языковые барьеры часто возникают из-за отсутствия взаимопонимания между последователями различных религий. Так, у каждого из них своё представление о Боге.

2.2. Неоднозначная интерпретация смысла языкового выражения представителями разных культур. В лингвистике хорошо известны примеры, демонстрирующие различия в восприятии героев русских народных сказок представителями разных культур [4].

Ещё одним примером расхождения интерпретации языковых единиц могут служить различия зооморфных характеристик у разных народов. Очень часто одни и те же характеристики человека выражаются зоонимами с названиями разных животных: *“a bull in a china shop”* – «слон в посудной лавке»; *“a pig in a poke”* – «кот в мешке»; *“pigs might fly”* – «бывает, что коровы летают»; *“when pigs fly”* – «когда рак на горе свистнет». Субъективная характеристика образа одного и того же животного в разных культурах может быть как одинаковой, так и различной. В первом случае такие зоонимы абсолютно прозрачны и легки для понимания. Сравним, например: *“a dog's life”* – «собачья жизнь»; *“cat-and-dog life”* – «жить как кошка с собакой»; *“cat-and-mouse game”* – «игра в кошки-мышки». А во втором случае, наоборот, многие животные (щенок, собака, свинья, барсук, лиса, медведь, обезьяна) в разных культурах воспринимаются по-разному. Так, например, в русском языке «*обезьяна*» обозначает «человека, который передразнивает других», для француза же это – «хитрый обманщик», во вьетнамской культуре обезьяна – символ нелюбимости, а в Японии – символ бунтарского духа и чувства юмора.

2.3. Ошибки в восприятии юмора. Будучи объектом многочисленных исследований, юмор является неотъемлемой частью общения, одним из способов выражения своих чувств и отношений к определённым вещам. Его также можно использовать при установлении контактов в межкультурной коммуникации. Юмор присущ всем народам, и удачная шутка может растопить лёд в отношениях и создать благоприятную атмосферу для дальнейшего сотрудничества. Несомненно, коммуниканты должны при этом обладать межкультурной компетенцией, которая предполагает наличие знаний в области национальных традиций, истории и т. д., то есть национальной картины мира. Понимание юмора собеседника – ключ к успеху коммуникации. Однако то, что в одной культуре считается смешным, в другой может показаться слишком грубым и неуместным. Ошибки в восприятии юмора являются следствием несовпадения языковой картины мира у представителей разных культур и, как правило, приводят в лучшем случае к неловкой ситуации или непониманию, а в худшем случае – к разрыву отношений.

3. Прагмалингвистические

3.1. Несоответствие тональности речи коммуникантов и прагматики ситуации общения. Тональность коммуникации зависит от сферы общения. При этом оттенок тона общения может быть дружелюбным, враждебным, ироничным, официальным, снисходительным и т. д. «Подбирая языковые средства для выражения смысла, говорящий не только определяет лингвистическое содержание (пропозицию) своего высказывания, но и его тон (регистр)» [9, с. 78]. Неправильно выбранный тон общения ведёт к коммуникативной неудаче. При этом тональность может быть выражена как вербально, так и невербально. Стремление создать благоприятный тон общения лексически задаётся также использованием формул речевого этикета в светской беседе, в процессе ведения переговоров, в деловой переписке и т. д., а также интонационно.

3.2. Нарушение коммуникативных постулатов. Коммуникативные постулаты, широко известные в современной лингвистике как принципы кооперации (Grice, 1975) и вежливости (Leech, 1983), получившие развитие во многих исследованиях (Арутюнова, 1999; Болотина, 2018; Давыденко и др., 2015; Карасик, 2002; Ларина, 2003; Леонтьев, 2016; Малинина, 2009; Могилевич, 2016; Падучева, 2019; Пономарева, 2021; Шмелева и др., 2002), включают в себя разнородные правила речевого поведения и этические нормы. Все они сводятся, как правило, к стратегиям вежливости и уважения. Употребление соответствующих языковых структур для воплощения в реальность стратегии вежливости обусловлено в разных языках общепринятыми нормами социального поведения, а также своеобразием системы каждого конкретного языка, проявляющимся лексически, грамматически, интонационно. Так, например, в англоязычном обществе **на уровне лексики** вежливость проявляется в употреблении общепринятых норм речевого этикета (обращения, приветствия, заполнения пауз, прощания), ведения светской беседы, большого количества вежливых фраз и т. д. Например, в учебнике английского языка "New English File" [15, p. 38] приводится диалог между супругами – английской женой и русским мужем. Муж попросил жену налить ему чаю: "Pour me some tea", на что жена резко ответила: "Pour it yourself!" («Налей себе сам»), обидевшись на то, что он не употребил вежливых слов. В соответствии с нормами английского речевого этикета он должен был сказать: "Could you pour me some tea, please?"

На уровне грамматики приветствуется выбор косвенных речевых актов (косвенных, разделительных и риторических вопросов вместо прямых, пассивных конструкций вместо активных и т. д.). Например, вместо прямого вопроса "Where is the bank?", который считается грубым, невежливым, необходимо употребить косвенный вопрос "Could you tell me where the bank is?" Модальные глаголы: *would, could, might, shall*, речевые формулы "Would you mind?" также смягчают вопрос, просьбу или предположение. Поэтому при выборе определённой грамматической конструкции необходимо руководствоваться пониманием их грамматической семантики, то есть прагматического потенциала.

Большое значение для выражения категории вежливости в английском языке имеет **интонация**. Правильное интонационное оформление разнообразных типов вопросов, формул приветствия, представления оказывает влияние на результат межличностного взаимодействия. Даже такое нейтральное приветствие, как "Good Morning?", должно произноситься с восходящей интонацией. Произнесённое с нисходящей интонацией оно прозвучит невежливо, даже грубо, и будет сигнализировать об отсутствии у говорящего желания продолжать разговор.

3.3. Нарушение стилистики речевого жанра. Каждый жанр речи имеет свои законы и правила [1, с. 181]. Так, например, недопустимо употребление канцеляризма, уместных в официально-деловом стиле, в других стилях, и, наоборот, употребление излишне эмоционально-окрашенной разговорной лексики в официально-деловом стиле, чрезмерная экспрессивность или её полное отсутствие, а также смешение официальной и фамильярной лексики.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На пути успешной коммуникации часто встают различные коммуникативные барьеры. Они представляют собой общую проблему для установления взаимовыгодных отношений между партнёрами в бизнесе, а также для принятия управленческих решений практически во всех областях жизнедеятельности человека.

2. Решающим фактором создания коммуникативных барьеров является некорректный выбор разноуровневых языковых средств (фонетических, грамматических, лексических, лингвокультурологических и прагмалингвистических).

3. Для преодоления или полного устранения языковых барьеров в процессе межкультурной бизнес-коммуникации следует: 1) использовать простой, ясный, точный и корректный язык; 2) избегать сленга, идиом или культурно специфичных выражений; 3) использовать, наряду с вербальными, адекватные невербальные сообщения надлежащим образом; 4) не доверять сервисам автоматической проверки орфографии, проверять себя по словарю; 5) соблюдать коммуникативные постулаты; 6) создавать позитивный коммуникативный климат; 7) избегать нарушений жанровой уместности языковых выражений; 8) в случае необходимости нанимать компетентных переводчиков, знающих язык и культуру клиентов; 9) постоянно подтверждать понимание, избегая сарказма и иронии, объясняя людям сбивающие с толку сообщения.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
2. Большой англо-русский экономический словарь. – Москва : Центр-полиграф, 2007. – 620 с.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1037 с.
4. Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : Диалог – МГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 114–127.
5. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: культурологический аспект / З. И. Гурьева. – Краснодар, 2008. – 99 с.
6. Ермакова О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва : Наука, 1993. – С. 30–64.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – Москва : Эдиторал УРСС, 2008. – 288 с.
8. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.
9. Мустайоки А. Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории / А. Мустайоки // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 76–86.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 164 с.
11. Тюриков А. Г. Концептуальные подходы к моделированию эффективной межкультурной коммуникации в глобальном мире / А. Г. Тюриков // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 35–42.
12. Chatterji S. K. Wider connotations of Chinese 'salami slicing' (It's not just about territorial acquisitions or border incursions, but extends as far as sovereignty and cultural usurpation) / S. K. Chatterji // Asia Times. – 2020ю – № 6. – P. 21–29.
13. Drury C. G. Language Error Analysis. Report on Literature of Aviation Language Errors and Analysis of Error Databases / C. G. Drury, J. Ma. – New York : Bufallo University, 2002. – 36 p.
14. Naterop B. J. Telephoning in English / B. J. Naterop, R. Revell. – Cambridge University Press, 1992. – 135 p.
15. Oxenden C. New English File / C. Oxenden, C. Latham-Koenig. – Oxford University Press, 2006. – 160 p.
16. Payne E. ROGER THAT! Do you speak 'pilot'? URL: <https://www.thesun.co.uk/uncategorized/4693250/do-you-speak-pilot-the-300-word-language-that-all-top-air-crew-must-speak-whatever-their-nationality/>.
17. Werfelman L. Language barrier / L. Werfelman // AeroSafety world. – 2008. – № 3 (8). – P. 3–5.

References

1. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov = The Problem of Speech Genres*. Moscow: Russkie slovari; 1996;5:159–206.
2. Bolshoy anglo-russkiy ekonomicheskiy slovar = The Comprehensive English-Russian Economic Dictionary. Moscow : Tsentr-poligraf, 2007. 620 p.
3. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G., *Yazyk i kultura: yazyk i kultura: tri lingvostranovedcheskikh kontseptsii = Language and Culture: Three Linguistic-Cultural Concepts*. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow: Indrik; 2005: 1037 p.
4. Gudkov D. B. *Text Perception Algorithm and Intercultural Communication. Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya = Language, Consciousness, Communication*. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow: Dialog-MSU, 1997;1:114–127.
5. Guryeva Z. I. *Rechevaya kommunikatsiya v sphere biznesa: kulturologicheskiy aspekt = Speech communication in business: cultural aspect*. Krasnodar; 2008: 99 p.
6. Yermakova O. P., Zemskaya E. A. On the construction of a typology of communicative failures (based on natural Russian dialogue). *Russkiy yazyk i ego funktsionirovaniye: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt = Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect*. Moscow: Nauka; 1993:90–157.
7. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 5th ed. Moscow: Editorial URSS; 2008: 288 p.
8. Kolshanskiy G. V. *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka = Communicative function and structure of language*. Moscow: Nauka; 1984: 175 p.
9. Mustayoki A. Causes of communicative failures: an attempt at a general theory. *Russkiy jazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2011;4:76–86.
10. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo; 2000: 164 p.
11. Tyurikov A. G. Conceptual approaches to modeling effective intercultural communication in the global world. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. *Sovremennaya kommunikativistika = Scientific research and development. Modern communication studies*. 2021;10(2):35–42.
12. Chatterji S. K. Wider connotations of Chinese ‘salami slicing’ (It’s not just about territorial acquisitions or border incursions, but extends as far as sovereignty and cultural usurpation). *Asia Times*. 2020;6:21–29.
13. Drury C. G., Ma J. *Language Error Analysis. Report on Literature of Aviation Language Errors and Analysis of Error Databases*. New York: Buffalo University; 2002: 36 p.
14. Naterop B., Revell R. *Telephoning in English*. Cambridge University Press; 1992: 135 p.
15. Oxenden C., Latham-Koenig C. *New English File*. Oxford University Press; 2006: 160 p.
16. Payne E. *ROGER THAT! Do you speak ‘pilot’?* Available at: <https://www.thesun.co.uk/uncategorized/4693250/do-you-speak-pilot-the-300-word-language-that-all-top-air-crew-must-speak-whatever-their-nationality/>.
17. Werfelman L. Language barrier. *AeroSafety world*. 2008;3(8):3–5.

Информация об авторе

Е. В. Петрушова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Petrushova –Candidate of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 64–70.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):64–70.

Научная статья
УДК 81.42

ИНТЕГРАТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И НАУЧНОГО ДИСКУРСОВ

Нелли Юрьевна Фанян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, nellyfanyan@mail.ru

Аннотация. В современной дискурсологии активизируется интерес к исследованию религиозного дискурса как основы осмысления ценностной составляющей культуры в целом. Актуальность исследования обусловлена тенденцией дискурсивных исследований интегративного характера в пространстве различных видов дискурса. Новизна нашего подхода состоит в постановке вопроса о возможности интегративного исследования религиозного и научного дискурса в пространстве одного труда, образа христианской апологетики – книги святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело». В этой связи особое место в статье отводится лингвоаргументативному аспекту исследуемого материала. Его изучение позволило выявить уникальность дискурса святителя Луки, обусловленного его статусом (духовного отца и хирурга) и соответствующим интегративным религиозным и научно-практическим опытом. В тексте вычленяется дискурсообразующий концепт «сердце», объединяющий научный и религиозный дискурсы на понятийном (определение и характеристика понятия), образном (метафоризация) и ценностном (гармония между телом и духом, физическое и духовное здоровье) уровнях. Отец Лука исходит из научного знания о сердце, которое становится основанием для его толкования в религиозном дискурсе. Его аргументация строится на доводах из области анатомии и физиологии, а также религиозной сферы, которой отводится центральное место. Средство познания – также опыт повседневности. Сопоставление данных из разных областей знания и цитаций из Священного Писания способствует целостному определению функций ума и сердца. Строгая аргументация обеспечивается различными маркерами – ограничения, дополнения, сопоставления. Аргументы к авторитету дополняются собственным духовным опытом, в котором одинаково участвовали и мозг, и сердце. Религиозный дискурс характеризуется метафоричностью на образном уровне формирования концепта. Таким образом, лингвоаргументативный потенциал книги святителя Луки формируется спецификой интегративности религиозного и научного видов дискурса.

Ключевые слова: целостность, аргументация, религия, наука, концепт

Для цитирования: Фанян Н. Ю. Интегративное осмысление религиозного и научного дискурсов // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 64–70.

Original article

Integrative Understanding of Religious and Scientific Discourse

Nelly Yu. Fanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, nellyfanyan@mail.ru

Abstract. In modern discourse analysis, interest in the study of religious discourse as the basis for understanding the value component of culture as a whole is becoming more active. The relevance of the research is due to the trend of discursive research of an integrative nature in the space of various types of discourse. The novelty of approach consists in raising the question of the possibility of integrative research of religious and scientific discourse in the space of one work. This is the book of St. Luke of the Crimea (Voino-Yasenetsky) “Spirit, soul, body” as an example of Christian apologetics. In this regard, a special place in the work is given to the linguistic argumentative aspect of the analyzed material. The study of this work revealed the uniqueness of the integrative discourse of St. Luke, due to his status (spiritual father and surgeon) and the corresponding

---

© Фанян Н. Ю., 2024

integrative religious and scientific-practical experience. In the text, the discourse-forming concept "Heart" is isolated, combining scientific and religious discourses at the conceptual (definition and characterization of the concept), figurative (metaphorization) and value (harmony between body and spirit, physical and spiritual health) level. St. Luke proceeds from the scientific knowledge of the heart, which serves as the basis for its interpretation in religious discourse. His argument is based on arguments from the field of anatomy and physiology, as well as the religious sphere, which is given a central place. The means of cognition is also the experience of everyday life. The comparison of data from different fields of knowledge and quotations from the Holy Scriptures contribute to the holistic definition of the functions of the mind and heart. Strict argumentation is provided by various markers – restrictions, additions, comparisons. Arguments to authority are complemented by their own spiritual experience, in which both the brain and the heart participated equally. Religious discourse is characterized by metaphoricity at the figurative level of concept formation. Thus, the linguistic argumentative potential of St. Luke's book is formed by the specifics of the integrativity of religious and scientific types of discourse.

Keywords: integrativity, argumentation, religion, science, concept

For citation: Fanyan N. Yu. Integrative Understanding of Religious and Scientific Discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):64–70 (In Russ.).

Современная гуманитаристика манифестирует тенденцию активизации интереса к дискурсивным исследованиям. Особое место в этом пространстве занимает теолингвистика [3; 5; 10]. Благодатной почвой теолингвистики представляется гуманистическая школа русской философии с богатой традицией. Ядром интегративного – философско-богословского и филологического (лингвистического) – исследования выступает духовное начало, способствующее сохранению, развитию нравственных ценностей, основы основ человеческого существования – личностного и коллективного. В период бурного технологического развития актуальность данного вопроса, бесспорно, возрастает.

Основной источник духовного обогащения – духовное наследие, развивающее культуру общества и внутреннюю культуру человека. В поисках путей для успешной коммуникации гуманитарии обращаются к религиозному наследию, проецируя религиозный опыт на современную действительность. *Духовная культура* представляется одним из важных аспектов *базовой культуры личности* [1; 7].

Мы предприняли попытку интегративного исследования религиозного и научного дискурсов в пространстве одной книги. Такая возможность обусловлена тем фактом, что виды дискурса находятся на пересечении, поскольку являются выражением дискурсивных практик в различных сферах человеческой деятельности. Жизнедеятельность людей есть процесс неделимый, целостный, соответственно, различные практики в совокупности формируют эту жизнедеятельность. Разделение на виды дискурса – исследовательский приём – условие, позволяющее получить чёткие, насколько это возможно, очертания с целью определения их характеристик и приблизительного их описания. В данном случае мы не будем останавливаться на общей теории дискурсивной дифференциации и интеграции. Она имеет солидную историю и традицию изучения. Отметим лишь, что существующие классификации видов дискурса требуют уточнения [6].

Формирование картины мира (научной и обыденной), мировосприятия / понимания / ощущения происходит в непрерывном процессе накопления знаний и опыта, обогащения когнитивного и чувственного опыта, развития наших ощущений и инстинкта. Данный процесс синергичен. Основа объяснения, обоснования, интерпретации любого исследования – неделимый процесс анализа и синтеза. Аналитический подход условен, так же и условно разделение на сферы по способу аргументации – Науку, Религию и Искусство, в знаменателе которых – соответствующие им понятия эпистемического контекста («знание», «вера», «мнение»). Современное религиозоведение складывается как наука, превращающая «веру» в «знание» [2]. Таким образом,

расширяется пространство эпистемического контекста, которое формирует архитектуру взаимодействия научного и религиозного дискурса. Отныне нет ни радикального противостояния научной и религиозной сферы деятельности, ни кардинального противопоставления данных видов дискурса, несмотря на то, что научная и религиозная сферы различаются по методологии исследования. Точкой пересечения данных видов дискурса, как и всех остальных его видов и подвидов, является аргументативная составляющая. Аргументативность как виртуальная обоснованность (как константа в широком, онтологическом смысле) – критерий, обеспечивающий аргументативный процесс (как процесс приведения реальных и вымышленных доводов, понимаемый в узком, классическом смысле) в любом виде дискурса.

Цель нашего исследования – выявление специфики аргументации в книге святителя Луки Крымского «Дух, душа, тело», в которой обсуждается тема связи души и тела, мозга и духа и др. Новизна нашего подхода детерминруется спецификой самого материала исследования. Анализируемый труд – образцовый текст христианской апологетики. В связи с этим он становится объектом исследования в различных аспектах – философском, филологическом [см.: 4]. Особенность миропонимания святителя Луки Крымского обусловлена незаурядной миссией, которую он выполнял в миру и в Церкви: святитель Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – святой праведник и выдающийся практикующий хирург, спасший многих людей от неминуемой смерти [11].

Анализ труда позволил выявить уникальность дискурса святителя Луки, обусловленного его необычным статусом (духовного отца и учёного) и соответствующим интегративным религиозным и научно-практическим опытом. Рассуждения святителя Луки строятся на строгой аргументации, подкреплённой симбиозом трансцендентных и научных доводов: с одной стороны, это ссылки на авторитетных учёных, философов – Б. Паскаля, А. Бергсона, И. П. Павлова, А. Эйнштейна и др.; с другой стороны, цитирование Священного Писания.

Центральное понятие в книге – «сердце» – имеет дискурсообразующее значение. Продолжая аристотелевскую традицию о пяти чувствах, свойственных человеку¹, Лука Крымский рассматривает в качестве ядерного органа сердце, называя его «средоточием эмоций и органом познания» [12, с. 12] в дополнение к пяти чувствам. Чувственное познание, таким образом, занимает приоритетную позицию.

Аргументация Отца Луки строится на доводах-фактах из области медицины, в частности анатомии (1), а также религиозной сферы (2), которой отводится центральное место. Таким образом, в своей аргументации отец Лука исходит из научного знания о сердце (1), которое становится основанием для его толкования в религиозном дискурсе. Перечисляемые далее аргументы вводятся маркерами ограничения, дополнения, вывода (2): 1) «... наши анатомо-физиологические знания о сердце <...> побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения» [12, с. 15]; 2) «*Но Священное Писание говорит нам о сердце гораздо больше. <...> сердце <...> есть орган общения человека с Богом, а следовательно, оно есть орган высшего познания*» [12, с. 15].

Отец Лука утверждает необходимость гармонии между духовной и физической ипостасями человека. Средство познания – опыт повседневности (к примеру, «народное чутьё» как средство познания) [12, с. 13].

---

¹ Традиционная концепция о пяти чувствах, восходящая к Аристотелю, в современной науке получает, как известно, новые интерпретации. В современной нейрофизиологии речь идёт о десяти чувствах. В данной статье мы не останавливаемся на этом вопросе.

Святитель Лука, говоря о способности сердца ощущать Бога, ссылается на высказывания апостолов, святых пророков [12, с. 16]. Аргументы к авторитету дополняются собственным духовным опытом Святителя Луки, в котором одинаково участвовали и мозг, и сердце. Так, при внимании слов Священного Писания он «вдруг получал потрясающее ощущение, что это слова Божию», адресованные к нему, они звучали «как гром, точно молния пронизывала мой мозг и сердце» [12, с. 17].

Сопоставление психологической науки и Священного Писания способствует определению функций ума и сердца. Именно сердце «мыслит», «размышляет», «познаёт», «рассуждает» аналогично положению в психологии «об уме как органе мышления и познания»: «Сердце легкомысленных будет уметь рассуждать» (Ис.32:4) и др. [12, с. 24]. В целом прецедентные высказывания выражены в различных речевых действиях (речевых жанрах), развивающих аргументативный процесс: обращение-совет, риторический вопрос, утверждение, отрицание, прогноз. Частотность ЛЕ с семой «мысль» свидетельствует о понимании устойчивой связи сердца и мыслительных процессов как важного аргумента в религиозном дискурсе. Данный мотив позиционирует методологическую связь религиозного и научного дискурса.

В сердце также реализуются «высшие функции духа человеческого – вера в Бога и любовь к Нему» [12, с. 21]. Отец Лука говорит и о других функциях сердца. Сердце есть также орган желания, источник воли, добрых (1) и злых (2) намерений: 1) «Излилось из сердца моего слово благое» (Пс.44:2); 2) «Сердце же нечестивых жестоко» (Притч.12:10). Желания и стремления сердца определяют поведение человека, а также его выбор жизненного пути, ими же обусловлено и направление пути мышления [12, с. 22–23].

Далее отец Лука разворачивает рассуждение, акцентирующее трансцендентную сущность мозга¹: «Писание <...> не отрицает роли мозга в мышлении <...>, но только мышление не ограничивается деятельностью коры головного мозга и в ней не заканчивается» [12, с. 25]. Не на все вопросы есть ответы у святителя Луки, однако имеющегося знания достаточно, чтобы найти общее основание для связи ума (мысли) и сердца (чувств): «мысль <...>, в отличие от ощущений, <...>, не нуждается в анатомических путях проведения. Не нуждаются в этих путях и чувства, возникающие в сердце (2)»; и далее, Святитель Лука рассуждает о взаимобратной связи от сердца к мозгу [12, с. 26].

Характерная особенность рассуждения отца Луки – четкая аргументация. Она выражается посредством вводящих условных предложений («если...»), аргументов («о том, что») в качестве основания для заключения («то, значит...; следовательно...»). Развернутая аргументация с дополнительными доводами, включая сравнение, усиливает доказательный потенциал рассуждения («не только..., и не только..., но... так же, как...») [12, с. 26].

Центральное понятие дискурса отца Луки «сердце» формируется как концепт и выражается в трёх составляющих: понятийной, образной и ценностной [6], характеризуя риторику религиозного дискурса. В данном случае необходима интегрированная интерпретация лексических единиц с семой «сердце», сочетаний слов, выражающих различные части речи и др. (понятийная составляющая), которые реализуются метафорически (образная составляющая), направлены на актуализацию ценностной составляющей.

Понятийная составляющая концепта «сердце» в книге иллюстрирует амбивалентный характер концептообразования фрагментами из Священного

¹ Такой подход сравним с философскими концепциями второй половины XX столетия: «возможно, <...> сознание размещено вне индивида и представляет собой какое-то пространственно-подобное или полевое образование...» [8, с. 13]; «персонально капсулированное видение сознания оказывается ущербным и философски несостоятельным» [9, с. 42].

Писания. Средствами выражения служат различные лексические единицы с мелиоративным и пейоративным значением, частотное употребление слова «сердце» в сочетании с прилагательными, а также прилагательного «сердечный» в сочетании с существительными: «*сердце единое*», «*сердце каменное*», «*сердце платяное*» (Иез.11:19) [12, с. 20]; «*помышления и намерения сердечные*» (Евр.4:12) [12, с. 23] и мн. др.

Понятийная и образная составляющие концепта интегрированы, поскольку сочетания лексических единиц «сердце» и «сердечный» с другими частями речи создают метафорические образы (персонификация и сравнение), интерпретирующие связь сердца и разума. Персонификация сердца связана с действиями разума – размышлениями, помышлениями, предположениями, а также действиями, состояниями, желаниями, рассуждениями, что может стать основанием к знанию сердца. Святитель Лука подчёркивает всеобъемлющую «роль сердца в области чувства»: оно «веселится», «скорбит», «страдает», «болит», «тоскует», «радуется», «чувствует»; «негодует на Господа», но «может быть вместилищем кротости и смирения...» [12, с. 13, 15–16]. В книге развивается тема пространства как концептуальной метафоры для сердца, как вместилища: «*сердце глупого подобно разбитому сосуду*», поскольку не способно удержать никакого знания (Сир.21:17–20) [12, с. 23].

«Сердце» – пространство, в котором происходят различные действия – богоугодные и греховные, основанные на благостных и вредоносных мотивах. Речь идёт уже о *ценностной составляющей* концепта, которая раскрывается в единстве понятия «сердце» с понятиями «Бог», «вера», «любовь», «душа» [12, с. 21].

Подведём итог. Лингвоаргументативный потенциал книги святителя Луки обусловлен интегративным характером его дискурса, включающего религиозный и научный виды. Будучи представителем двух сфер деятельности, религиозной и научной, Отец Лука в своей аргументации широко использует научные сведения из области медицины, психологии, а также цитацию из Библии для обоснования собственного подхода, в котором сердце как орган рассуждения обретает статус дискурсообразующего концепта, выраженного на трёх уровнях – понятийном, образном, ценностном. Внешняя парадоксальность подобного подхода сочетается с внутренней гармоничностью результата. Книга вызывает интерес и жанровым решением – это живой диалог с современным читателем, который черпает из него бесценный духовный заряд. Стиль изложения, объединяющий два вида дискурса, рациональный и эмоциональный способы рассуждения, способствуют постановке и решению сложного вопроса об Абсолютной Истине доступными средствами – доходчивым слогом, обоснованными доводами, направленными к уму и сердцу каждого адресата.

Использование соответствующих аргументов (научные факты, сведения из различных источников, аргументы к авторитету) из научной и религиозной сферы; чёткая аргументация, выраженная в применении структурирующих единиц (маркеров ограничения, уточнения, дополнения, сопоставления), вводящих соответствующие аргументативные тактики; многочисленный разряд слов с семой «мысль» в высказываниях в части религиозной сферы, а также высказывания, выраженные в различных речевых действиях (речевых жанрах), развивающих аргументативный процесс (обращение-совет, риторический вопрос, утверждение, отрицание, прогноз и др.), создают убедительный уникальный интегративный дискурс святителя Луки.

Список источников

1. Бердичевский А. Э. От диалога культур к «третьей» культуре личности (диалог методиста и культуролога) / А. Э. Бердичевский, Э. Колларова // Лингводидактический поиск на рубеже веков. Юбилейный сборник. – Москва : Государственный ин-т русского языка имени А. С. Пушкина, 2000. – С. 47–53.
2. Бондарев Г. Ожидающая культура: эзотерические очерки русской истории и культуры / Г. Бондарев. – Москва : Эксмо: Философско-антропософское изд-во, 1996. – 526 с.
3. Буевич А. А. Взаимоотношение языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры / А. А. Буевич // Метафизика. – 2016. – № 4 (22). – С. 111–122.
4. Бычков Д. М. Концепция «дух – душа – тело» в одноименном труде В. Ф. Войно-Ясенецкого (свт. Луки) как методологическая основа анализа поэтики телесности художественного произведения / Д. М. Бычков, К. Н. Гущина // Гуманитарные исследования. – 2023. – № 3. – С. 113–121.
5. Воробьева С. Н. Религиозный дискурс: экстралингвистические и лингвистические особенности / С. Н. Воробьева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 506–509.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
8. Мамардашвили М. Парадоксы сознания / М. Мамардашвили // Тайны сознания и бессознательного. – Минск : Харвест, 1998. – С. 12–30.
9. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – Москва : Прометей, 1989. – 288 с.
10. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления / В. И. Постовалова // Magister Dixit. – 2012. – № 4. – С. 54–101.
11. Рассказы о святителе Луке (Войно-Ясенецком). Удивительная жизнь, ставшая житием. Житийное повествование для семейного чтения / авт.-сост. Н. В. Скоробогатько. – Москва : Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2014. – 160 с.
12. Святитель Лука Войно-Ясенецкий. Дух, душа, тело. – Москва : Образ, 2011. – 128 с.

References

1. Berdichevskiy A., Kollarova E. From the dialogue of cultures to the “third” culture of the individual (dialogue between a methodologist and a culturologist). *Lingvodidakticheskiy poisk na rubezhe vekov. Yubileynyy sbornik = Linguodidactic search at the turn of the century. Anniversary collection*. Moscow: State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin; 2000:47–53.
2. Bondarev G. *Ozhidayushchaya kultura: ezotericheskie ocherki russkoy istorii i kultury = Waiting culture: esoteric essays on Russian history and culture*. Moscow: Eksmo: Philosophical and Anthroposophical Publishing House; 1996: 526 p.
3. Buevich A. A. The relationship between language and religion through the prism of the spiritual and religious code of Russian linguistic culture. *Metafizika = Metaphysics*. 2016;4(22):111–122.
4. Bychkov D. M., Gushchina K. N. The concept of “spirit – soul – body” in the work of the same name by V. F. Voino-Yasenetsky (St. Luke) as a methodological basis for the analysis of the poetics of the corporeality of a work of art. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian studies*. 2023;3(87):113–121.
5. Vorobeva S. N. Religious discourse: extralinguistic and linguistic features. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2020;2(81):506–509.
6. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena; 2002: 477 p.
7. Krasnykh V. V. Codes and standards of culture (invitation to conversation). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Language, consciousness, communication*. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow: MAKS Press; 2001;19:5–19.

8. Mamardashvili M. Paradoxes of Consciousness. *Tayny soznaniya i bessoznatelnogo = Secrets of Consciousness and the Unconscious*. Minsk: Kharvest; 1998:12–30.

9. Nalimov V. V. *Spontannost soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti = Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality*. Moscow: Prometej; 1989: 288 p.

10. Postovalova V. I. Theolinguistics in modern humanitarian knowledge: sources, main ideas and directions. *Magister Dixit*. 2012;4:54–101.

11. Skorobogatko N. V. *Rasskazy o svyatitele Luke (Voyno-Yasenetskom). Udivitelnaya zhizn, stavshaya zhitiem. Zhitiynoe povestvovanie dlya semeynogo chteniya = Stories about Saint Luke (Voyno-Yasenetsky). An amazing life that became a hagiography. A hagiographic narrative for family reading*. Moscow: Moscow Compound of the Holy-Trinity Lavra of St. Sergius; 2014: 160 p.

12. Svyatitel Luka Voyno-Yasenetskiy. *Dukh, dusha, telo = Spirit, soul, body*. Moscow: Obraz; 2011: 128 p.

Информация об авторе

Н. Ю. Фанян – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

N. Yu. Fanyan – Doctor of Philology, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 71–79.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):71–79.

Научная статья
УДК 82.09

**ИГРОВАЯ ПОЭТИКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ
(ОТ ГОТИКИ ДО МОДЕРНА)**

Алексей Алексеевич Абызов^{1✉}, Татьяна Геннадьевна Барышева²

¹Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия

²Ивановский государственный медицинский университет, Иваново, Россия

¹axxel68@mail.ru[✉]

²tanja-bur@mail.ru

Аннотация. Игровая поэтика рассматривается с точки зрения трёх универсалий (сюжет, поведение персонажа и мотив) на материале европейской литературы переходных культурных эпох рубежа XVIII–XIX и конца XIX – начала XX века. Именно в такие периоды поэтологические универсалии рельефно высвечиваются в художественном мировоззрении писателей, отступления от нормы становятся нормой, наиболее ярко воплощая в себе новый творческий опыт. Проступая как никогда чётко в указанные переломные для общественного сознания периоды, игровой модус позволяет проследить многогранность его проявления прежде всего в литературном творчестве, в нашем случае – это готический роман, представленный первым программным образчиком «Замок Отранто» Г. Уолпола и импрессионистскими новеллами А. Шницлера. Предромантизм с его агностической философской основой давал широкие возможности для реализации игрового начала: мистификация всего и вся, замена привычного, разумного на абсурдное, непознаваемое восприятие действительности. Новаторскими в творчестве художников-готиков стала игра с формой произведения, изображение ирреально-условного романного готического замка, а игровое поведение героев обуславливалось экзистенциальной диадой «быть – не быть». Однако игра ограничивалась чисто внешними по отношению к герою и его окружению проявлениями. В новеллистике А. Шницлера поэтика игры и её основополагающая триада – сюжет, поведение персонажа и мотив – воплотились в тесной взаимосвязи с особым психологизмом произведений, иными словами, нашли воплощение через внутреннее Я героя. Писатель намеренно отступает от норм и канонов, используя различные модификации жанрового многообразия: фантазии, врачебные записи, притчи, научный трактат. Неординарность поведенческого игрового аспекта персонажа определяется мотивами, всегда проистекающими извне, но значение имеют только внутренние переживания и особенности психологического склада протагониста. Универсальная игровая триада (ситуация, поведение героя, мотив) у писателя обогатилась целым рядом игровых мотивов: любовная связь, ревность, дуэль, сновидения, ярко окрашенными личностной рефлексией главного героя.

Ключевые слова: игровое начало, ситуация, поведение персонажа, мотив, предромантизм, готический роман, ирреально-условный характер, социально-антропологическая обусловленность, импрессионизм, психологизм, внутренний мир

Для цитирования: Абызов А. А., Барышева Т. Г. Игровая поэтика в европейской литературе переходных эпох (от готики до модерна) // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 71–79.

Original article

**GAME POETICS IN EUROPEAN LITERATURE OF TRANSITIONAL EPOCHS
(GOTHIC VS. MODERN)**

Alexey A. Abyzov^{1✉}, Tatyana G. Barysheva²

¹Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia

²Ivanovo State Medical University, Ivanovo, Russia

¹axxel68@mail.ru✉

²tanja-bur@mail.ru

Abstract. Game poetics is considered from the point of view of three universals (plot, character behavior and motif) based on the material of European literature of transitional cultural epochs at the turn of the 18th-19th and 19th – early 20th centuries. It is during such periods that poetological universals are most clearly highlighted in the writer's artistic worldview, when norm deviations transform into the norm, most vividly embodying new creative experience. Appearing most clearly in the indicated critical periods for social consciousness, the gaming mode allows us to trace the versatility of its manifestation, primarily in literary creativity; in our case, it is a Gothic novel, represented by the first sample of the genre "The Castle of Otranto" by H. Walpole and the impressionistic short stories of A. Schnitzler. Pre-romanticism, with its agnostic philosophical basis, provided ample opportunities for the implementation of the game principle: the mystification of everything and everyone, the replacement of the usual, reasonable with an absurd, agnostic perception of reality. Innovative in the work of Gothic artists was the play with the literary form, the depiction of a surreal-conventional Gothic castle, and the playful behavior of the characters was determined by the existential dyad "to be - not to be." At the same time, the game was limited to purely external manifestations in relation to the hero and his environment. In A. Schnitzler's short stories, the poetics of the game and its fundamental triad: plot, character behavior and motif, were embodied in close connection with the special psychologism of the works, in other words, they found their embodiment through the inner "Ego" of the hero. The writer deliberately deviates from norms and canons, using various modifications of genre diversity: fantasies, medical notes, parables, scientific treatises, playing with the form of the work. The originality of the character's behavioral gaming aspect is determined by motifs that always stem from the outside. Only the internal experiences and characteristics of the psychological make-up of the protagonist matter. The writer's universal gaming triad (situation, hero's behavior, motif) was enriched with a number of gaming motifs: love affair, jealousy, duel, dreams, brightly colored by the personal reflection of the protagonist.

Keywords: game principle, situation, character behavior, motif, pre-romanticism, Gothic novel, surreal-conditional character, socio-anthropological conditioning, impressionism, psychologism, inner world

For citation: Abyzov A. A., Barysheva T. G. Game poetics in European literature of transitional epochs (gothic vs. modern). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):71–79 (In Russ.).

Игра, наряду с другими формами человеческой деятельности, имманентна самой сути бытия индивида. Данная категория становилась предметом осмысления и философов, и культурологов, но прежде всего художников слова (Платон, Аристотель, Рабле, М. де Монтень, Л. Витгенштейн, И. Кант, Е. Финк, Ф. Шиллер, И. Хейзинга, К. Кайуа и др.). Феномен игры проявляется в первую очередь в её свободном, не сдерживаемом никакими рамками характере. Неслучайно игровое начало стало неотъемлемой составляющей художественного (литературного в нашем случае) творчества. По справедливому замечанию литературоведа Т. А. Светашевой, «...литературная игра осуществляется посредством приведения в действия продуктивного авторского воображения, свободной фантазии» [9, с. 52]. Более того, «игровое начало... является универсальным понятием для описания литературного произведения в его существенных аспектах» [2, с. 3]. Анализируя массив литературоведческих концепций указанного феномена, критик А. А. Ефимов указывает

на «фрагментарность научного понимания игрового начала» и предлагает универсальный подход к изучению игровой проблематики. «Весьма продуктивным, пишет автор, для литературоведения становится рассмотрение игрового начала в непосредственной эстетической отнесённости к содержанию художественного произведения, т. е. к его тематике. В этом смысле оно может быть описано с помощью универсальных понятий: ситуации, поведения персонажа и мотивов» [3, с. 91]. Использование указанных универсальных понятий теоретически обосновывается А. А. Ефимовым классическим («традиционным») и неклассическим («экзистенциальным») подходами, принятыми в литературоведении. Так, понятие ситуации связывается учёным с сюжетом и конфликтом произведения. Различия традиционного и экзистенциального взглядов видятся автору в характере мотивировки ситуации: в литературоведении – это конкретно-историческая реальность, а в философском плане – человек попадает в «пограничную ситуацию», ставящую перед ним метафизические вопросы его индивидуального существования в истории [2, с. 6–7]. Поведение героя рассматривается в его непосредственной отнесённости к конкретным повествовательным обстоятельствам: «Персонаж произведения своей деятельностью создаёт сюжетную динамику, а его поведение становится основным способом развития и разрешения сюжетной ситуации» [2, с. 7].

С классической точки зрения, «под термином “поведение персонажа” понимается воплощение его внутренней жизни в совокупности внешних черт: в жестах, мимике, манере говорить, интонации, положении тела (позах), а также в одежде, причёске» [8, с. 261]. В экзистенциальном понимании поведение персонажа связано с самоопределением человека. Самоопределение литературного персонажа в экзистенциальной ситуации происходит в «резких формах личностного самоутверждения» [5, с. 49–72]. Понятие «мотив», как утверждает А. А. Ефимов, наиболее полно описывает как ситуацию, так и поведение персонажа. При этом мотив является «простейшей повествовательной единицей, выражающей отдельные повествовательные положения, отношения героев друг к другу, простейшие обстоятельства, изменяющие положение или ход действия» [11, с. 71]. Таким образом, мотив понимается единственно в плане сюжетно-тематического развития и осмысливается А. А. Ефимовым в качестве минимальной единицы сюжета, обнаруживающей существенные стороны игровых ситуаций и поведения персонажей, их жанрово-тематическую и социально-антропологическую обусловленность. Если жанрово-тематическая обусловленность свидетельствует о литературности и свойственна классицизму, сентиментализму и романтизму, то социально-антропологическая обусловленность игрового начала, напротив, свидетельствует о реалистическом источнике игровой проблематики в литературе [2, с. 8–9], то есть характер игрового начала в литературном произведении напрямую связан с критериями его рассмотрения.

Именно в переходные культурные эпохи (литературные в том числе), на наш взгляд, игровое начало проявляется наиболее зримо, высвечивая инверсионные процессы, где отступления от нормы становятся нормой, смещаясь от периферии восприятия к центру и выступая при этом квинтэссенцией нового творческого опыта. Любые бурные преобразования общественного сознания находили яркое отражение и в художественном творчестве, в том числе в литературном. В этой связи хочется особо отметить рубеж XVIII–XIX веков (эпоха крушения веры в рационалистическое мироустройство со смещением акцента на всё таинственное и непостижимое разумом), ознаменовавший торжество предромантических тенденций, и конец XIX – начало XX века. С одной стороны, конец XIX – начало XX века – это период провозглашения курса на эстетизм и элитарность, свободу творчества, время символизма, импрессионизма, «искусства для искусства», с другой стороны, в это время, собственно, и формируется массовая культура, а литература

служит одним из способов объяснения мира. При этом писатели старательно ищут иные формы выражения своих мыслей, чувств, настроений, чтобы не только описать, но и истолковать быстро меняющуюся реальность.

Несомненно, предромантизм с его агностической философской основой давал широкие возможности для реализации игрового начала в своих произведениях представителям этого литературного направления, как то мистификация всего и вся в противовес прежней рациональности просветителей, замена привычного, разумного на абсурдное, непознаваемое восприятие действительности. Новаторской в творчестве художников-готиков стала игра с самой формой произведения, явившая ряд специфических жанровых модификаций, таких, как «готический» роман, «готическая» повесть, «драма судьбы», «страшная баллада», «кладбищенская элегия» и др. Игровое поведение писателей продолжилось подачей читающей публике их произведений в качестве анонимных переводов неких ветхих, зачастую фрагментарно сохранившихся первоисточников. Интересно, что данная поведенческая модель характеризовала «пионеров» нового литературного направления (Т. Чаттертона, Дж. Макферсона, Г. Уолпола). Этим, на наш взгляд, преследовался ряд целей: с одной стороны, боязнь обвинения в непристойности, а также любопытство авторов относительно реакции публики от прочтения этих необычных произведений, порождённых синтезом жанров (например, просветительского и рыцарского романов, на что указывал ещё Г. Уолпол в предисловии к знаменитому «Замку Отранто», 1765), а с другой – стремление поиграть с воображением читателя, воздействовать на внутренние чувственные обертонны его души.

Игровая установка автора «Замка Отранто» априорна по своей сути, ибо увлечение Г. Уолпола «готической» стариной толкнуло его не только на воссоздание реального, но и вымышленного романного готического замка, навеянного чудесным фантастическим сном автора в одной из замковых галерей. При этом обыгрывался не только жанр (неприемлемая и недопустимая строгими рационалистическими просветительскими установками «готическая» повесть у Г. Уолпола), но и содержание художественного произведения (новые ситуации, мотивировки поведения героев и т. д.).

Приведённые выше три универсальные ипостаси игрового начала (ситуация, поведение персонажа и мотив) своеобразно преломились в литературной готике, прежде всего в первом произведении данного жанра «Замке Отранто» Г. Уолпола. Роман представляет собой, как уже говорилось, своеобразный синтез рыцарского (авантюрного) и просветительского (реалистического) романов, при этом следует говорить о символическом рыцарском романе, поскольку сходство с последним у Г. Уолпола ограничивается условным отнесением действия ко временам Крестовых походов, таким же условным описанием соответствующей атрибутики и обстановки, наличием сверхъестественных манифестаций, но в корне отличной мотивировкой введения их в действие произведения. Как пишет М. Б. Ладыгин, сверхъестественные силы «...получают в романе принципиально новую функцию... именно они развивают сюжет и приближают повествование к развязке» [7, с. 5] (речь идёт о провиденциальной мотивировке в отличие от чисто авантюрной составляющей в первоисточнике). Отвергая рационализм просветителей, автор в результате творческого поиска – и это стало ещё одним из новаторских ходов лично Г. Уолпола – создал особый художественный мир, в котором живут и действуют различные персонажи. Необычность данной ситуации заключается в её ирреально-условном характере. Игровое поведение героев в такой обстановке обусловлено экзистенциальной диадой «быть – не быть; третьего не дано». Отсюда поведение человека строго детерминировано его субъективным отношением к происходящим событиям в полном отвлечении от объективной реальности. Так, протагонист «Замка Отранто» Манфред являет собой едва ли не первый образчик трагического единоборца

со злом, во многом предвосхищающего будущего «байронического» героя. Кажущаяся внешняя мотивировка его поведения, проистекающая на первый взгляд чисто из эгоистического устремления сохранить любой ценой власть над незаконно унаследованным княжеством Отрантским, тем не менее показывает нам героический характер Манфреда. Он проявляется в постоянной борьбе с роком, судьбой, перед которыми протагонист не готов смириться. Своеобразными вехами этого служат: внезапная трагическая гибель единственного сына и наследника Конрада от огромного шлема в день его свадьбы с Изабеллой, непреднамеренное убийство Матильды возле статуи Альфонсо Доброго, принятая за Изабеллу и, наконец, предполагаемые матримонические отношения с дочерью сына. Подлинный трагизм этого персонажа заключается в том, что мотив тайны, являющийся основным мотивом всего произведения, для Манфреда не является загадкой, ибо он единственный знает кровавый секрет своего предка Рикардо, а следовательно, и суть проклятия, довлеющего над всем его родом; тем не менее продолжает бесплодный поединок с неумолимым роком. Таким образом, внешняя на первый взгляд мотивированность ситуаций и поведения героя-протагониста в «готическом» романе «Замок Отранто» оборачивается сложной и непримиримой внутренней борьбой в душе персонажа. Игра этих страстей и составляет сюжетные коллизии романа, подкрепляясь сверхъестественными манифестациями.

Пришедший на смену предромантизму романтизм углубил игровое начало в художественном творчестве, выдвинув идею о том, что искусство может быть игрой и заменить собой объективное восприятие реальности на принцип «субъективной целесообразности» [6, с. 60]. Уникальность романтического искусства заключалась в том, что оно изначально строилось на игровой ситуации противостояния реального и условного, жизни и искусства. Сюжетное действие априори стремилось к отображению жизни вне реальных событий, окружающих индивида. Романтический герой – это человек, свободный от условностей, ведущий свою игру с существующими устоями, мечтающий изменить мир в соответствии со своими фантазиями, то есть сделать его совершенным. В основе романтизма лежит идея двоемирия: герой здесь – человек исключительный, уникальный и таинственный, существующий вне реальной действительности. Чаще всего – это человек искусства, которое и является высшей сферой человеческой деятельности. Искусство – это игра, в которой допустимо всё, что невозможно в реальности. «Таким образом, игровой принцип в романтизме обуславливает его мифологическое и философско-эстетическое значение и основан на антагонизме общественно значимого и творческого» [10].

Последовавшие за романтизмом литературные эпохи не только не исключили игровое начало из произведений, но подхватили и по-своему трансформировали его. Именно рубеж XIX–XX веков как новый и во многом переломный этап в развитии западноевропейской культуры в целом и литературы в частности усилил игровой модус литературы и шире – культуры в целом. «Писатели данного периода не могли остаться в стороне от происходящих изменений. Их творческая парадигма отобразила углубляющийся раскол между цивилизацией и личностью, ощущающей себя во власти неизвестности» [1, с. 100]. В этот период возобладала социально-антропологическая обусловленность игрового начала в художественном творчестве. Три универсальных проявления игрового начала (ситуация, поведение персонажа и мотив), соответственно, также преобразовались в литературном декадансе рубежа веков. Различные «-измы» (символизм, импрессионизм, неоромантизм, эстетизм и далее реализм) умело сочетали условное и реальное в поисках эстетических идеалов, соответствующих новому мироощущению.

Особое место в данный период занимает разновекторная немецкоязычная литература, которая причудливо соединила в себе опыт прошлых веков и художественно-эстетические новшества, ворвавшиеся в конце XIX века в культуру под единым термином «модерн». Большинство писателей этого

времени обращаются к малым жанрам. Новелла, наряду с повестью, романом, драмой, становится равноправным участником литературного процесса, позволяющим вместить в короткий сюжет не только индивидуальные характеры, но и типичные черты конкретного исторического периода. Австрийский драматург и прозаик Артур Шницлер (1862–1931) – яркий представитель стиля импрессионизм, создатель более пятидесяти новелл. В его произведениях, на наш взгляд, достаточно ярко прослеживается игровой характер творчества и три основные универсалии игровой поэтики: ситуация, поведение персонажа и мотив в их тесной взаимосвязи. Небольшие по объёму новеллы А. Шницлера вместили в себя различные аспекты и модификации жанрового многообразия: фантазия, врачебные записи, притча, научный трактат (подзаголовки, вынесенные автором в название произведений). Играя с формой произведения, А. Шницлер широко использует и намеренную интерпретацию конкретной ситуации, отступая от норм и канонов и тем самым усиливая игровой модус литературного произведения. Писателя мало интересуют общественные условия, в которых живут герои, его внимание концентрируется на их внутренней жизни: «Для персонажей Шницлера общество не является основополагающим элементом их человеческого бытия. Их важнейшие переживания разыгрываются, так сказать, на периферии общества» [12, с. 424]¹. События могут разворачиваться как в анатомическом зале, в театре, в кафе, в фиакре, так и на улицах Вены. И если мир произведений, с одной стороны, в новеллах легко узнаваем, то с другой стороны, в нём много сложных и порой непроницаемых на первый взгляд взаимоотношений. Очень часто героями первых новелл писателя становились люди искусства, а квинтэссенцией – их взгляды на создаваемую художественную реальность. Однако автор далёк от её романтического понимания, ставившего во главу угла творческие возможности индивидуального разума в отличие от предшествующих литературных эпох (предромантизма, романтизма). А. Шницлер видит в искусстве не одну, а целый синтез взаимосвязанных проблем: моральную, эстетическую и этическую, умело обыгрывая их. Это находит своеобразное художественное воплощение в форме игры видимого (эксплицитного) и предполагаемого (имплицитного); своеобразный аналог романтического двоимирия, но иначе понятого. Для А. Шницлера искусство – это особая сфера реальности, где всё происходит по правилам, зачастую неподвластным пониманию простого обывателя, своеобразная аллюзия к романтическому мироощущению. Однако сами герои новелл живут в реальном мире среди обыкновенных людей, и их творческие поиски зачастую бывают не поняты и не приняты, что, с одной стороны, сближает героев А. Шницлера с романтическими «энтузиастами и музыкантами», а с другой – чётко разграничивает их. Так, в новелле «Мой друг Ипсилон» (1887) центральный конфликт протекает между воображаемым и реально существующим мирами. Это обстоятельство своеобразно обыгрывается в чередовании точек зрения писателя Ипсилона и его друга-врача. Иными словами, игровая универсалия «ситуация» выливается в реальную реальность, а не вымышленную надреальность романтиков. В большинстве новелл писателя основные коллизии протекают в короткий промежуток времени, в течение которого коренным образом изменяются не только прошлое и настоящее главного героя, но также ставится под сомнение его будущее. Данный факт справедливо указывает на наличие игровой ситуации как ряда событий, «характеризующихся состоянием повышенной эмоционально-волевой и нравственно-психологической напряжённости персонажей, разрешаемой специфически игровым способом» [4, с. 95], через особый психологизм.

Своеобразно реализуется в новеллах писателя и другая игровая универсалия, а именно – поведение персонажа. Это выражается в отсутствии чёткого портрета и ярко выраженного характера у героев новелл. Подобная

---

¹ Перевод Т. Барышевой.

нарочитая преднамеренность смещает фокус с персонажа на особую атмосферу произведения, в которой ни социальный статус героя, ни общественные отношения не играют существенной роли. Значение имеют только его внутренние переживания и особенности психологического склада протагониста. В этом заключается неординарность поведенческого игрового аспекта героев у А. Шницлера. При этом действия персонажа (а отсюда и развитие сюжета) определяется мотивами, всегда проистекающими извне, и обуславливается его социальной принадлежностью. С одной стороны, мир произведений писателя легко узнаваем (мелкие буржуа, представители высшего света, военные и т. д.), с другой – в нём много сложных взаимосвязей, далеко не всегда видимых и понятных стороннему наблюдателю. Автор сознательно смещает игровой дискурс во внутренний мир героя, в котором возможно всё. Внутреннее Я протагониста проецирует его желания на окружающую реальность, в которой он и продолжает существовать. Происходит своеобразная игра между очевидностью и недекларированностью поведенческих факторов. Так, в ряде новелл А. Шницлера, написанных под влиянием натурализма («Богатство», 1889; «Сын», 1889; «Невеста», 1891/92), игровое начало заложено в самой ситуации, в которую попадают персонажи. Главные герои в них – это люди низшего сословия: пьяница, игрок в карты, женщина лёгкого поведения, однако на первый план выходит не социальная среда, а нереализованные возможности и конфликт между возможным и желаемым. Автор умело манипулирует сюжетом, который даётся через призму разных восприятий героем и второстепенными персонажами. В итоге главный герой, размышляя над тем, что же в конечном итоге определило его судьбу (наследственность, судьба, подавляемое сексуальное влечение, инстинкты), создаёт свой собственный смысл, далёкий от натуралистического изображения жизни, но в котором нет однозначного решения затронутой проблемы. Именно персонажи своей внутренней поведенческой логикой создают неожиданные сюжетные коллизии.

Многогранность поведенческой игровой универсалии у А. Шницлера проявляется в реализации темы любви – центральной в поэтике писателя; при этом любовь, незримо сопровождаемая смертью. Именно в этом дуализме игровое начало обретает сюжетобразующее начало у А. Шницлера. Игровой дискурс смещается в эмоциональное поле, а любовный мотив практически всегда соседствует с мотивами обмана, неверности и подспудно присутствующей смерти. При этом в ряде новелл автор невольно подчёркивает социально-антропологическую обусловленность поведения героев через мотив «любовь – смерть». («Наследство», 1887; «Другой», 1889; «Мёртвые молчат», 1897 и др.). Сюжетные мотивы (ревность, месть, страх, скорбь по умершему) трансформируются через личностное восприятие главного героя: несобственно-прямая речь, дневниковые записи и др. Игровой аспект любовной интриги у А. Шницлера отсылает читателя чаще всего к внутреннему миру персонажей, живущих мгновенными мимолётными впечатлениями, что, собственно, и свойственно стилю импрессионизма. На наш взгляд, замечание критика Т. Светашевой о том, что «в модернизме игра – разновидность жизнетворческой стратегии, проявление талантливости и артистизма в проживании жизни» [9, с. 58], наиболее полно соответствует любовной новеллистике австрийского писателя. Особенности наррации в форме несобственно-прямой речи дают возможность читателю заглянуть во внутренний мир героев, а автору позволяют раскрыть по-новому личность персонажа. Свойственная игровой поэтике реализация вероятностных поведенческих сценариев также передаётся А. Шницлером в мотивах сновидений героев. Например, в повести «Фрау Берта Гарлан» (1900) подсознание молодой женщины необычным сном реагирует на неоднозначную ситуацию, рисуя возможный прогноз её дальнейшей жизни. Непростые жизненные коллизии своеобразно проигрываются в сне-предвидении, который служит движущим мотивом поведения героини в реальности (привычная роль порядочной женщины предпочтительнее

для героини сомнительной роли любовницы). Поведение вдовы в данном случае основывается на её социально-антропологических качествах. С одной стороны, она попыталась утвердить своё право на личную жизнь и человеческое счастье, а с другой – не способна противостоять осуждению света. Таким образом, универсальная игровая триада (ситуация, поведение героя, мотив) усложняется в новеллистике А. Шницлера по сравнению с её предромантической и романтической реализацией, обогащаясь и прирастая целым рядом игровых мотивов: любовная связь, ревность, дуэль, сновидения; и все они ярко окрашены личностной рефлексией главного героя. Игровое начало добавляет произведениям импровизации и непредсказуемости, позволяя персонажам апробировать различные поведенческие ситуации. Однако при этом их поступки обуславливаются в большей степени социально-антропологическими факторами: традиции, воспитание, окружение.

Итак, игровое начало, прошедшее тысячелетия развития вместе со становлением социума, постепенно усложнялось, обрастая всё новыми аспектами, своеобразно реализуясь прежде всего в художественном творчестве различных эпох. При этом наиболее чётко игровой модус проступал в ключевые переломные для общества эпохи. В нашем изложении – это рубеж XVIII–XIX и конец XIX – начало XX века, давшие импульс как общественному, так и культурному развитию мирового сообщества. Три универсальные ипостаси игрового начала (ситуация, поведение персонажа и мотив) своеобразно преломились в литературной готике через форму произведения, ирреально-условный характер романной ситуации, через поведение персонажа (его сложная и непримиримая внутренняя борьба с собой). Однако эта внутренняя игра страстей протагониста, лежавшая в основе сюжетных коллизий готического романа, имела ещё чисто внешнюю мотивировку. Художественная же литература периода «модерн» (в нашем случае – малая проза импрессиониста А. Шницлера) уже иначе интерпретировала основные универсалии игрового начала, дав новый толчок их реализации в художественном творчестве. Сюжет новелл, протекающий в реальном мире, чаще всего своеобразно воспринимается героями через особый внутренний психологизм. Именно протагонисты своей внутренней поведенческой логикой создают неожиданные сюжетные конфронтации, подпитанные игровыми мотивами извне: любовь / смерть, ревность, обман, страх и др.

Список источников

1. Барышева Т. Г. Игровое начало в ранней новеллистике Артура Шницлера / Т. Г. Барышева // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение. – Иваново : Ивановский гос. пед. ун-т, 2023. – Вып. 17. – С. 99–103.
2. Ефимов А. А. Игровое начало в прозе М. Ю. Лермонтова / А. А. Ефимов. – Волгоград, 2009. – 24 с.
3. Ефимов А. А. К пониманию игрового начала в литературоведении / А. А. Ефимов // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 2. – С. 87–92.
4. Ефимов А. А. Игровое начало в литературоведении / А. А. Ефимов, С. Н. Зотов // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2008. – Спец. вып. – С. 92–96.
5. Кайуа Р. Игры и люди / Р. Кайуа. – Москва : ОГИ, 2007. – С. 49–72.
6. Кант И. Критика способности суждения. – URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994__ocr.pdf.
7. Ладыгин М. Б. Английский «готический» роман и проблемы предромантизма / М. Б. Ладыгин. – Москва, 1979. – 16 с.
8. Мартыанова С. А. Поведение персонажа / С. А. Мартыанова // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – Москва : Высшая школа, 1999. – С. 261–278.
9. Светашева Т. А. Литературная игра, ее феноменологическое осмысление и типология русской поэзии второй половины XX в. / Т. А. Светашева // Человек в социокультурном измерении. – 2021. – № 1. – С. 50–59.
10. Стрельникова Л. Ю. Феномен игры в литературе немецкого романтизма: исследование фундаментальной реальности / Л. Ю. Стрельникова. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-igry-v-literature-nemetskogo-romantizma-iskazhenie-fundamentalnoy-realnosti>.

11. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
12. Swales M. Arthur Schnitzler / M. Swales // *Handbuch der deutschen Erzählungen*. – Düsseldorf : Bagel. 1981. – S. 421–432.

References

1. Barysheva T. G. The playful beginning in Arthur Schnitzler's early short stories. *In-ostrannyye yazyki: teoriya i praktika. Literaturovedeniye = Foreign languages: theory and practice. Literary criticism*. Ivanovo: Ivanovo State Pedagogical University; 2023;17:99–103.
2. Yefimov A. A. *Igrovoye nachalo v proze M. Yu. Lermontova = The playful beginning in M. Yu. Lermontov's prose*. Volgograd; 2009: 24 p.
3. Yefimov A. A. Towards understanding the playful beginning in literary criticism. *Nauchnaya mysl Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*. 2008;2:87–92.
4. Yefimov A. A., Zotov S. N. Game principle in literary criticism. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo iniversiteta = Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*. 2008; special iss.:92–96.
5. Kayoa R. *Igry i lyudi = Games and people*. Moscow: OGI; 2007:49–72.
6. Kant I. *Kriticheskiye sposobnosti suzhdeniya = Critique of the ability to judge*. Available at: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994__ocr.pdf.
7. Ladygin M. B. *Angliyskiy "goticheskiy" roman i problemy predromantizma = English "Gothic" novel and problems of pre-romanticism*. Moscow; 1979: 16 p.
8. Martyanova S. A. Character behavior. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Literaturnoe proizvedeniye: osnovnyye ponyatiya i terminy = Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms*. Moscow: Vysshaya shkola; 1999:261–278.
9. Svetasheva T. A. Literary play, its phenomenological understanding and typology of Russian poetry of the second half of the 20th century. *Chelovek v sotsiokulturnom vozdeystvii = Man in the socio-cultural dimension*. 2021;1:50–59.
10. Strelnikova L. Yu. *Fenomen igry v knige nemetskogo romantizma: vosstanovleniye fundamentalnoy realnosti = The phenomenon of play in the literature of German romanticism: distortion of fundamental reality*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-igry-v-literature-nemetskogo-romantizma-iskazhenie-fundamentalnoy-realnosti>.
11. Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika = Theory of Literature. Poetics*. Moscow: Aspekt Press; 1996: 334 p.
12. Svales M. Artur Schnitzler. *Handbuch der deutschen Erzählungen = Handbook of German Stories*. Düsseldorf: Bagel; 1981:421–432.

Информация об авторах

- А. А. Абызов** – кандидат филологических наук, доцент;
Т. Г. Барышева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

- A. A. Abyzov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;
T. G. Barysheva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 25.05.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 25.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 80–90.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):80–90.

Научная статья
УДК 82.32

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА
В РАССКАЗЕ Ю. МАМЛЕЕВА «ГОЛУБОЙ»**

Анна Александровна Боровская^{1✉}, Оксана Олеговна Ошмарина²

^{1, 2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия

^{1✉2}o.oksana.osh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются составные компоненты художественной картины мира в рассказе Ю. Мамлеева «Голубой», который входит в «народно-мифологический цикл». Особую роль в формировании художественного универсума произведения играют фольклорные традиции. Обращение писателя к жанрам сказки, заклинания, бывальщины и пословицы продиктовано стремлением найти обобщающий художественный код, с помощью которого можно было раскрыть тайные стороны человеческой души. Проблема познания Абсолюта – центральная в творческой системе Ю. Мамлеева – определяет развитие сюжета произведения, который носит инициационный характер. Циклическая фабульная схема «потеря – поиск – обретение» восходит к архаическому мифу. Отдельное внимание в статье уделяется описанию уровней художественного мира в рассказе. Важнейшими принципами моделирования художественной онтологии в тексте Ю. Мамлеева являются гротеск, парадокс, трансгрессия и ремифологизация. Писатель трансформирует и пародийно воспроизводит народно-поэтические образы и мотивы, выстраивая на их основе авторскую космологию. Архетипические топосы и мифологические структуры служат средством изображения многослойного пространственно-временного континуума, включающего «проявленное», «преодолевающее», «запредельное» бытие и антимир. Ю. Мамлеев обыгрывает и травестирует элементы народных обрядов и ритуалов, что соответствует эстетике постмодернизма. Использование различных способов деструкции и сопряжения несовместимых реальностей в рассказе Ю. Мамлеева «Голубой» обусловлено поэтикой сюрреализма, которая оказала влияние на творчестве писателя. Типология образов и мотивов сказочной и несказочной прозы представляют собой отражение и преломление тонкой материи в человеческом сознании. Апелляция писателя к фольклорному интердискурсу только подчёркивает оригинальность авторской картины мира. Используя сюжетно-нарративные симуляции, Ю. Мамлеев конструирует свою мифологию, основанную на представлениях об иллюзорности и парадоксальности бытия.

Ключевые слова: Ю. Мамлеев, фольклор, художественная картина мира, жанр, миф, архетип, мотив, образ

Для цитирования: Боровская А. А., Ошмарина О. О. Фольклорная основа художественной картины мира в рассказе Ю. Мамлеева «Голубой» // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 80–90.

Original article

**FOLKLORE BASIS OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD
IN THE STORY “BLUE” BY Y. MAMLEYEV**

Anna A. Borovskaya^{1✉}, Oksana O. Oshmarina²

^{1, 2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹borovskaya-anna@bk.ru✉

²o.oksana.osh@mail.ru

Abstract. The article deals with the constituent components of the artistic picture of the world in Yu. Mamleyev’s story “Blue”, which is a part of the “folk-mythological cycle”. Folklore traditions play a special role in the formation of the artistic universe of the work. The writer’s appeal to the genres of fairy tale, incantation, byvalshchina and proverbs is dictated

by the desire to find a generalizing artistic code, with the help of which it was possible to reveal the secret sides of the human soul. The problem of cognition of the Absolute, which is central to Y. Mamleyev's creative system, determines the development of the plot of the work, which has an initiatory character. The cyclic fabulist scheme "loss – search – finding" goes back to the archaic myth. The article pays special attention to the description of the levels of the artistic world in the story. The most important principles of modeling the artistic ontology in Yuri Mamleyev's text are grotesque, paradox, transgression and remythologization. The writer transforms and parodically reproduces folk-poetic images and motifs, building the author's cosmology on their basis. Archetypal topoi and mythological structures serve as a means of depicting a multilayered space-time continuum, including "manifested", "overcoming", "forbidden" existence and anti-world. Yuri Mamleyev plays with and travesties elements of folk rites and rituals, which corresponds to the aesthetics of postmodernism. The use of different ways of destruction and conjugation of incompatible realities in Y. Mamleyev's story "Blue" is conditioned by the poetics of surrealism, which influenced the writer's work. Typology of images and motifs of fairy tale and non-fairy tale prose represent reflection and refraction of subtle matter in human consciousness. The writer's appeal to folklore interdiscourse only emphasizes the originality of the author's picture of the world. Using narrative simulations, Yu. Mamleyev constructs his mythology based on the notions of illusory and paradoxical existence.

Keywords: Y. Mamleyev, folklore, artistic picture of the world, genre, myth, archetype, motif, image

For citation: Borovskaya A. A., Oshmarina O. O. Folklore basis of the artistic picture of the world in the story "Blue" by Y. Mamleyev. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):80–90 (In Russ.).

В произведениях «народно-мифологического цикла» Ю. Мамлеев прибегает к прямой стилизации народно-поэтической манеры повествования. Фольклорные традиции в сказке «Ерёма-дурак и смерть», рассказе «Голубой», поэме-легенде «Блаженство и окаянство», рассказе-легенде «Сон в лесу» трансформируются настолько, что утрачивают свою изначальную нравственно-эстетическую значимость: писатель вступает в полемику с народным идеалом, воплощённым в устном творчестве. В своих произведениях он иронично переосмысливает такие фундаментальные понятия, как менталитет и державность, народ и русский характер, Бог и истина, справедливость и нравственность. Фольклорные жанры в цикле «Русские сказки» представляют собой своего рода гипертекст, из которого заимствуются обобщающие образы и мотивы. Почти во всех произведениях констатируется гибель национального уклада, неизбежным результатом которой является полная утрата всех патриархальных ценностей. Вместе с тем мир народной культуры становится для писателя средством проникновения в метафизические «бездны» души человека, выражения её порыва к вечности и духовному космосу. Классическое для фольклора двоemiрие преобразуется у Ю. Мамлеева в новую пространственную модель: границы между профаническим и сакральным измерением стираются, а особую роль играет «междумирье», которое одновременно запредельно и проницаемо.

Влияние фольклорных традиций на прозу Ю. Мамлеева неоднократно попадало в фокус научных изысканий. Е. Жиндеева, Е. Мартынова, С. Колмыкова в статье «Трансформация сказочных образов и мотивов в метафизической прозе Ю. Мамлеева (на материале романа «Мир и Хохот»)» [4] отмечают, что писатель оригинально соединяет элементы поэтики славянского фольклора и европейского сюрреализма, использует архетипы коллективного бессознательного, представленные в русских сказках. А. Бочкарева и Т. Журчева исследуют фольклоризм творчества Ю. Мамлеева на разных уровнях организации текста: пространственно-временном, сюжетно-композиционном, образом и др. [2]. М. Яковлев и А. Карпенко акцентируют внимание не переосмыслении и трансформации в прозе Ю. Мамлеева фольклорных мотивов и народно-поэтических образов в контексте «метафизического реализма» [16].

В. Шохина, характеризуя особенности малой прозы Ю. Мамлеева, обозначает один из ведущих принципов её поэтики как «отторжение от системы» [15, с. 172]. Обращение писателя к фольклорному интердискурсу только подчёркивает оригинальность авторского космогонического мифа, который он конструирует в книге «Русские сказки». Проблема познания Абсолюта, истины и души формирует макросюжет цикла Ю. Мамлеева: «Метафизический характер моего метода обусловлен тем, что, помимо описания обычной реальности, он обращён к неведомым сторонам человеческой души. В то же время это реализм, ибо неведомое предстаёт не в плане фантастики, а как умопостигаемая, интуитивная реальность» [5, с. 8]. Стремление к универсализации в изображении поиска ответов на экзистенциальные вопросы обуславливает ориентацию Ю. Мамлеева на архетипическую структуру, которую он перекодирует.

Рассказ «Голубой» является смысловым центром в «народно-мифологическом цикле». Он аккумулирует признаки различных жанров – сказки, бывальщины, агиографии, новеллы и параболы. «Голубой» становится объектом изучения в работе М. Дещенко «Соприкосновение земного бытия человека с потусторонним как жанровый маркер новеллы Юрия Мамлеева “Голубой”» [3]. Автора статьи интересует проблема жанровой идентификации произведения. Он рассматривает сюжетный динамизм, «чёткость фабулы», «парадоксальность изображаемой действительности», «пафос, эмоционально-оценочный спектр которого колеблется от комического до трагедийного» в произведении Ю. Мамлеева как жанровые черты новеллы, однако за границами исследования оказывается его связь с фольклорными формами. В этом плане «Голубой» находится в поле пересечения жанровых интенций сказки и бывальщины. Архетипические топосы (лес, река, избушка), соотношение персонифицированной с функциями действующих лиц, комплекс мотивов и особенности сюжетосложения в тексте восходят к волшебной сказке. В то же время установка на достоверность, единство универсума, в котором отсутствуют иерархия и чёткое разделение реального и фантастического, фигура «сказителя», система inferнальных персонажей обнажают генетическое родство произведения Ю. Мамлеева с народной мифологической прозой. Вместе с этим принципиальным отличием от бывальщины, для которой характерно вторжение иного мира в посюсторонний и последующее «выдворение» его обитателей за пределы, становится обратная логика: преодоление рубежа, отделяющего проявленное бытие от сверхреальности, осуществляется героем-человеком.

Сюжет текста носит инициационный характер и основан на циклической схеме «потеря – поиск – обретение». Его завязкой служит приезд в деревню Большие Хари москвича Николая Рязанова, который поселяется в комнатке своей дальней родственницы для того, чтобы «поразмышлять». Образ героя, «не совсем обычного», с одной стороны, напоминает «задумавшихся» персонажей-правдоискателей А. Платонова, с другой – представляет собой тип амбивалентной личности, в которой сопряжены рациональное начало и «общее беспокойство души». Разрыв социальных связей, неопределённость профессии и семейного статуса является показателем отчуждённости Николая от эмпирической действительности, от других людей, от «живой жизни». Автор акцентирует внимание на значимой портретной детали – «совершенно стёртом возрасте» героя: «Возраста, по всей видимости, вообще не было» [8, с. 621]. Такая унификация образа позволяет провести параллель с фигурой дурака из народной сказки, сочетающем в характере безумие и мудрость.

Сказочный мотив недостачи / утраты в тексте Ю. Мамлеева имеет сюжетный аналог – влечение к «основным тайнам» (такая надпись была на блокноте героя, также звучит второе название рассказа). На связь сюжета с обрядом инициации указывают топонимы «Большие Хари» и «Малые Ха-

ри», которые ассоциируются с «большим» и «малым» домами в волшебной сказке. По мнению В. Проппа, оба типа построек участвовали в ритуале посвящения неопита: «Сказка знает не только “большой дом” в лесу, она знает ещё малую избушку типа избушки яги и её разновидностей. <...> посвящение иногда производилось в лесном шалаше или в избушке, после чего посвящаемый или возвращался в семью, или оставался жить тут же, или переходил в большой мужской дом. <...> Несколько иначе обстоит дело с переходом из малого дома в большой» [10, с. 93–94]. Деревенский локус представляет собой модель идиллического мира с традиционным укладом («...расположилась среди затаённого уюта приволжских лесов» [8, с. 621]), в котором органично сосуществуют персонажи низшей мифологии и сельские жители. Вместе с тем, в соответствии с постмодернистской эпистемой Ю. Мамлеев пародийно воспроизводит народную демонологию, включающую образы людей, обладающих сверхъестественными способностями, и нечисти: ведунов («спелых мужичков, предупреждающих народ-дитё о бедствии»), колдуна, «заговорившего немецкую артиллерию», старушек-ведьм, «навешивающих кисты», «батюшки лесового», кошки-оборотня, «грязных» животных – петуха и козла. Авторская ирония как средство деконструкции архаического мифа находит своё выражение в травестии религиозно-культурных обрядов: таинство колдовского заговора профанируется и приобретает вид «забав и шутовства» двух «ведьм-старушек», последствия которых нивелируются (одна «расколдовывала то, что напускала» другая).

Фантастическое и реальное, комическое и серьёзное, «своё» и «чужое» в рассказе сливаются, что соотносится с принципами «народного гротеска» [1]. В духе «виевской» Руси оборотничество изображено не как простое превращение человека в зверя, но как исчезновение границы между двумя типами телесности, а это, в свою очередь, определяет их фантазмагорическое смешение, семантическое перетекание двух образов: «...вместо Пантелея оказалась дикая чёрная свинья, которая с утробным воем (выделяя, однако, далеко в стороны жуткий самогонный перегар, что явно говорило о его человеческом происхождении) понеслась вперед» [8, с. 622]. Мотив восходит к языческой славянской культуре и фольклору, где подобного рода метаморфозы лишены однозначной модальности: «Амбивалентность оборотничества – наиболее яркий показатель глубины проникновения в сознание людей языческой эпохи представлений о всеединстве мирового Тела» [14, с. 98]. Гоголевские традиции обнаруживаются и в описании ночных полётов ведьм на метле: «...зимой, при свете золотой луны и мечущейся зеркальной снежной равнины, видели, как из трубы на помеле, нагло и ни с чем не считаясь, вылетали Бог весть куда» [8, с. 622]. Динамическое пространство равнины, маркером которого служит эпитет «мечущаяся», имеет свойства отражающей поверхности. Зеркало в славянской мифологии обладает способностью воссоздавать не только видимый мир, но и потусторонний. «Зеркальная равнина» и «золотая луна» (как астральный дубликат солнца) в произведении Ю. Мамлеева являются образными эквивалентами взаимобратимой реальности в художественной картине мира.

Основные события в произведении Ю. Мамлеева происходят в лесу, пространство которого, согласно В. Проппу, с одной стороны, восходит к обряду «взросления / становления», с другой – представляет собой границу между царством живых и «страной мёртвых». В рассказе «Голубой» данная оппозиция деактуализируется: хронотоп леса утрачивает сакральный статус, смещается в сферу обыденного. Писатель выстраивает художественную картину мира противоположно «наивной» – по принципу единства, не предполагающего деление на антиномические пары.

Вместе с тем лес в рассказе выполняет функцию «задерживающей преграды» [10, с. 40]. Ситуация «переступления» обыгрывается Ю. Мамлеевым

с долей иронии. Первый поход Николая в лес «за гибком» заканчивается его исчезновением: «...вдруг как-то бесповоротно, точно в голубом болоте, заблудился» [8, с. 621]. Представления о болоте как о «чуждом» пространстве, «враждебном» человеку, характерны для славянской мифологии. В то же время семантика топоса включает значение «непреодолимый предел». В рассказе Ю. Мамлеева отождествление леса и болота обусловлено сходством их символики – оба пространственных образа олицетворяют надбывтийную тайну, которую сознание человека не способно вместить. Автор использует сравнительный оборот с цветовым эпитетом, вынесенным в заглавие, который перерастает в лейтмотив и служит ключом к толкованию всего текста. Пропажа героя является символическим предзнаменованием, предупреждением, которому он не следует. Введение фольклорных мотивов запрета и его последующего нарушения определяет механизм разворачивания сюжета. В то же время мотив блуждания в лесу можно интерпретировать в контексте экзистенциальной философии, которая была близка Ю. Мамлееву. Плутание прочитывается как освобождение героя от рационализирующего Я, как переживание бытия, отвлечённого от субъекта. В этом плане симптоматично описание леса, образ которого приобретает архетипические черты и ассоциируется с вечным существованием, с единственной онтологической константой: «Как будто ничего в мире не осталось, кроме этого бесконечно шелестящего леса» [8, с. 621].

Возвращение Николая в деревню становится возможным благодаря вмешательству сверхъестественных сил. Деревенские девки обращаются за помощью к лешему («дедушке лесовому»). Для изображения пробуждения души Ю. Мамлеев имитирует жанровые признаки народного заговора и воспроизводит элементы жертвенного ритуала: «Пришлось девкам собирать на чай дедушке лесовому. Нашли пень на перекрёстке, пошептали, покрошили» [8, с. 621]. Стилизация «вставного» жанра обуславливает наличие в отрывке стихотворного ритма и рифмы («песенки пропели»), употребление апеллятивной и императивной конструкций, молитвенно-заклинательной формулы: «Батюшка лесовой, / Приведи его домой...» [8, с. 621]. По аналогии со сказочным образом живой воды в мамлеевском тексте «семидневное опохмеление» самогоном (сакральное число), ручьи которого «так и текли из каждой избы», является волшебным средством, закрепляющим чудесное воскрешение героя.

Дальнейшее развитие сюжета замедляется: автор нанизывает однородные эпизоды: попытки «подластиться» к двум ведьмам-старушкам, дружба и разговор с колхозным бригадиром Пантелеем, обращённым в свинью, призвание «батюшки лешего». Приёмы кумуляции и ретардации выполняют смысловую функцию, создают препятствия герою в поисках «основных тайн», что отражает авторскую гносеологическую концепцию: постижение Абсолюта относительно, сознание человека не может постичь бесконечное, приближение к нему приводит к распаду души.

На «беспокойном» пути познания «глубокого» Николай совершает квазиобрядовые действия – надевает на голову «венки из берёзовых листьев», пьёт воду из родника в надежде получить желаемое. С одной стороны, травестирование символических актов приобщения к миру природы сопровождается ироничным комментарием безличного рассказчика: «Ничего бы из этого, конечно, не вышло...» [8, с. 623]. С другой – упоминание берёзы неслучайно (сравните: «из-за берёзки вышел Николай» после того, как заблудился в лесу), её образ восходит к национальному мифу: у славян она является оберегом от лиха, в то же время, по народным поверьям, берёза может исполнить заветную мечту. В этой связи её роль в сюжете – семиотическая: в первом случае она служит знаком сказочного спасения героя от полного растворения

в ирреальном, во втором – магическим предметом (венки из берёзовых листьев), позволившим Николаю выйти за границы дозволенного.

Переломным моментом в рассказе становится перемещение героя в онейрическое пространство. Поэтика сюрреализма, основанная на разрушении дихотомии сна и яви, определяет особенности подобного «сдвига»: «...вдруг во сне ночью он попал в некое потустороннее поле. Сам он почувствовал это только утром <...> дальним острым краем своего несознания» [8, с. 623]. Согласно религиозно-философским взглядам Ю. Мамлеева, генетически связанным с индуизмом, одна из форм познания сущего – сновидение, которое воспринимается как разновидность божественной игры – лилы. Она описывает взаимоотношения Сверхсубъекта-демиурга со своим материальным творением. Встреча Николая в «потустороннем поле» со «старичком в белом», который выступает в качестве медиатора, посредника между эмпирической реальностью и инобытием и одновременно является воплощением Ничто, – пример подобного взаимодействия. Спонтанность предоставленной возможности открыть дверь в неизведанное объясняется игрой Высшего Разума, который получает наслаждение от самой манипуляции с «несознанием» человека. Метафизическое измерение обладает деструктивной энергией. Николай, оказавшись в «междумирьи», попадает во власть иной, разрушительной силы: «Как мышь в мышеловку», «Покорно, как котёнок...» [8, с. 623].

Кульминационной в рассказе является сцена перехода героя из земного мира в антимир («нигде»). Ю. Мамлеев использует гротескные сравнения для описания точки соприкосновения двух несовместимых реальностей: «Шли лесом, который стал светлеть и светлеть. Точно солнце вставало изнутри земли» [8, с. 623]. Хронотоп порога представлен образом двери-границы, расположенной «то ли в землянке, то ли в избушке, то ли в небе» [8, с. 623]. Место проникновения в мир «высшего покоя» отсылает к сказочной избушке Бабы Яги – охранительницы входа в «иное царство». Неопределённость и изоморфизм локуса соответствует логике мифа: тождество землянки / избушки и неба обусловлено, с одной стороны, их семантическим родством (все образы наделены смертными параллельными смыслами), с другой – постоянной изменчивостью самой природы Абсолюта.

Герою предложен выбор – преодолеть ограничения тела и разума и развоплотиться («Ты будешь, там, где тебя не будет») или свернуть с намеченного пути. Экзистенциальное переживание Николаем «нездешнего» бытия Ю. Мамлеев воспроизводит с помощью метафоры и экспрессионистской метафоры: «И сразу чёрный ужас заморозил его. Вернее, он сам превратился в один ужас. Только высунулся, как у собаки, красный язык» [8, с. 623]. Автор ставит в один семантический ряд эмоциональное понятие («ужас») и телесно-анималистический образ – такое сочленение абстрактного и конкретного подчёркивает гротескный характер мироощущения персонажа. Одержимость Николая чужой волей, полное подчинение имперсональному «холодному и жестокому течению», продвигающему его к «дверке», меняет сущность героя, превращает его в «нечеловека». Для выражения «невыразимого» писатель использует неопределённые и указательные местоимения («нечто», «этому»), гиперболу («...это было ещё невыносимее любого ужаса, внушённого когда-либо людям, чертям или духам на этой земле») и алогичный перифраз-загадку («"Этому" не было слов, и любое безумие было только нежным шелестом утренних трав по сравнению с этим»). Запредельную силу воздействия на человеческое сознание «последней тайны», спрятанной за дверью, писатель показывает, прибегая к приёму градации, благодаря которому раскрываются характеристики всепоглощающего и разрастающегося Ничто, не вмещающиеся в категориальный аппарат логического мышления. Такое состояние в сюрреализме, поэтика которого оказала влияние на художественную картину мира Ю. Мамлеева, обозначается термином

«оноризм» [9]. В рассказе «Голубой» события, действия персонажей, сама природа изображаемой жизни противоречат привычному разумению.

Хронотоп рассказа подчинён принципу трансгрессии, предполагающей скачок в пространстве и времени: событийные границы между познаваемым и непостижимым, Я и миром обнаруживают пластичность и стираются. В последний момент «кто-то легко и нежно» выбрасывает Николая из «течения», тем самым сохранив его душу от раскола и уничтожения. Функцию волшебного помощника выполняет леший, его поступки носят «попечительский» характер. Рассказчик только намекает на подобную интерпретацию сюжета, используя повтор комически переоформленной поговорки «Свет не без добрых леших!» («Свет не без добрых людей»). По мнению В. Проппа, «леший всегда есть не что иное, как переименованная Яга» [10, с. 40], которая нередко выступает в роли дарительницы. Мифологический персонаж не только спасает героя во второй раз, но и делает ему подношение – «голубой покой»: «И затем нечто голубое, воздушное пленительной струей вошло в его сознание. “Это будет тебе подменой, – услышал он голос, – ибо с тем, что ты ощущал нельзя жить, хотя ты даже не дошёл до двери”» [8, с. 624]. Обретение эзотерического дара («голубая струя, окрашивающее всё в счастливые, гармонически-примеренные тона») лишает Николая терзаний и желания проникнуть в «основные тайны». «Голубой покой» Ю. Мамлеев противопоставляет «страшному, но высшему». Цветовое обозначение символизирует одновременно духовную чистоту и русскую самобытность. Такая трактовка лейтмотива коррелирует с живописью Н. Рериха, палитра которой насыщена светоносными синими и голубыми красками. «Синий» в очерке «Россия», написанном художником в 1935 году, является маркером, рисующим образ «страны византийских куполов»: «Россия – это семь синих морей <...>, это бесконечные снега, <...> из-под которых нежными веснами выходят тёмные фиалки, синие подснежники, <...> страна звона и синего ладана» [12, с. 302].

Религиозно-философское мировоззрение писателя основано на парадоксе: по его мнению, индивидуальное сознание представляет собой эманацию Абсолюта, что обуславливает естественную и непреодолимую тягу субъекта к познанию трансцендентного. Однако, как только человек прикасается к сфере неведомого и невыразимого, его душа разрушается. Именно поэтому «ложный, но милосердный подарок» оказывается для Николая подлинным благом. В этой связи уместно привести известные строки А. С. Пушкина из стихотворения «Герой», которые перекликаются с рассказом Ю. Мамлеева: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» [11, с. 318]. Герой постигает истину, которую он способен осознать, которая для него оказывается приемлемой. Ю. Мамлеев трансформирует и иронически переосмысливает библейский миф о познании. По мнению Л. Скаковской, поведение героя в рассказе «Голубой» «приводит к высшей форме онтологического консерватизма – сатанизму, сближению с дьяволом. “Дьявольское начало” главного героя проявляется в момент “жертвенного саморазрушения” ради достижения собственного “Я”» [13, с. 255]. Данное утверждение автора диссертации представляется спорным. На наш взгляд, художественная онтология писателя находится за рамками христианской парадигмы: антиномия «божественное – дьявольское» в рассказе утрачивает свою релевантность.

В финале произведения, в соответствии с логикой инициационного сюжета, с героем происходят метаморфозы, меняется его суть: он «стал до неприличия социален», «тяготел теперь только к радужным метафизическим теориям», «стал очень аккуратен, доверчив и к людям шёл душа нараспашку» [8, с. 624]. Повествуя о дальнейшей жизни и смерти Николая, Ю. Мамлеев пародирует некоторые структурные элементы агиографии: герой «всем помогает», осознаёт своё предназначение («настойчиво объяснял своим друзьям, что “в целом всё хорошо” и “там” и “здесь”, но что особенно “там”, т. е. после

смерти», «очень оживился, поучал» [8, с. 624, 625]), узнаёт о своей смерти «недели за три-четыре». Авторская ирония проявляется в выборе эмоционально-оценочной лексики, с помощью которой характеризуется герой («напыщенный», «надутый»), и в использовании приёма парентезы, позволяющей противопоставить описание чуда узнавания о смерти («о смерти своей узнал бесповоротно») и комментарием рассказчика, построенном на клише советской атеистической идеологии («конечно, из научных источников»). Иронический модус художественности служит средством разоблачения «святости» героя, что согласуется с большинством восточных философских учений и взглядами Ю. Мамлеева, убеждённого, что достижение абсолютной реальности возможно только посредством «Безмолвия» [7, с. 10]. Таким образом, активно-«поучительная» деятельность героя не имеет ничего общего с постижением истины, с трансляцией подлинного знания о природе бытия.

Достаточно неоднозначными для толкования являются заключительные строки рассказа: «И только в час смерти ему послышался смешок и чей-то голос в пустоте произнёс: “Улизнул всё-таки... щенок”» [8, с. 625]. «Голос в пустоте» представляет собой персонификацию Высшего Разума или Ничто, растворение в котором Николаю удалось избежать. С одной стороны, мотив смеха – один из сквозных в творчестве Ю. Мамлеева – восходит к традициям народной карнавальной культуры. С другой – мотив веселья имеет своим истоком гоголевское творчество. Семантика мотива в рассказе «Голубой» связана с концепцией праздника наоборот: смех символизирует буйство хаоса и отчуждённое безумие. Как замечает М. Бахтин, карнавальное мироощущение разрушает отграниченную серьёзность и освобождает человеческое сознание. Таким образом, финал рассказа можно интерпретировать двояко: душа героя осталась в «темнице» иллюзорного покоя и вместе с тем сохранила «привычную, обыденно-смешную» форму. Смех не «разоблачает» страшное, но становится его инвариантным признаком, его атрибутом.

По мнению Л. Скаковской, «в сказке “Голубой” неизвестный голос в час смерти героя высказывает предположение о неготовности души Рязанова обрести абсолютный покой...» [13, с. 247]. Однако, на наш взгляд, смерть не равна «абсолютному покою», а дверь, до которой не добрался главный герой, ведёт не в мир умерших. Согласно представлениям Ю. Мамлеева, Вселенная более сложно устроена, она нелинейна и иерархически организована, поэтому «высший покой» – свойство Абсолюта, который охватывает все планы мироздания: «Самоуничтожение – единственный вид деятельности для Абсолюта: зная всё, Он стремится к сладостному исчезновению, но так как сразу перейти от полного бытия к нулю весьма и весьма загадочно, невымыслимо даже для Творца, то Его чудовищное стремление к самоуничтожению выражается в том, что Он постоянно отчуждает, низводит себя на низшие ступени духа, сначала низводит до уровня метagalacticкого сознания, потом всё ниже и ниже, <...> наконец, появляется человечество, а отсюда недалеко и до всяких вшей и минералов» [6, с. 57–58].

Таким образом, художественная картина мира в рассказе «Голубой» имеет многослойную структуру. Первый пространственный уровень – проявленное бытие – включает три измерения: человеческое, медиативное (ведьмы, колдуны – люди, обладающие сверхъестественными способностями) и infernally-мифологическое (лешие, оборотни, духи). Единство земного мира в тексте воплощено в особенностях изображения персонажей низшей мифологии, которые наделены антропоморфными чертами. Ю. Мамлеев делает их участниками бытовых сценок и помещает в анекдотические ситуации, тем самым объединяя три измерения. В то же время он подчёркивает их потусторонность, близость к Ничто и отчуждённость от обыденных вещей: «Что они знают, от того у людей ум расколется», «...больно уж нечеловеческие у них глаза» [8, с. 622].

Второй хронологический уровень – «преодолевающее» бытие, или «междумирье» – занимает промежуточное положение в художественном универсуме, это пространство перехода, освобождающее субъект от ограничений здешнего, «своего» мира. В рассказе именно в нём, в «потустороннем поле», происходит встреча Николая с персонажем-посредником. Третий уровень художественного космоса – нездешнее, иное бытие, место, в котором сосредоточено трансцендентное, «тьнь последней тайны». В рассказе оно скрыто за «дверкой», отворить которую герою не было суждено. Четвёртый уровень – небытие, или антимир, находится за границами «живой жизни». О нём практически ничего не сказано в тексте Ю. Мамлеева, оно упоминается лишь в финале рассказа.

Таким образом, обращение Ю. Мамлеева к фольклорным жанрам, образам и мотивам носит полемический, игровой и отчасти пародийный характер, что позволяет соотнести его прозу с постмодернистской парадигмой. Устное народное творчество привлекает писателя своей универсальностью в создании художественной картины мира, которую он, однако, наполняет иным, метафизическим и экзистенциальным содержанием. Художественные образы и мотивы сказочной и несказочной прозы представляют собой отражение и искривление реальности в сознании, приоткрывающих неведомые потёмки человеческой души. Проблема возможности познания Абсолюта определяет развитие инициационного сюжета-становления, основанного на архаической триаде «потеря – поиск – обретение». Структурообразующими принципами конструирования художественного универсума в рассказе «Голубой» являются ремифологизация, парадокс, гротеск и трансгрессия. Столкновение и наложение различных, порой несовместимых реальностей (сна и яви, потустороннего и посюстороннего, «своего» и «чужого») определяют художественную онтологию произведения, которая отличается одновременной спаянностью и гетерогенностью элементов, что соответствует эстетике сюрреализма. Опираясь на архетипические модели времени и пространства, трансформируя и травестируя фольклорные образы и мотивы, используя сюжетно-нарративные симуляции, Ю. Мамлеев творит авторский миф, который основан на представлениях об иллюзорности и парадоксальности бытия.

Список источников

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. – Москва, 2010. – Т. 4 (2). – 640 с.
2. Бочкарева А. О. Фольклорные мотивы в рассказах цикла «Конец века» Ю. Мамлеева / А. О. Бочкарева, Т. В. Журчева // XVI Королевские чтения : в 3 т. / [науч. ред. М. А. Шлеенков]. – Самара : Самарский нац. исслед. ун-т имени С. П. Королева, 2021. – Т. 2. – С. 821–822.
3. Дещенко М. Г. Соприкосновение земного бытия человека с потусторонним как жанровый маркер новеллы Юрия Мамлеева «Голубой» / М. Г. Дещенко // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Літературознавство. – 2013. – Вип. 4 (76), ч. 1. – С. 57–64.
4. Жиндеева Е. А. Трансформация сказочных образов и мотивов в метафизической прозе Ю. Мамлеева (на материале романа «Мир и Хохот») / Е. А. Жиндеева, Е. А. Мартынова, С. С. Колмыкова (Четвергова) // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2. – С. 95–99.
5. Мамлеев Ю. Беседа с писателем / Ю. Мамлеев // Литературная газета. – 1998. – № 3. – С. 3–8.
6. Мамлеев Ю. Голос из Ничто / Ю. Мамлеев // Столица. – 1991. – № 29. – С. 57–58.
7. Мамлеев Ю. Звезды находятся в наших душах / Ю. Мамлеев // Литературная газета. – 2001. – № 4. – С. 9–14.
8. Мамлеев Ю. Избранное / Ю. Мамлеев. – Москва : ТЕРРА, 1993. – 648 с.
9. Мойсиева-Гушева Я. Ониризм и поэтический мир сюрреализма / Я. Мойсиева-Гушева // Филологические заметки. – 2011. – С. 213–220.

10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2000. – 336 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в одном томе / А. С. Пушкин. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2019. – 1214 с.
12. Рерих Н. Избранное / Н. Рерих. – Москва, 1979. – 342 с.
13. Скаковская Л. Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века / Л. Н. Скаковская. – Тверь, 2004. – 324 с.
14. Черная Л. Антропологический код древнерусской культуры / Л. Черная. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 464 с.
15. Шохина В. Послесловие / В. Шохина // Знамя. – 1990. – № 7. – С. 172–173.
16. Яковлев М. В. Фольклорные мотивы в сказке Ю. Мамлеева «Ерема-дурак и смерть» / М. В. Яковлев, А. В. Карпенко // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2022. – № 3. – С. 157–162.

References

1. Bakhtin M. M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy : v 7 tomakh = Collected works: in 7 volumes*. Moscow, 2010;4(2): 640 p.
2. Bochkareva A. O., Zhurcheva T. V. Folklore motifs in the stories of the cycle “The End of the Century” by Yu. Mamleev. *XVI Korolevskiy chteniye : v 3 tomakh = XVI Korolev's Readings: in 3 volumes*. Sci. ed. by M. A. Shleyenkov. Samara: Samara National Research University after them S. P. Korolev, 2021;2:821–822.
3. Deshchenko M. G. Contact of earthly human existence with the otherworldly as a genre marker of Yuriy Mamleev's short story “Blue”. *Naukovi zapiski Kharkivskogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni G. S. Skovorodi. Literaturoznavstvo = Scientific notes of the Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda. Literary studies*. 2013;4–76(1):57–64.
4. Zhindeyeva Ye. A., Martynova Ye. A., Kolmykova (Chetvergova) S. S. Transformation of fairy-tale images and motifs in the metaphysical prose of Yu. Mamleev (based on the novel “Peace and Laughter”). *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye = Humanities and education*. 2012;2:95–99.
5. Mamleyev Yu. Conversation with a writer. *Literaturnaya gazeta = Literary newspaper*. 1998;3:3–8.
6. Mamleyev Yu. Voice from Nothing. *Stolitsa*. 1991;29:57–58.
7. Mamleyev Yu. Stars are in our souls. *Literaturnaya gazeta = Literary newspaper*. 2001;4:9–14.
8. Mamleyev Yu. *Izbrannoye = Selected Works*. Moscow: TERRA; 1993: 648 p.
9. Moysiyeva-Gusheva Ya. Onirism and the poetic world of surrealism. *Filologicheskkiye zametki = Philological notes*. 2011:213–220.
10. Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. Nauchnaya redaktsiya, tekstologicheskiiy kommentariy I. V. Peshkova = Historical roots of the fairy tale. Scientific editorial board, text-histological commentary by I. V. Peshkov*. Moscow: Labirint; 2000: 336 p.
11. Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome = Complete Works in One Volume*. Moscow: ALFA-KNIGA; 2019: 1214 p.
12. Rerikh N. *Izbrannoye = Selected*. Moscow; 1979: 342 p.
13. Skakovskaya L. N. *Folklornaya paradigma russkoy prozy posledney treti XX veka = Folklore paradigm of Russian prose of the last third of the 20th century*. Tver; 2004: 324 p.
14. Chernaya L. *Antropologicheskiiy kod drevnerusskoy kultury = Anthropological code of ancient Russian culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur; 2008: 464 p.
15. Shokhina V. Afterword. *Znamya*. 1990;7:172–173.
16. Yakovlev M. V., Karpenko A. V. Folklore motifs in the tale of Yu. Mamleev “Yerema the Fool and Death”. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the State Humanitarian and Technological University*. 2022;3: 157–162.

Информация об авторах

А. А. Боровская – доктор филологических наук, профессор, доцент;
О. О. Ошмарина – аспирант.

Information about the authors

A. A. Borovskaya – Doctor of Philology, Professor, Associate Professor;
O. O. Oshmarina – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 91–95.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):91–95.

Научная статья
УДК 821.161.1

**СВОЕОБРАЗИЕ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ ХОРРОРА
В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА ВАРГО**

Алина Гайсаевна Мендагалиева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, alin.van2017@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике цветообозначений в прозе авторов проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы», относящейся к жанру хоррор. Исследование семантики цвета может расширить представление о художественной картине мира писателей, отражённой в поэтике их произведений. В ходе проведённого анализа установлены основные цвета, составляющие колористическую палитру прозы А. Варго: серый, чёрный, белый и красный. Выделены изобразительная и эмотивная функции цветообозначений. Отмечается, что цветовой доминантой художественного мира хоррора выступает ахроматическая гамма чёрного, белого и серого цветов. Подчёркивается, что колористические акценты ахроматических цветов способствуют созданию атмосферы страха, тревоги, уныния, символически соотносятся с потусторонним миром, областью небытия. Обнаружено, что серый цвет чаще всего выступает как маркер эмоционального состояния страха. Он ассоциируется с сумеречным временем, переходным положением между светом и тьмой, жизнью и смертью, бытием и небытием. Указано, что красный цвет представляет единственный яркий элемент в палитре прозы А. Варго. Он контрастирует с оттенками чёрного, серого и белого, вызывая ассоциации с кровью. Красные детали в поэтике хоррора предупреждают об опасности, предвещают страшные события сюжета. Как и ахроматические тона, красный цвет участвует в создании образа потустороннего мира, являясь колористическим атрибутом преисподней. Сделан вывод о жанровой обусловленности семантики цвета в произведениях литературы ужасов. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения семантики и особенностей функционирования цветообозначений в художественных произведениях различной жанровой природы.

Ключевые слова: хоррор, жанр, Александр Варго, цветовая палитра, семантика цвета

Для цитирования: Мендагалиева А. Г. Своеобразие цветовой палитры хоррора в прозе Александра Варго // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 91–95.

Original article

**THE PECULIARITY OF THE COLOUR PALETTE OF HORROR
IN ALEXANDER VARGO'S PROSE**

Alina G. Mendagalieva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, alin.van2017@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of colour terms in the prose of the authors of the project "Alexander Vargo and the Apostles of Darkness," which belongs to the horror genre. The study of the colour semantics can expand the understanding of the artistic worldimage of writers, reflected in the poetics of their works. In the course of the analysis, the primary colours that make up the colour palette of A. Vargo's prose were established: grey, black, white and red. The pictorial and emotive functions of colour terms are highlighted. It is noted that the dominant colour group of horror is the achromatic range of black, white and grey colours. It is emphasized that the colouristic accents of achromatic

colours help create an atmosphere of fear, anxiety, sadness, and symbolically correlate with an another world, the sphere of non-existence. It has been found that grey colour most often acts as a marker of the emotional state of fear. It is associated with the twilight time, the transitional state between light and darkness, life and death, being and non-being. It is indicated that a red colour represents the only bright element in the palette of A. Vargo's prose. It contrasts with shades of black, grey and white, associating with blood. Red details in the poetics of horror function as warning signs of danger and anticipate terrible events in the plot. Like achromatic tones, red colour is involved in creating the image of the other world, being a colouristic attribute of the underworld. A conclusion is made about the genre-specific nature of the semantics of colour in the horror literature. The results of the study can be used for further study of the semantics and features of the functioning of colour terms in various genres of literature.

Keywords: horror, genre, Alexander Vargo, color palette, semantics of color

For citation: Mendagalieva A. G. The peculiarity of the colour palette of horror in Alexander Vargo's prose. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):91–95 (In Russ.).

Важной частью художественной картины мира писателя является цветовая палитра, отражающая как особенности индивидуального мировидения автора, так и «оптику» жанра, к которому относятся его произведения.

В прозе современных российских писателей, авторов проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы», получила отражение цветовая картина мира, специфическая для жанра хоррора. Колористические детали участвуют в создании мрачной атмосферы ужаса, тревоги, напряжённого ожидания. Цвет становится проводником настроения, инструментом трансляции авторских интенций.

В рамках данного исследования было проанализировано около ста контекстов, включающих колористические детали, из восьми произведений А. Варго.

В результате исследования было обнаружено, что цветовая палитра прозы А. Варго относительно бедна, так как ограничивается четырьмя основными цветами. Она включает оттенки серого (53 % примеров), чёрного (20 %), красного (16 %) и белого (10 %) цветов. Случаи других цветообозначений единичны.

Серый цвет встречается в колористической картине хоррора А. Варго наиболее часто. Во многих случаях он выступает колористической доминантой пейзажа, создавая настроение грусти, уныния, отчаяния. Эмотивную символику серого цвета подчёркивают эмоционально окрашенные эпитеты: «Стоял *безнадёжно* серый день. Под *понурыми* деревьями, как муравьи, сновали *бесцветные* маленькие человечки» [5, с. 19]. В отдельных примерах оттенок серого цвета конкретизирован. Так, составными эпитетами обозначаются серые тона, характерные для непогоды или сумеречного времени: «*свинцово-серым*» кажется город в дождливый день [7, с. 35]; «*мутно-серым*» выглядит лес, когда наступают сумерки; «*тускло-серое*» небо сравнивается с «тяжким серым одеялом, придавившим город к земле» [6, с. 82]. Серый цвет используется и для описания внутреннего пространства пустующего жилья: «Сергей закурил, глядя в *серый потолок*, сплошь затянутый рваными лохмотьями паутины» [2, с. 75–76].

Серый цвет доминирует среди цветообозначений в портретных характеристиках персонажей. Так, бледное от испуга лицо одного из персонажей сравнивается со старой, посеревшей от грязи скатертью: «Обрюзгшее испуганное лицо Алексея *посерело*, как старая заляпанная скатерть, которую всё собираются выбросить, да руки не доходят» [4, с. 325]. При описании лица испуганного человека неоднократно указывается пепельно-серый цвет: «Бледное лицо Василия стало *пепельно-серым*, напоминая грязный талый снег у обочины» [9, с. 15]; «И без того бледное, исхудавшее лицо Жанны стало *пепельно-серым*, как подтаявший сугроб на обочине» [4, с. 193]; «Его и без

того бледное лицо стало *пепельно-серым*, как у покойника» [2, с. 95]. В последнем примере примечательна ассоциативная связь серого цвета и смерти. Пепельно-серый оттенок может также служить для цветообозначения болезни или старости: «...пепельное лицо так испещрено морщинами, словно этого бедолагу коптили на медленном огне» [7, с. 57]. Глупости, приходящие в голову от страха, названы «*тёмно-серыми*» [3, с. 299]. Серый цвет, по наблюдению Е. Г. Мещериной, является «воплощением небытия в бытии» и «связан с возможным определением зла как относительной серединности, двусмысленности» [10, с. 81].

Оттенки серого цвета чаще всего выступают колористическим маркером страха, но могут характеризовать и другие эмоциональные состояния, например, ярость: «Её искажённое от ярости лицо было похоже на бесформенное серое пятно с глазами-дырами, в которых бесновалось *пламя*» [9, с. 161]. В данном примере серый цвет становится контрастным фоном для другой значимой колористической детали. Огненный цветовой акцент психологически точно определяет эмоцию ярости. Следует отметить, что метафоры и сравнения с семантикой пламени в прозе А. Варго создают ассоциативную связь с адом, пространством зла.

Зло символически представлено также чёрным цветом. Страх за близкого человека описан как «*крепко-чёрный*» [3, с. 268]. Чёрный цвет глаз – психологическая деталь портрета жестокого отца: «Глубокие, *чёрные*, как гудрон, глаза неотрывно смотрели на замершего ребёнка, сверля его колючим взглядом» [2, с. 9]. Чёрный цвет как цвет ночного неба или туч на грозовом небе привлекается для колористического акцентирования пространственно-временных координат хоррора.

Белый цвет в художественной картине мира хоррора также наделяется негативными коннотациями. В частности, этот цвет служит для обозначения боли: «Ему показалось, что в голове произошёл ядерный взрыв. Сначала взор заполонило невыносимо яркой *белизной*, а затем, через вечность, до него дошла взрывная волна боли» [8, с. 355]. Так же, как и другие ахроматические цвета, белый цвет может передавать главное для хоррора эмоциональное состояние страха: «Люба была *белее* снега» [6, с. 399]. Обозначение одного эмоционального состояния разными цветами отмечается как характерная черта русского языкового сознания [1, с. 50], психологические нюансы эмоций выражены метафорическим рядом, иллюстрирующим цветовую деталь.

Ахроматические колористические детали создают мрачный фон, соответствующий жанровой специфике литературы ужасов. Для цветовой картины мира хоррора в наибольшей степени характерны блёклые, тусклые, сумрачные тона: «В глазах у Васи потемнело. Мир вокруг странно выцвел, а затем погрузился в сумрак, в котором едва проглядывали контуры детей, стоявших напротив. Тьма продолжала сгущаться...» [6, с. 400]. Мир хоррора представляет собой пограничное пространство между светом и тьмой, областью жизни и смерти.

Серые, чёрные и белые оттенки являются цветовой доминантой эмоционального мира хоррора, воплощающего уныние, безнадёжность, ужас. Они участвуют в символической репрезентации смерти, потустороннего мира, лишённого ярких красок. Так, эти колористические детали служат средством портретной характеристики Смерти (Анку) в повести одного из авторов проекта И. Миронова «Квартира номер двадцать четыре». Портрет олицетворяющего Смерть персонажа ахроматичен: у него белоснежные волосы, серые тусклые глаза, серые зубы, пыльно-серые щёки. Под человеческим лицом у него скрывается, иногда становясь видимым, грязно-серый череп. Одежда персонажа (чёрный костюм, чёрный плащ) выдержана в мрачной, траурной цветовой стилистике [8, с. 272–273]. Бесцветность, доминирование серых,

белых и чёрных оттенков указывают на принадлежность героя к миру смерти, воплощением которой он и является.

Единственным ярким акцентом в цветовой палитре хоррора А. Варго выступает красный цвет. Он часто используется для колористической характеристики подземного мира, ада. Красные детали также передают чувство тревоги, сигнализируют об опасности, нередко предваряя трагические события сюжета: «Красный свет светофора падал на кожу, придавая лицу зловещий вид. На секунду Лана представила, что это отблески адского пламени, в котором отбывают свой бессрочный срок грешники» [8, с. 315]. Красный как цвет крови появляется в произведениях А. Варго как в прямом, так и в переносном смысле. Кроваво-красный цвет появляется в пейзажных описаниях. Так, блики солнечного света в океане кажутся алыми, как кровь: «На морской глади вспыхивали алые отблески небесного светила, увеличиваясь с каждой секундой, – казалось, солнце сочилось кровью, которая медленно, но неуклонно разливалась по океану» [3, с. 146]. Закатные солнечные лучи придают кровавый оттенок красному автомобилю: «Лучи клонившегося к горизонту солнца искрились в тёмно-красном мареве внедорожника, напоминая пузырящуюся кровь» [2, с. 42]. В данном примере цвет крови в описании заката является тревожным сигналом о приближении ночи, времени суток, особенно значимого для поэтики ужасного.

Таким образом, колористические детали играют важную роль в поэтике жанра хоррор, выполняя изобразительную и эмотивную функции. Центральное место в цветовой палитре прозы А. Варго принадлежит ахроматическим тонам серого, чёрного и белого, с которыми резко контрастирует красный цвет. Все они символически отражают картину мира хоррора. Оттенки ахроматической гаммы служат цветообозначениями негативных психоэмоциональных состояний, прежде всего страха, а также ощущений боли, страдания. Красный цвет ассоциируется с кровью и участвует в метафорическом описании предметов и явлений, вводя их в ассоциативное поле хоррора. Все названные выше цвета могут выступать маркерами потустороннего мира, мира смерти, небытия.

Список источников

1. Бочкарёв А. Е. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании / А. Е. Бочкарёв // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 43–51.
2. Варго А. Дитя подвала / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2019. – 384 с.
3. Варго А. Дрейф / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2017. – 320 с.
4. Варго А. Закрытый показ / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2022. – 448 с.
5. Варго А. Кристмас / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2009. – 146 с.
6. Варго А. Не та дверь / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2016. – 448 с.
7. Варго А. Номер 19 / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2022. – 416 с.
8. Варго А. Плохая шутка / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2019. – 416 с.
9. Варго А. Проводник / А. Варго. – Москва : Эксмо, 2018. – 256 с.
10. Мещерина Е. Г. «Се красота из синего эфира...» (к проблеме эстетики цвета в поэзии Серебряного века) / Е. Г. Мещерина // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2009. – № 1. – С. 63–90.

References

1. Bochkaryov A. E. On the color designations of feelings and emotions in the Russian linguistic consciousness. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017;15(4):43–51.
2. Vargo A. *Ditya podvala = Child of the Basement*. Moscow: Eksmo; 2019: 384 p.
3. Vargo A. *Dreyf = Drift*. Moscow: Eksmo; 2017: 320 p.
4. Vargo A. *Zakrytyy pokaz = Closed Screening*. Moscow: Eksmo, 2022: 448 p.
5. Vargo A. *Kristmas = Christmas*. Moscow: Eksmo, 2009: 146 p.
6. Vargo A. *Ne ta dver = Not That Door*. Moscow: Eksmo, 2016: 448 p.

7. Vargo A. *Nomer 19 = Issue 19*. Moscow: Eksmo, 2022: 416 p.
8. Vargo A. *Plokhaya shutka = Bad Joke*. Moscow: Eksmo, 2019: 416 p.
9. Vargo A. *Provodnik = Guide*. Moscow: Eksmo, 2018. 256 p.
10. Meshcherina E. G. "Behold the Beauty from the Blue Ether..." (on the Problem of the Aesthetics of Color in the Poetry of the Silver Age). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 "Filosofiya" = Bulletin of Moscow University. Series 7 "Philosophy"*. 2009;1:63–90.

Информация об авторе

А. Г. Мендагалиева – аспирант.

Information about the author

A. G. Mendagalieva – postgraduate student.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 96–102.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):96–102.

Научная статья
УДК 81.25

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА КНИГИ В. В. ВЕРЕСАЕВА «ПУШКИН В ЖИЗНИ»

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, grig72@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанровых признаков книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни». В ходе исследования выявлено, что основной интенцией данного текста является информирование о личности Пушкина посредством прямого указания фактов и мнений. Для реализации данной интенции В. В. Вересаев использует технику коллажа, выстраивая письменные высказывания очевидцев в хронологическом порядке, формирующем сюжетную линию. Подбором цитат В. В. Вересаев выстраивает собственную концепцию личности Пушкина. Коллажная техника, с одной стороны, нарушает стилевое единство романа, поскольку включает ситуативно-разнообразные речевые высказывания, с другой – она генерирует стилевую целостность, обусловленную интенциями текста, его хронотопом и денотативным единством. Установлено, что жизнеописание Пушкина имеет прерывистый, фрагментарный характер, поскольку включает в себя нарративы об отдельных событиях из жизни поэта. Составитель опирается на фоновые знания читателя о биографии Пушкина и достраивает их. В то же время автор предоставляет читателю возможность самостоятельно делать выводы, формировать свой образ поэта. Он как бы помещает интерпретатора в «пушкинский контекст», побуждает его к творческой активности дополнить, достроить незаполненные места нарративного пространства. Рема заголовка текста «в жизни» указывает на специфику изложения: представление личности в условиях повседневности. Этот онтологический аспект становится фильтром отбора материала. Приведённые цитаты разделены на два вида: фактологические и характеризующие. Итогом исследования жанровых особенностей книги «Пушкин в жизни» В. В. Вересаева стало выявление следующих жанровых признаков: вторичность по отношению к другим текстам, коллажная техника, определяющая полифонию точек зрения на героя, объективность, скрытость авторской модальности, интенция воссоздать портрет героя в контексте повседневности.

Ключевые слова: В. В. Вересаев, А. С. Пушкин, жанр, хроника, интенция, коллаж

Для цитирования: Токарев Г. В. Жанровая специфика книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 96–102.

Original article

Genre specifics of V. V. Veresaev's book "Pushkin in Life"

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, grig72@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article deals with the consideration of genre features of V. V. Veresaev's book "Pushkin in Life". The study reveals that the main intention of this text is to inform about Pushkin's personality by directly stating facts and opinions. To implement this intention, V. V. Veresaev uses the technique of collage, arranging the written statements of eyewitnesses in chronological order to form a storyline. By selecting the quotes, V. V. Veresaev builds his own concept of Pushkin's personality. The collage technique, on the one hand, disrupts the stylistic unity of the novel, as it includes situationally diverse speech utterances; on the other hand, it generates stylistic integrity conditioned by the

intentions of the text, its chronotope and denotative unity. It has been found that Pushkin's biography is discontinuous and fragmentary, as it includes narratives about separate events in the poet's life. The compiler draws on the reader's background knowledge of Pushkin's biography and further develops it. At the same time, the author gives the reader the opportunity to draw independent conclusions, to form their own image of the poet. It seems to place the interpreter in the "Pushkin context", encourages creative activity to supplement and complete the unfilled places of the narrative space. The rhema of the text title "in life" indicates the specificity of the narrative: the representation of the individual within the conditions of everyday life. This ontological aspect becomes a filter for the selection of material. The quotations given are divided into two types: factual and characteristic. The research into the genre features of the book "Pushkin in Life" by V. V. Veresaev has resulted in the identification of the following genre markers: secondary character in relation to other texts, collage technique, which determines the polyphonic viewpoints of the main character, objectivity, hidden nature of the author's modality, the intention to recreate the portrait of the protagonist in the context of everyday life.

Keywords: V. V. Veresaev, A. S. Pushkin, genre, chronicle, intension, collage

For citation: Tokarev G. V. Genre specifics of V. V. Veresaev's book "Pushkin in Life". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90):96–102 (In Russ.).

Введение. В творчестве В. В. Вересаева особое место занимает произведение «Пушкин в жизни». Его целью является воссоздание портрета выдающегося поэта в контексте повседневности. Данная задача решается путём подбора цитат из воспоминаний современников А. С. Пушкина, исследователей его жизни и творчества, дневников и писем поэта. Содержание цитат соответствует хронологии жизни выдающейся личности и формирует сюжетную линию произведений. В литературоведении для определения речевой разновидности подобных текстов используется термин хроника характеристик и мнений. Данный жанр смежен с такими видами биографических произведений, как роман-исследование, роман-реконструкция [11]. Как указывает В. А. Рогатин, жанр хроники связан с творчеством У. Шекспира (1590–1610) [7, с. 26]. А. Квятковский в «Поэтическом словаре» даёт краткое определение хронике: «жанр мемуарно-повествовательной литературы, изображающей последовательное течение событий общественно-политических, военно-исторических, семейно-бытовых и пр.» [3, с. 336]. В этой ёмкой дефиниции акцент сделан на денотативном и нарративном аспектах текстов. Е. В. Никольский дефинирует хронику как «...литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [6, с. 50]. Из приведённого определения следует, что специфической чертой хроники является фокусирование внимания автора на последовательности событий. Е. В. Коренева, В. М. Соколова характеризует жанр хроники как гибридный: «Одним из показательных жанров, отражающих взаимосвязь между литературой и журналистикой, является хроника» [4, с. 221]. Развивает эту мысль И. А. Тарасова, рассматривая жанр в когнитивном ключе. Исследователь отмечает, что «...жанровые классы не являются образованиями с чёткими границами, они текучи и построены по принципу "фамильного сходства": принадлежность отдельного произведения тому или иному жанру определяется его сходством с наилучшим жанровым образцом – "прототипом"» [9, с. 88].

Целью данной статьи является рассмотрение жанровых признаков книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», которые не получили в филологической науке достаточного освещения.

С. В. Мкртычан при определении жанра обращает внимание на формальный аспект данного феномена: «...речевой жанр выступает как форма "упаковывания" высказывания в речи...» [5, с. 15]. Следует добавить, что данная упаковка имеет и ментальное, и знаковое воплощение. Жанр можно сопоставить с типом ментальной категоризации – кластером, паттерном, фреймом и т. п., который объективирует определённый набор знаковых средств. Исходя из понимания жанра как «исторически складывающегося

и развивающегося типа литературного произведения» [8, с. 56], обладающего рядом признаков, исследуем специфические черты жанра хроники характеристик и мнений, или документальной биографии (хотя сам составитель отказывался от такой характеристики своего произведения!), созданного В. В. Вересаевым. Описание жанра в числе иных аспектов включает в себя коммуникативный (выражаемые интенции), денотативный (особенности хронотопа воплощаемой темы), формальный (средства объективации), которые тесно переплетаются. Рассмотрим разработанный В. В. Вересаевым жанр в трёх указанных аспектах.

Исследование. В. В. Вересаев характеризует свой труд следующим образом: «Систематический свод подлинных свидетельств современников», и далее: «... книга моя – не биография Пушкина, считаю нужным повторить это ещё раз. Она – только возможно-полное и возможно-объективное собрание материалов, касающихся непосредственно “Пушкина в жизни”» [2, с. 14]. Из приведённой цитаты следует, что основной интенцией данного текста является информирование о личности А. С. Пушкина, повседневной стороне его жизни посредством прямого указания фактов и мнений, фокусирование внимания на деталях, по которым можно воссоздать портрет личности. Хотя Тынянов считал, что Вересаев не учёл «творческую судьбу поэта», а в свидетельствах, вызвавших полное доверие Вересаева, предстаёт не столько подлинный Пушкин, сколько Пушкин, «каким он казался или даже хотел казаться постороннему глазу» [10, с. 542].

Важными в авторском определении жанра являются признаки полноты и объективности, из которых следует, что изложение должно быть последовательным и достаточным, а также исключаящим субъективную интерпретацию. Таким образом, основной интенцией данного жанра становится документальное, полное, объективное изложение биографии лица с опорой на свидетельства очевидцев.

В. В. Вересаев создаёт жизнеописание не в художественном или публицистическом стилях, как обычно, а в документальном, что не даёт возможности отнести анализируемый текст к прототипам биографий-хроник. Для реализации данной интенции В. В. Вересаев использует технику коллажа, выстраивая письменные высказывания очевидцев в хронологическом порядке, формирующем сюжетную линию. Данный способ формирования нарратива обуславливает квалификацию разработанного жанра как вторичного, «перерабатывающего различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям...» [1, с. 159]. Коллажная техника, с одной стороны, нарушает стилевое единство романа, поскольку включает ситуативно-разнообразные речевые высказывания, с другой – она генерирует стилевую целостность, обусловленную интенциями текста, его хронотопом и денотативным единством.

Использование коллажной техники ставит перед нами два вопроса: может ли при такой подаче материала выражаться авторская позиция и в чём заключается специфика объективации образа персонажа.

На первый взгляд, использование цитат без комментариев исключает выражение авторского отношения к сообщаемой информации. Однако авторская модальность присуща этому тексту. Это выражается:

1) в определении хронотопа произведения: цитаты отражают хронологию жизни поэта: рассказ о предках, родителях, детстве, учёбе в лицее и т. д. В монтаже текста автор учитывает не только даты, поставленные пишущими, но и хронологию жизни Пушкина;

2) в выстраивании системы образов: упоминаемые в цитатах реальные лица становятся персонажами;

3) в отборе наиболее интересных для раскрытия образа главного персонажа цитат;

4) в их оценке с точки зрения объективности и достоверности. В. В. Вересаев в предисловии книги пишет: «Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно всё, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного» [2, с. 9];

5) в расположении цитат. Цитируемый материал по-разному освещает одно и то же событие, благодаря чему автор хроники достигает полиперспективного повествовательного эффекта. Так, событие «Аудиенция у императора в Москве после ссылки в Михайловском» освещается П. В. Нащокиным: «Когда Пушкина перевезли из псковской деревни в Москву, прямо в кабинет государя, было очень холодно. В кабинете топился камин. Пушкин обратился спиной к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах и был до конца признателен государю»; Н. М. Смирновым: «По приезде в Москву Пушкин введён прямо в кабинет государя; дверь замкнулась, и, когда снова отворилась, Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, весёлым, счастливым. Государь его принял, как отец сына, всё ему простил, всё забыл, обещал покровительство своё»; А. А. Дельвигом: «Александр был представлен, говорил более часу и осыпан милостивым вниманием: вот что мне пишут видевшие его в Москве», Локателли: «Говорят, что его величество дал Пушкину отдельную аудиенцию, длившуюся более двух часов» [2, с. 316–317]. Благодаря такой полифонии мнений у читателя складывается объективная картина происходящего.

Денотативный аспект текста, как было сказано выше, отражает жизнеописание Пушкина. Следует отметить, что оно имеет прерывистый, фрагментарный характер, поскольку включает в себя нарративы об отдельных событиях из жизни поэта. Рема заголовка текста «в жизни» указывает на специфику изложения: представление личности в условиях повседневности, не иконой, а обычным человеком. Этот онтологический аспект становится фильтром отбора материала. Составителя интересует личность А. С. Пушкина, его качества, живой, меняющийся поэт, поэтому отбору подлежат противоречивые, эмоциональные, неоднозначные и порой скандальные высказывания. Для достижения объективной картины приводятся записи из дневника, писем Александра Сергеевича, тем самым нарратив произведения получает большую объективность. Кроме личности поэта, рассказывается о его окружении: Раевском, Инзове, Воронцове, Н. Н. Гончаровой и др.

Иногда составитель удаляется от главной темы, приводя свидетельства, имеющие косвенное отношение к личности Пушкина. Например, описывающие земельные угодья и население Михайловского: «В Зуеве, что ныне Михайловское, с прочими деревнями, по межеванию 1786 года, земли количество следующее...» (Н. И. Павлищев – Пушкину) [2, с. 252]. Описание барского дома в Михайловском, в котором жил Пушкин во время ссылки, также характеризуется документальной точностью: «Дом – деревянный, на каменном фундаменте, обшитый тесом, длиною в 8 сажень, шириною 6 сажень, 2 подъезда с крыльцами, 1 балкон, 20 дверей, 14 окон, 6 печей; флигель деревянный, крытый и обшитый тесом, в нём одна комната, 3 окна, 3 двери, русская печь, а под одною с ним связью – баня с голландскою печью с котлом; 3 других флигеля, амбары и т. д.» (Опись, учинённая 18 мая 1838 г. Опочецким земским исправником Васюковым) [2, с. 253].

Приведённые цитаты можно разделить на два вида: фактологические и характеризующие. Цель первых – сообщение информации, вторых – характеристика посредством оценки того или иного объекта. Так, выдержка из донесения одесского градоначальника новороссийскому генерал-губернатору

носит фактологический характер: «Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск. На прогоны к месту назначения, по числу верст 1.621, на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.» (Одесский градоначальник в донесении новороссийскому генерал-губернатору от 29 июля 1824) [2, с. 246]. Фрагмент из «Ведомостей об успехах воспитанников Лицея...» имеет характеризующий характер: «(19 ноября 1812 г.): “Пушкин – весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики”» (А. П. Куницын из «Ведомости об успехах воспитанников Лицея по части логики и нравственной философии») [2, с. 67]. Фактологические цитаты используются для построения сюжетной линии, являются средствами объективации хронотопа мозаичного повествования. Они участвуют в формировании художественного времени текста, его нарративной линейности. Е. В. Никольский отмечает: «В центре хроники находится время как субъект исторического процесса. ... Для хроники характерен экстенсивный сюжет, образующийся чередованием сцен, фрагментов, картин, меняющейся действительности, структура хроники отражает темп, длительность, порядок и ритм отражаемых событий, за точку отчёта которых принимаются моменты реально-исторического времени...» [6, с. 50]. Характеризующие высказывания формируют эмотивно-оценочный фон текста. Например: «...Кстати: повторяю мою просьбу, – избавьте меня от Пушкина, это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе» (гр. М. С. Воронцов – гр. К. В. Нессельроде, 2 мая 1824 г., из Кишинева) [2, с. 228].

В качестве аргументов приводятся не только мнения, но и фрагменты документов, газет того времени, например: «Свидетельство об окончании Лицея»; хроника в газете: «Пушкин прибыл 9 августа прямо к отцу своему, статскому, советнику Сергею Львовичу, проживавшему в Опочечком уезде, в сельце Михайловском. ...» («Псковские губернские ведомости», 18G8, № Ю.)

Е. В. Коренева и В. М. Соколова отмечают: «Хроника перестраивает реальность фрагмент за фрагментом, упорядочивая её и воссоздавая темп событий, превращаясь в прямое свидетельство эпохи» [4, с. 223]. Подбором цитат В. В. Вересаев выстраивает собственную концепцию личности Пушкина. Изложение характеризуется мозаичностью, цитаты освещают отдельные ситуации. Составитель опирается на фоновые знания читателя о биографии Пушкина и достраивает их. В то же время автор предоставляет читателю возможность самостоятельно делать выводы, формировать свой образ поэта. Он как бы помещает интерпретатора в «пушкинский контекст», побуждает его к творческой активности дополнить, достроить незаполненные места нарративного пространства.

Заключение. Таким образом, книга «Пушкин в жизни» В. В. Вересаева характеризуется следующими жанровыми признаками: вторичностью по отношению к другим текстам, коллажной техникой, определяющей полифонию точек зрения на героя, объективностью, скрытой авторской модальностью, интенцией воссоздать портрет героя в контексте повседневности, вниманием к деталям, порождающим индексальный тип восприятия текста и стимулирующим читательскую активность, проявляющуюся в подталкивании воспринимающего самостоятельно интерпретировать предлагаемую информацию. Текст В. В. Вересаева характеризуется целостностью, основанной на чёткости интенций. Писателю удалось создать уникальную разновидность жанра хроники.

Список источников

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. Вересаев В. В. Пушкин в жизни / В. В. Вересаев. – Москва : Советский писатель, 1936. – 529 с.
3. Квятковский А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 377 с.
4. Коренева Е. В. Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки / Е. В. Коренева, В. М. Соколова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 6 (848). – С. 220–231.
5. Мкртычан С. В. Речевой жанр: о единицах структурирования продукта речевой деятельности / С. В. Мкртычан // Жанры речи. – 2015. – № 1 (11). – С. 15–22.
6. Никольский Е. В. «Преданья русского семейства»: жанр семейной хроники в русской литературе XIX–XX столетий / Е. В. Никольский // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. – Санкт-Петербург : Ленинградский гос. ун-т имени А. С. Пушкина, 2012. – С. 49–54.
7. Рогатин В. А. Попытка объединения жанра хроники с приемами классицизма в творчестве Бена Джонсона / В. А. Рогатин // Иностранные языки в высшей школе. – 2020. – № 1 (52). – С. 26–33.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
9. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе / И. А. Тарасова // Жанры речи. – 2018. – № 2 (18). – С. 88–95. – doi: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95.
10. Тынянов Ю. Н. Пушкин / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Художественная литература, 1990. – 480 с.
11. Шеметова Т. Г. Пушкиноведский роман-исследование как жанр / Т. Г. Шеметова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 4. – С. 14–22.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy = Collection of works*. Moscow: Russkie slovani; 1996; 5:159–206.
2. Veresaev V. V. *Pushkin v zhizni = Pushkin in Life*. Moscow: Sovetskiy pisatel; 1936: 529 p.
3. Kvyatkovskiy A. *Poeticheskiy slovar = Poetic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1966: 377 p.
4. Koreneva E. V., Sokolova V. M. Transformation of the Chronicle Genre in the Literary Context of Latin America. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021;6(848):220–231.
5. Mkrtychyan S. V. Speech genre: on the units of structuring the product of speech activity. *Zhanry rechi = Speech genres*. 2015;1(11):15–22.
6. Nikolskiy E. V. "Legends of the Russian family": the genre of family chronicle in Russian literature of the 19th–20th centuries. *Pushkinskie chteniya – 2012. "Zhivye" traditsii v literature: zhanr, avtor, geroy, tekst = Pushkin readings – 2012. "Living" traditions in literature: genre, author, hero, text*. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University; 2012:49–54.
7. Rogatin V. A. An attempt to combine the genre of the chronicle with the techniques of classicism in the works of Ben Johnson. *Inostranny yazyki v vysshey shkole = Foreign languages in higher education*. 2020;1(52):26–33.
8. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka; 2003: 696 p.
9. Tarasova I. A. Genre in a cognitive perspective. *Zhanry rechi = Genres of speech*. 2018;2(18):88–95. doi: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95.
10. Tyntyanov Yu. N. *Pushkin*. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1990: 480 p.
11. Shemetova T. G. Pushkin studies novel-research as a genre. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika" = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Literary criticism. Journalism"*. 2009;4:14–22.

Информация об авторе

Г. В. Токарев – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

G. V. Tokarev – Doctor of Philology, Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 05.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 05.05.2024.

Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 103–110.
Humanitarian Researches. 2024;2(90):103–110.

Научная статья
УДК 82

ФУНКЦИИ РЕМАРКИ В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО 1850-х ГОДОВ

Любовь Валентиновна Спесивцева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия, krilovalubov@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается ремарка как паратекстуальный элемент, играющий важную роль в раскрытии характеров персонажей, конфликта в пьесах А. Н. Островского 1850-х годов. Доказывается тезис о том, что драматург наполнил паратекстуальные элементы новой семантикой и наделил особой функцией. Ремарка в пьесах «участвует» в смыслообразовании произведения, расширяет границы восприятия текста, проявляет авторскую позицию и отношение к герою, предстаёт в тексте и как отдельный абзац, и как часть реплики героя, выделяется другим шрифтом. Драматург расширяет функции авторского, ремарочного слова, приближая его к повествовательному, когда акцентирует первостепенность психологической коллизии в произведении. В содержании ремарок появляется оттенок лиричности и повествовательности. Оформленные в абзац ремарки формируют сцену в разных ракурсах. Номинативная ремарка (заглавие пьесы) отражает единство установки автора. В предваряющей ремарке драматург обозначает место действия, создаёт атмосферу, в которой будет разворачиваться конфликт, организует пространство сцены, передаёт напряжённость ситуации. Как комментирующее высказывание автора ремарка воздействует на актёра, режиссера, читателя, основная её функция – выражение авторских интенций. Отмечается разнообразие функций ремарок: они моделируют хронотоп произведения, указывают на место, время действия, на характеры героев. Интроспективные ремарки помогают понять особенности поведения, психологического состояния персонажей в определённый момент развития действия. Ремарки А. Н. Островского направлены не только на актёров, но и на читателя, зрителя, на сам текст, становясь его конструктивным элементом.

Ключевые слова: ремарка, функция, комедия, драма, текст, хронотоп

Для цитирования: Спесивцева Л. В. Функции ремарки в пьесах А. Н. Островского 1850-х годов // Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (90). С. 103–110.

Original article

THE FUNCTIONS OF REMARK IN THE PLAYS OF A. N. OSTROVSKY OF THE 1850^s

Lyubov V. Spesivtseva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, krilovalubov@bk.ru

Abstract. The article examines stage directions as paratextual elements that play an important role in revealing the characters and conflicts in A. N. Ostrovsky's plays of the 1850^s. The article proves the thesis that the playwright filled paratextual elements with new semantics and endowed them with a special function. Stage directions in plays "participate" in the meaning-formation of the work, expand the boundaries of text perception, demonstrate the author's position and attitude toward the hero appear in the text both as a separate paragraph and as part of the hero's remark, and are highlighted in a different font. The playwright expands the functions of the author's stage direction word, bringing it closer to the narrative word when emphasizing the primacy of the psychological collision in the work. A touch of lyricism and narrative appears in the content of stage directions. Stage directions, arranged in a paragraph, shape the scene from different angles. The nominative stage direction (the title of the play) reflects the unity of the author's attitude. In the

preliminary stage directions, the playwright designates the place of action, creates an atmosphere in which the conflict will unfold, organizes the stage space, and conveys the tension of the situation. As a commentary statement by the author, the stage direction affects the actor, director, and reader; its main function is to express the author's intentions. The variety of functions of stage directions is noted: they model the chronotope of the work, indicate the place, time of action, and the characters. Introspective stage directions help to understand the behavioral features and psychological state of the characters at a certain point in the development of the action. A. N. Ostrovsky's stage directions are aimed not only at the actors, but also at the reader, the viewer, and the text itself, becoming its constructive element.

Keywords: remark, function, comedy, drama, text, chronotope

For citation: Spesivtseva L. V. The functions of remark in the plays of A. N. Ostrovsky of the 1850^s. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2024;2(90): 103–110 (In Russ.).

А. Н. Островский вошёл в историю литературы не только как создатель репертуара для русского театра, но и новатор тематики, содержания, формы драматического произведения. «Колумб Замоскворечья» изобрёл новый способ характеристики героев, новые формы выражения в драме авторской позиции. Известно, что решающую роль в раскрытии характеров персонажей, конфликта пьесы играет ремарка. А. Н. Островский наполнил паратекстуальные элементы новой семантикой и наделил особой функцией. А. Н. Зорин определил, что ремарка «выполняет целый ряд программных задач драматурга – формообразования драмы, обозначения герметичных границ сценического формулирования предельно ясных межтекстовых установок авторежиссуры мизансцен» [2].

Паратекстуальный элемент в пьесах А. Н. Островского «участвует» в смыслообразовании произведения, расширяет границы восприятия текста, проявляет авторскую позицию и отношение к герою. Ремарка в произведениях драматурга предстаёт и как отдельный абзац, и как часть реплики героя, выделяется другим шрифтом.

В пьесе «В чужом пиру похмелье», написанной в 1855 г. и опубликованной в журнале «Русский вестник» в 1856 г., оформленные в абзац ремарки формируют сцену в разных ракурсах. Номинативная ремарка (заглавие пьесы) отражает единство установки автора: в использованной пословице в аллегорической форме сформулирована мораль будущих последующих событий. В предваряющей ремарке драматург обозначает место: «Действие происходит в Москве» [3, с. 7] и оформление пространства сцены: «Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны» [3, с. 7].

В пьесе А. Н. Островского предваряющая ремарка создаёт атмосферу, в которой будет разворачиваться действие, организует пространство сцены. Далее автор не просто называет героев, участвующих в явлении первом, но и описывает их действия: «Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним, Аграфена Платоновна» [3, с. 7], передавая напряжённость ситуации. Как комментирующее высказывание автора ремарка воздействует на актера, режиссера, читателя, именно поэтому основная её функция – выражение авторских интенций.

В отличие от своих предшественников, А. Н. Островский с особой тщательностью подходил к созданию ремарок, учитывая различные реалии повседневности. Драматург был очень внимателен к изображению деталей жизни. Его ремарки реалистичны, достоверны, соотносимы с изображённым в пьесах временем.

Если в начале своего творческого пути драматург создавал прозаизированные ремарки, то в 1850-х годов появляются лаконичные указания, важные для понимания происходящего. Опыт античных авторов позволил

А. Н. Островскому свести авторежиссуру пьес к утилитарным ремарочным конструкциям, которые отличаются лаконизмом, использованием разных лексических единиц, строгой определённой и функциональностью [2].

Особенностью творческой драматургической манеры «Колумба Замоскворечья» являются названия (заголовочная ремарка) его произведений, которые намечают основной конфликт сюжета. Название пьесы «Доходное место», опубликованной в первом номере журнала «Русская беседа» в 1857 году, проецирует важность занимаемого положения в обществе. Известно, что в основу произведения были положены впечатления автора от службы в суде: «Не будь я в такой передраге, пожалуй, не написал бы “Доходного места”» [3, с. 421]. Уже само название частично включает в себя тему чиновного мира, характер которого также раскрывается в различного вида ремарках, передающих нюансы иерархического этикета: «Юсов (с портфелем). (выходя, заметно важничает), (делает строгую гримасу и уходит в кабинет), (сделав серьёзную физиономию), манеру поведения, привычки: “Юсов. Пстой. (Оглядывает его и нюхает табак)”» [3, с. 45], особенности речи героев (тихо, громко, про себя, передразнивая, важно, гордо), пластику (кланяется, прячет руку, опускает голову на руки, отворачивается), состояние (растерянно, восторженно, страстно смотрит на неё, сквозь слёзы), физиологические черты (пьёт, рыдает, кротко).

По ремаркам комедии читатель «распознаёт» положение в обществе и характеры героев. Так, Аким Акимович Юсов, старый чиновник, противопоставлен Василию Николаевичу Жадову, молодому человеку, не только по возрасту, но и по поведению. Юсов чувствует себя хозяином жизни: делает строгую гримасу и уходит в кабинет [3, с. 56], строго [3, с. 64], важно [3, с. 65], делает серьёзное лицо [3, с. 67]. Эмоции Жадова показывают его слабость и внутреннее подчинение вышестоящему чину: «Ах, Аким Акимыч! (Кланяется.)» [3, с. 68]; дядюшке Вышневному: Жадов (кротко). [3, с. 116]. Но с Полиной герой ведёт себя по-другому, испытывая совершенно иные эмоции: «Жадов. Вы ангел! (Целует у ней руки.)» [3, с. 71]; страстно смотрит на неё [3, с. 72], вздыхает [3, с. 95], нежно [3, с. 100].

А. Н. Островский продолжает традиции А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, завершая пьесу ремарочным описанием в форме «живой картины»: «Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись. Картина» [3, с. 117].

В пьесе «Праздничный сон – до обеда», опубликованной во втором номере журнала «Современник» в 1857 году, ремарка выполняет разные функции. Первая ремарка моделирует художественное пространство и время, указывая на конкретное место действия: «Картины из московской жизни» [3, с. 118]. Особое место в пьесе занимает ремарка, комментирующая и дополняющая действия героя: Бальзаминова (одна, сидит с чулком в руках), (вяжет чулок) [3, с. 118–119]; Бальзаминов (держась за голову; подходит к зеркалу; подбегает к окну; шарит в карманах) [3, с. 123], садится на стул [3, с. 125], ходит по комнате [3, с. 126]; Юша. Здравствуйте-с. (Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устенкой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит, потупя глаза) [3, с. 136]; Недуеденов Поставь на окно. (Подходит к окну, открывает и садится против него <...> Кладёт на окно по ореху и по два и разбивает их камнем) [3, с. 137].

А. Н. Островский часто использует ремарку для раскрытия психологического состояния персонажа:

Ничкина. Да, миленький. (*Пристально оглядывает Бальзаминова.*)

Бальзаминов (*жмётся*). Что вы так на меня смотрите? [3, с. 144].

Система ремарок представлена в пьесе «Не сошлись характерами» (в первой редакции «Приданое. Семейные сцены»), опубликованной

А. Н. Островским в первом номере журнала «Современник» в 1858 году. Интересна композиция произведения. В пьесе три картины, каждая из которых подразделяется на части: в первой картине три части, во второй картине шесть частей, причём каждая имеет номинативную ремарку, переносящую действие из одного локуса в другой – I, III и V части «На дворе», II, IV и VI части «На галерее». В третьей картине четыре части. Все три картины сопровождаются комментариями автора относительно персонажей, участвующих в действии. В первой картине – семья Прежневых и нянька Поля, во второй картине – семья Толстогогораздова, горничная и два кучера, в третьей картине – Поль, его жена и мать, Неизвестный, горничная и лакей. Драматург использует антитезу в расстановке персонажей и их авторской характеристике. Описание интерьера дома Прежневых подчёркивает «совершенный упадок и остатки прежней роскоши» [3, с. 150]. Монолог Софьи Ивановны Прежневой, с которого начинается пьеса, изобилует ремарками действия («опустив книгу»), описанием внутреннего состояния («задумывается»), ремаркой («молчание»), которая троекратным повтором замедляет поток речи героини. Монолог матери заканчивается «воспоминанием» о сыне Поле: «... Ах! сколько он должен иметь успехов между женщинами! Я наперёд рада за него. Как приятно это для матери! Ах, дети! Дети! (*Нюхает спирт и потом звонит.*)» [3, с. 151].

Жестово-эмоциональная ремарка передает смену настроений героев:

Поль. Это вы, татап, доверчивы; а попадись они мне, я бы им задал. Фить, фить... (*Делает жест рукой.*) [3, с. 153].

Поль (*махнув рукой*). Ну! [3, с. 158].

Перешивкина (*целует Прежневу в плечо и становится сзади*) [3, с. 156].

Улита Никитишна (*всплеснув руками*). Ах, матушка моя! [3, с. 165].

Раздумья Серафимы Карповны, дочери Толстогогораздова, о Прежневых и замужестве передают её искренние чувства к жениху и сомнения относительно чистой возвышенной любви:

Серафима Карповна. Он благородный, хорошей фамилии... Лучше я себе во всём откажу, а уж без него жить не могу. (*Опять вздыхает и поднимает глаза.*) [3, с. 165].

Серафима Карповна (*принимая чашку от Матрёны*). Неужели мужчины могут любить только из денег?

Серафима Карповна (*выходя из задумчивости*). Да я ему и не дам денег [3, с. 165].

Речевые ремарки помогают читателю представить интонационный рисунок той или иной реплики. Изменение настроения Карпа Карпыча по отношению к деньгам передаётся с помощью градации – строго, строже, грозит пальцем:

Карп Карпыч. Ну, ещё что?

Улита Никитишна. Ничего больше.

Карп Карпыч (*строго*). Нет, ты поговори!

Улита Никитишна. Ничего, право ничего.

Карп Карпыч (*строже*). Нет, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карп Карпыч. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эх, Улита Никитишна! (*Грозит пальцем.*) Сказано: молчи!.. [3, с. 166].

Появление в третьей картине Неизвестного (приятеля Поля, человека средних лет, с греческим профилем и мрачным выражением лица, как его характеризует драматург) грозит мужу Серафимы Карповны разоблачением. При этом мрачное лицо Неизвестного меняется при разговоре с Полем. Ремарки в диалоге даны как антитеза.

Поль (*встаёт*). Ах, мой друг, я не знал, что это ты. Извини, сделай милость.

Неизвестный. Да, ты не знал. (*Осматривает с ног до головы Поля и потом кабинет.*)

Поль. Право же, не знал. Неужели бы я тебя не принял?

Неизвестный (*садится*). Ну, хорошо, хорошо.

Поль. Сигару не хочешь ли?

Неизвестный (*иронически улыбаясь*). Сигару? А когда же деньги?

Поль. Скоро, скоро.

Неизвестный. Ты скоро отдашь? (*Смотрит пристально на Поля.*) [3, с. 171].

Нежное и трепетное отношение жены к мужу также передаётся благодаря эмоциональным ремаркам, которые в монологе Серафимы Карповны выполняют экспрессивную функцию: обнимает его, задумывается, целует его [3, с. 172]. Однако когда Серафима понимает, что Поль живет с ней только из-за денег, настроение и поведение её меняется, тон становится серьёзным, а когда муж просит «пять тысяч рублей серебром», она восклицает:

Серафима Карповна. Пстой, я сейчас сочту. (*Вынимает из кармана бумажку и карандаш и считает.*) Ах! Ах! (*Убегает.*) [3, с. 176].

Драматург расширяет роль и функции авторского, ремарочного слова, приближая его к повествовательному, когда акцентирует первостепенность психологической коллизии в произведении. В содержании ремарок появляется оттенок лиричности и повествовательности.

В пьесе «Воспитанница» («*Сцены из деревенской жизни*»), опубликованной в первом номере журнала «Библиотека для чтения» в 1859 году и первоначально носившей название «Кошке игрушки, мышке слезки. Картина деревенской жизни», описательные ремарки усиливают психологический параллелизм: в них соотносятся сюжет и состояние героев с описанием природы или бытия. «Воспитанницу» можно отнести так называемым «усадебным» пьесам, в которых ремарки и диалоги персонажей в совокупности воспроизводят усадебный ландшафт. Не случайно Н. А. Добролюбов в рецензии 1859 года на пьесу назвал её «весьма замечательной» [1, с. 490], подчеркнув, что произведение «объясняет <...> процесс душевной борьбы предшествующей неразумному увлечению девушки, убиваемой самодурною силою» [1, с. 490].

Д. И. Писарев в статье «Схоластика XIX века» (1861) отмечал: «... Как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя!» [4, с. 106]. Каждому из героев в начале пьесы драматург даёт психологическую характеристику, которая будет соотноситься с дальнейшим поведением персонажа. Например, Василиса Перегриновна «постоянно коварно улыбается и страдает зубами», Потапыч «с виду важен», Гавриловна «с открытым лицом», Гриша – «выражение лица глупое» [3, с. 180].

В пьесе четыре части, каждая из которых состоит из нескольких явлений (первая часть – из пяти явлений, вторая часть – из семи явлений, третья часть – из шести явлений, четвертая часть – из пяти явлений). Первая и третья части начинаются с ремарки, в которой автор фиксирует детали природного мира: «Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решётка, отделяющая сад от поля» [3, с. 181]. Ремарка третьей части «настраивает» читателя на романтический лад: «Часть сада; на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста» [3, с. 203] – и своеобразно подготавливает к сцене объяснения Нади и Леонида.

В пьесе «Воспитанница» психологическую ритмичность сюжета и динамику повествования создают ремарки с использованием разных глагольных форм и расположенные градационно. Такие ремарки передают нарастание

чувств героев, их состояние при расставании. Встреча воспитанницы Нади и сына помещицы Леонида сопровождается эмоциональными ремарками: Леонид – «подходя», «удивлённый», «оборотившись», «сконфуженный», «робко целует», «одевает её полой плаща и обнимает», «встаёт и целует её» [3, с. 205–206]; Надя – «в испуге отнимает руку», «прячет руки», «смеясь», «у неё наворачиваются слёзы, она нагибает голову, потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво», «рассеянно и почти машинально», «в задумчивости», «кладёт голову ему на плечо», «прилегая» [3, с. 205–207]. Сопровождающие диалоги ремарки раскрывают внутреннее состояние обоих героев и подчёркивают конфликт между внутренним и внешним: Леониду нравится Надя, но он понимает, что его мать-помещица будет против этих отношений; Надя искренне любит Леонида, но тоже ощущает эту пропасть между ними. Не случайно она обращается к возлюбленному на «Вы»: «Ах! что вы это делаете! Голубчик, барин! Как вам не стыдно?» [3, с. 205]. В финале пьесы драматург передаёт отчаяние героини, когда она узнает о желании матери Леонида выдать её замуж за пьяницу: ремарки, предваряющие трагедию Нади, короткие и вроде бы незначительные, но они придают позиции девушки особый вес, подчёркивая её смелость и решимость:

Надя (*плача*). Ах, оставьте вы меня! Сделайте милость, оставьте! (*Рыдая*.) Об одном я вас прошу: оставьте меня, ради бога! (*Рыдает*.)

Гавриловна и Лиза (*машут руками*). Ступайте! Ступайте!

Леонид. Что ж вы меня гоните! Мне, чай, жалко её! Я всё-таки подумаю, может быть, можно ещё как-нибудь помочь ей.

Надя (*с отчаянием*). Ни помощников, ни заступников мне не надо! Не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас недалеко!

Леонид (*робко*). Ну, я, пожалуй, уеду... Только что она говорит! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! (*Идёт к дверям*.)

Надя (*вслед ему громко*). Прощайте! [3, с. 222].

В «Воспитаннице» автор часто использует и такую психологическую ремарку, как молчание (помолчав, пауза, небольшая пауза, не сразу и т. д.), которая определяет темпоритм действия и связана с психологическим анализом. В пьесе эта ремарка встречается в монологе Потапыча, обращённого к Леониду. Ремарка «Молчание.» [3, с. 186] разделяет речь старого дворецкого на две части – рассуждение и обращение. В третьем явлении на слова Леонида «Надя молчит.» [3, с. 187]. В разговоре Уланбековой с Василисой Перегриновной ремарка «Молчание.» [3, с. 193] «переключает» одно действие на другое. В первом явлении третьей части – кульминационной – ремарка «Молчание.» трижды встречается в первом явлении в монологах Нади о любви и жизни, обращённых к Лизе [3, с. 203–204].

Ремарка «молчание» у А. Н. Островского появляется в момент остро конфликтных психологических ситуаций, когда автор вносит дополнительный смысл в подтекст речи героя. В четвёртой части, в явлении четвёртом, происходит объяснение Нади с Уланбековой, которая, узнав о встрече воспитанницы со своим сыном, принимает решение выдать замуж девушку за Неглигентова, «приказного, очень грязного молодого человека» [3, с. 180]. Монолог Уланбековой прерывается ремаркой после слов помещицы «Правда ли это?»: «Надя молчит» [3, с. 218]. Уход со сцены старухи, принявшей жестокое решение также сопровождается ремаркой: «Молчание. Гавриловна возвращается» [3, с. 219].

Также драматург с помощью ремарки переносит действие из одного пространства в другое. Если события первой части пьесы происходят в саду, то ремарка, открывающая вторую часть, переносит действие в пространство гостиной: «Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол» [3, с. 190].

Продолжая традиции А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, А. Н. Островский использует финальные ремарки, которые занимают сильную позицию в тексте, так как участвуют в развитии главных мотивов и образов и определяют развязку сюжета произведения. Особенностью финальных ремарок в произведениях А. Н. Островского 1850-х годов является их «соединение» с последней репликой персонажа, в которой заключается «мораль», вывод пьесы. Комедия «В чужом пиру похмелье» заканчивается репликой героя:

Андрей Титыч. Что только за жизнь моя! (*Махнув рукой.*) Ах, маменька, пойдёмте! Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука.

Уходит. [3, с. 41].

В финале пьесы «Доходное место» – мезансценическая ремарка: «Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись. Картина.» [3, с. 117]. Действие пьесы «Праздничный сон – до обеда» завершают слова брата Ничкиной, который сосватал в конце Капочку:

Неуеденов. Так-то лучше. Вот и по рукам. [3, с. 149].

Заключительный монолог Поля в пьесе «Не сошлись характерами» изобилует риторическими конструкциями, благодаря которым передаётся волнение, гнев, мечты и разочарование героя, и завершается эмоционально-жестовой ремаркой:

Поль. <...> Что ж мне делать? Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз. (*Опускает голову на руки.*) [3, с. 179].

В финале пьесы «Воспитанница» драматург вкладывает в уста горничной Лизы слова поговорки как итог происшедшей трагедии на сцене:

Лиза. Видно, правда поговорка-то: кошке игрушки, а мышке слёзки [3, с. 222].

Таким образом, ремарки в пьесах А. Н. Островского 1850-х годов акцентируют глубину авторского психологизма и его отношение к героям, способствуют раскрытию противоречивости персонажей и их поступков. Драматург расширяет «зону молчания» путём замены сценических указаний в систему ремарок, которые демонстрируют переход речи в «тишину размышления», что создаёт контрастность молчания и развёрнутых монологов. Ремарки в произведениях А. Н. Островского разнообразны по своим функциям – они моделируют хронотоп произведения, указывают на место, время действия, на действия героев, их интенции. Интроспективные ремарки помогают понять особенности поведения, психологического состояния персонажей в определённый момент развития действия. Ремарки А. Н. Островского направлены не только на актёров, но и на читателя / зрителя, на сам текст, становясь его конструктивным элементом.

Список источников

1. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений : в 3 т. / Н. А. Добролюбов. – Москва : Гослитиздат, 1952. – Т. 2. – 752 с.
2. Зорин А. Н. Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX вв. / А. Н. Зорин. – Саратов : Саратовский гос. ун-т, 2008. – 240 с.
3. Островский А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / А. Н. Островский. – Москва : Художественная литература, 1959. – Т. 2: Пьесы 1856–1861. – 456 с.
4. Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. – Москва : Гослитиздат, 1955. – Т. 1. – 460 с.

References

1. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochineniy: v 3 tomakh = Collected works: in 3 volumes*. Moscow: Goslitizdat; 1952;2: 752 p.
2. Zorin A. N. *Poetika remarki v russkoy dramaturgii XVIII–XIX vv. = Poetics of stage directions in Russian drama of the 18th–19th centuries*. Saratov: Saratov State University; 2008: 240 p.

3. Ostrovskiy A. N. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh = Collected works: in 10 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1959;2: 456 p.

4. Pisarev D. I. *Sochineniya: v 4 tomakh = Works: in 4 volumes*. Moscow: Goslitizdat; 1955;1: 460 p.

Информация об авторе

Л. В. Спесивцева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about author

L. V. Spesivtseva – Candidate of Philology, Associate Professor.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 05.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 05.05.2024.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п. л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов, И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – Москва : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова, Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова, Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст / Л. Н. Тихомирова. – URL: <http://proceedings.usu.ru>, свободный (дата обращения: 20.06.2020).

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования. При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., Vavilov V. P. Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. *Defektoskopiya*. 1998;7:40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. *Applied Physics Letters*. 2002;80(18):3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2023. № 4
Научная статья
УДК 378:004

**ДИСТАНЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ
И ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК**

Владимир Викторович Вольчик^{1✉}, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1, 2}Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru✉,

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

DISTANT HIGHER EDUCATION UNDER SELF-ISOLATION AND THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL TRAPS

Vladimir V. Volchik^{1✉}, Igor' M. Shiryayev²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and

communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryaev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236–248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В. В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И. М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V. V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryaev I. M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа:

Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- тексты выступлений на круглых столах;
- материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегия журнала, проходят независимое рецензирование.

Подписка на наши издания осуществляется
по каталогу периодических изданий (газеты и журналы) ООО «Урал-Пресс»

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173
Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазоносности различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований **«Гуманитарные исследования»**
Подписной индекс – 11109
В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Языкознание», «Литературоведение».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170
Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.
Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона.
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии»**
Подписной индекс – 73313.
На страницах журнала представлены результаты исследований и новейшие разработки в области физических и технических наук.
Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Управление в социальных и экономических системах», «Математические и инструментальные методы экономики», «Системный анализ, управление и обработка информации», «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», «Информационно-измерительные и управляющие системы».
Периодичность издания – 4 раза в год.
Телефон: (8512) 24-66-60 (доб. 3). E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университетим. В. Н. Татищева»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а;
тел. (8512) 24-68-37, 24-66-60 (доб. 3; издательско-полиграфический отдел)
E-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2024
№ 2 (90)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109

по каталогу периодических изданий (газеты и журналы)
ООО «Урал-Пресс»

Главный редактор Л. Ю. Касьянова

Компьютерная правка, вёрстка,
редактирование С. Н. Лычагиной

Дата выхода в свет: 15.09.2024 г.

Цена свободная.

Заказ № 4592. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).

Уч.-изд. л. 9,1. Усл. печ. л. 12,7.

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)

E-mail: asupress@yandex.ru

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33

тел./факс (8512) 54-00-11, 73-40-40,

E-mail: a-d-t@mail.ru